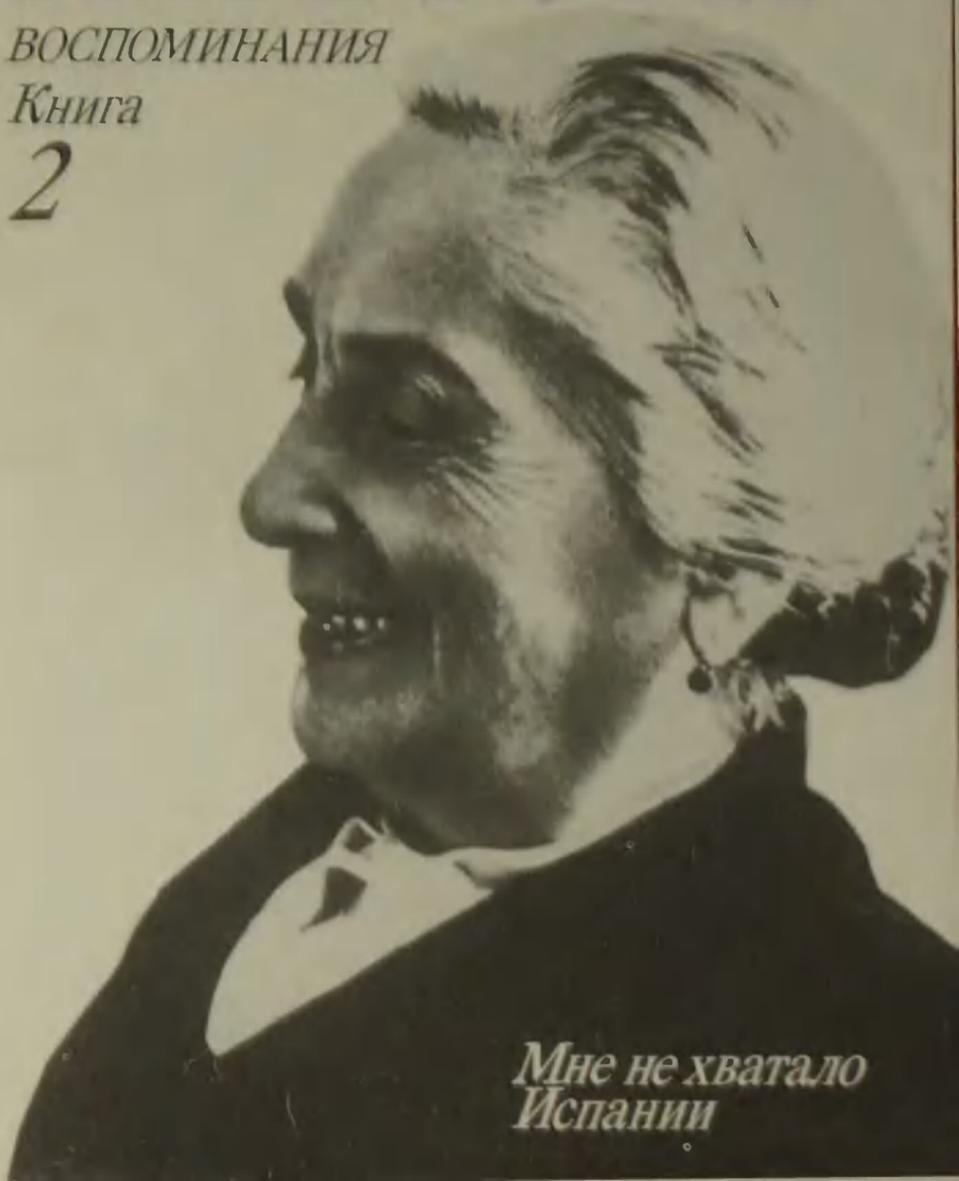

ДОЛОРЕС ИБАРРУРИ

ВОСПОМИНАНИЯ

Книга

2

*Мне не хватало
Испании*

*ДОЛОРЕС
ИБАРРУРИ*

Книга 2

1939

1977

ДОЛОРЕС

ВОСПОМИНАНИЯ

БОРЬБА И ЖИЗНЬ

В двух книгах

ИБАРРУРИ

Книга 2

1939

1977

*Мне не хватало
Испании*

*Москва
Издательство
политической
литературы
1988*

**ББК 66.61(4Ис)
И13**

**И 090500000—153 249—88
079(02)—88**

ISBN 5—250—00050—9 (кн. 2)

ISBN 5—250—00669—8

© Editorial Planeta, Barcelona, 1984

Перевод на русский язык

© ПОЛИТИЗДАТ, 1988

Книга

2

1939

1977

*Мне не хватало
Испании*

К читателю

Как-то Долорес Ибаррури сказала мне о своем намерении написать воспоминания о четырех невероятно сложных десятилетиях — с 1939 по 1977 год, то есть до нашего возвращения в Испанию, — чтобы ответить на часто задаваемый вопрос: «А что же произошло после 1939 года?» В определенном смысле речь шла о продолжении написанной ею книги «Единственный путь», изданной на испанском языке в 1962 году.

Долорес несколько раз повторяла, что не собирается писать ни автобиографию, ни обобщающий исторический или теоретический труд. Она хотела познакомить читателя с основными событиями своей жизни после гражданской войны в Испании, изложенными доступно, живым, образным языком.

Я предложила свою помощь и сделала это потому, что на протяжении пятидесяти лет нашего знакомства разделяла с ней горе и радости, помогала, сопровождала в поездках, попадала вместе с ней в сложные ситуации, была в определенной мере свидетелем богатой событиями, яркой и в то же время тяжелой жизни Пасионарии. «Самая выдающаяся испанка нашего века» — это не гипербола. Мне приходилось слышать такие или подобные им слова на самых разных языках, в разных странах от лиц, придерживающихся различных идеологий.

Ее слова «Но пасаран!» («Они не пройдут!»), получившие известность в самых отдаленных уголках мира, и сегодня остаются боевым призывом народов, борющихся за свободу.

Некоторые ветераны, возможно, еще помнят, что первая речь молодой Долорес Ибаррури в кортесах (парламенте) Испанской республики произвела сенсацию в политических кругах. Индалесио Прието отметил: «В кортесах впервые выступила женщина».

Пасионарию называют женщиной из легенды. Ее имя стало символом той Испании, которая никогда не вставала

на колени, Испании трудящихся. В ее лице мы видим мать, носящую траур, блестящего оратора, лидера, выдающегося политического деятеля, революционерку, дочь горняка и жену горняка, легендарную женщину, прославившуюся своим героизмом и страстными, пламенными речами, женщину, о которой испанский поэт Рафаэль Альберти сказал: «Во имя жизни она послала на смерть своего сына». Эта женщина пробудила вдохновение у лучших прогрессивных поэтов мира, писателей, скульпторов, выдающихся деятелей искусства.

Долорес Ибаррури занимала высокие политические посты: вице-председателя республиканских кортесов, члена Секретариата Исполкома Коммунистического Интернационала, генерального секретаря Коммунистической партии Испании (КПИ), а затем пост ее председателя. Как старейший депутат, она являлась вице-председателем новых демократических кортесов (1977), входит в состав руководящих органов многих — трудно даже подсчитать скольких — массовых организаций. В качестве представителя КПИ она присутствовала на самых важных международных конгрессах.

Долорес Ибаррури встречалась или, лучше сказать, работала рядом с такими всемирно известными руководителями коммунистического движения, как Димитров, Сталин, Мао Дзэдун, Тольятти, Хо Ши Мин, Тито, Фидель Кастро, с государственными деятелями — Дж. Неру, Генри Уоллесом, Брантингом, с такими испанскими лидерами, как Асанья, Компанис, Ларго Кабальеро, Прието, Агирре, Гарсиа Кехидо, Ламонеда, Хосе Диас, Таррадельяс.

Долорес Ибаррури принимали в ряде стран как главу государства, как представителя Испании, со всеми почестями, ее помещали в роскошные апартаменты, в которых она чувствовала себя непривычно. Велико было ее смущение, когда во время посещения Польши ей предложили остановиться во дворце Бельведер. Она вздохнула с облегчением только тогда, когда вернулась в свою квартиру в столь любимой ею Москве, где жила ее семья.

Следует сказать, что во время своих многочисленных поездок Пасионария попадала во дворцы или роскошные апартаменты от случая к случаю, чаще всего она останавливалась в скромных домах своих друзей и товарищей или жила в еще более скромных условиях, как того требовала конспирация.

Неустанно борясь за возвращение Испании к демократии, Долорес была вынуждена совершать частые полеты на самолетах, проводить многие часы и дни в пути, пересекать океаны, произносить бесконечное множество речей. Ее пламенные речи призывали к борьбе, воодушевляли людей, вселяли в них веру...

Мы, те, кто жил рядом с Пасионарией, знаем, что ни ее легендарная известность, ни почести, ей оказываемые, совершенно не влияли на нее. Она оставалась скромным членом партии, женщиной из народа, которая борется и страдает вместе с ним; она никогда не теряла тесной связи со своей Испанией, которой ей так не хватало, и со своей любимой Эускади (Страной Басков).

Вместе с тем необходимо подчеркнуть главную особенность политического мышления этой необыкновенной женщины. Благодаря ее необычайной способности к восприятию нового, умению глубоко анализировать ситуацию, исходя из реальных условий нашего времени, она в решающей мере содействовала сохранению единства, развитию и становлению КПИ. Без нее — это подтверждают авторитетные руководители — партия не смогла бы пережить тяжелые удары, преследования, долгие годы подпольной борьбы и эмиграции.

В воспоминаниях Долорес читатель не встретит ни единого слова, продиктованного злобой. Она описывает события с оптимизмом. Ее обычное выражение: «Нет ничего прекраснее, чем любовь к человеку». С высоты прожитых лет и на основе своего богатого опыта она пишет о людях, независимо от своего к ним отношения, с полным уважением к их человеческому достоинству. Она многократно подвергалась оскорблениям и клевете со стороны реакционных, фашистских сил. Но она понимает, что от врага не следует ожидать лавровых венков. К нападкам врагов она равнодушна.

Ее чтут и глубоко уважают многочисленные друзья, простые люди многих стран и, прежде всего, товарищи по коммунистической партии, основанной более шестидесяти лет назад при ее активном участии.

*Ирене Фалькон*¹

¹ Ирене Фалькон — ветеран Компартии Испании, член ЦК КПИ, в течение многих лет является секретарем и помощником Долорес Ибаррури.

Изгнание

Я закончила книгу «Единственный путь» рассказом о том, как группа партизан пришла проститься со мной на аэродром Моновар.

«— Салют, товарищ Пасионария! До скорого свидания!

Я обняла каждого из них. Они были для меня близкими и родными: товарищами, друзьями, сыновьями, с которыми мне предстояло расстаться. Со многими из них навсегда. С другими — на время. Но кто знает, насколько!»

И добавила:

«Завершилась славная, полная трагизма страница нашей истории. Начинаясь новый период борьбы. Павшие остались непобежденными».

Самолет типа «Драгон», на котором мы удалялись от левантийского побережья Испании по направлению к городу Оран (Алжир), подвергался риску быть обстрелянным морской франкистской артиллерией, командование которой получило приказ воспрепятствовать нашему вылету.

Меня сопровождал в этом тяжелом полете депутат французского парламента коммунист Жан Катла, выполнявший гуманитарную миссию по оказанию помощи в эвакуации антифашистских бойцов. Прекрасный товарищ, он впоследствии боролся в рядах французского движения Сопротивления и был казнен фашистами. Меня сопровождал также болгарский товарищ Стоян Иванов (Степанов), высокообразованный человек, представитель Коммунистического Интернационала, которого мы по-дружески звали Морено; с нами летел еще молодой руководитель басков Хесус Монсон.

Мое прибытие в Оран вызвало крупные манифестации солидарности с Испанской республикой. Незнакомые люди, и даже солдаты из охраны, открыто протягивали мне фотографии своих матерей, невест с просьбой дать им автограф на память.

Встревоженные французские власти поспешили отправить нас на находившееся в порту Оран судно, которое должно было доставить нас в Марсель.

К полудню следующего дня — это было 8 марта 1939 года — к нам присоединилась Ирене Фалькон, прибывшая в аэропорт Орана ранним утром на том же ветхом «Драгоне». Вместе с ней прилетели товарищи Франсиско Ромеро Марин, Рамон Солива и Анхелин Альварес. Первые два как офицеры были отправлены в военную крепость.

Я спросила у Ирены, как ей удалось узнать о моем местонахождении. Когда я покидала Моновар, она находилась в Альбасете со срочным заданием. По возвращении в Эльду ей поручили отправиться в Оран и во что бы то ни стало найти меня и сопровождать в дальнейшей поездке. Ей пришлось вылететь на рассвете следующего дня, так как «Драгон», на котором она должна была лететь с еще тремя нашими товарищами, не был приспособлен к ночным полетам. Расположившись вокруг костра, зажженного партизанами, они ожидали рассвета, беседуя с этими мужественными людьми. Карту Мичедина, которую я им вручила перед посадкой в самолет, они показывали как талисман судьбы.

В Орane французская полиция поместила Ирену на огромную баржу. То, что она там увидела, потрясло ее. Сотни мужчин, женщин, детей заполняли ее трюмы. Некоторые из них, как узнала Ирене, бежали из Картахены, напуганные уже самой попыткой фашистского переворота в этом городе. Кто как мог, на всевозможных плавательных средствах добрались они до алжирских берегов и теперь сидели здесь, на барже, на деревянных скамьях, не ведая, что их ожидает.

Через решетчатые оконца рабочие порта передавали им еду, выражая таким образом свои симпатии и братскую солидарность.

Один из алжирцев незаметно поздоровался с Иреной и сказал: «Я тебя узнал». Ирене поспешила спросить: «Где Долорес?»

— Пасионария? Ты бы видела, что здесь происходило, когда она вчера прибыла в Оран. Все население пришло ее встречать. Возникла мощная демонстрация. Сейчас она находится на борту французского судна, которое в ближайшие часы снимется с якоря. Как же они ее боятся!

Узнав об этом, Ирене потребовала отвезти ее в порт, надеясь отыскать меня. Ей это удалось почти перед самым отплытием французского судна из Орана.

Операция предательства

Мы заняли каюту третьего класса (наши средства не позволяли рассчитывать на большее). Поплыли... направляясь в неведомое. Напряжение последних дней, бессонные ночи, боль расставания с самым дорогим — с родной землей, беспокойство за товарищей, которые остались в Испании, — все это глубоко тревожило нас. А будущее? Что нас ожидало? Как продолжать борьбу? А наше отчаянное положение: мы уже изгнанники, иностранцы, вынужденные просить убежища в других странах... В то же время убежденность в том, что наше дело восторжествует, укрепляла наш дух, вселяла уверенность в победе нашего народа.

Мне вспомнились стихи известного изгнанника, князя Риваса, когда он более ста лет назад покидал на английском пакетботе бухту Гибралтара:

*Я упорно сражался с бандой
фанатиков, варваров и громил,
и, хотя мой стих звучит негромко,
я все же защищал свободу
своей прекрасной Родины
и поколебал основы
уродливого деспотизма...¹*

Такие мысли одолевали нас, когда раздался стук в дверь. В каюту вошло несколько французских моряков. Эти сильные люди, закаленные борьбой с морской стихией и превратностями тяжелой жизни, дружески улыбались нам.

— Мы делегация от ячейки Французской коммунистической партии на судне, — представились они.

Мы обнялись. Нам стало легче: похоже, луч света пробился сквозь сгустившиеся над нами тучи.

— Мы пришли, чтобы выразить солидарность экипажа с вами и сообщить, что находимся в вашем полном распоряжении. Капитан корабля, — продолжали они, — реакционер, у него явные намерения насчет Пасионарии...

Оказывается, существовала опасность, что капитан может выдать меня франкистам, когда судно приблизится к столице Каталонии — Барселоне.

¹ Здесь и далее стихотворные тексты, за исключением особо оговоренных, даются в переводе Р. Казаковой.

— К счастью,— добавили они,— радист — член нашей партии и он известит нас о любой подозрительной телеграмме. Если это случится, экипаж возьмет управление кораблем в свои руки.

Легко понять ту глубокую признательность, какую мы испытали к этим благородным людям. Активная солидарность французского народа с испанскими антифашистами продолжалась.

Моряки еще не раз навещали нас, сообщали новости, приносили еду, спрашивали о наших нуждах.

Однажды, радостные, они ворвались к нам в каюту: опасность миновала. Похоже, капитан не решился осуществить «операцию предательства».

За два месяца до этого, в январе 1939 года, я попала в схожую ситуацию, но и тогда, к счастью, все обошлось.

Мы должны были лететь на авиетке из Барселоны в Мадрид. Вместе со мной была Ирене. Цель нашего полета — подготовка партийной конференции в столице.

Перед самым вылетом пилот неожиданно исчез. Один товарищ подошел к нам и с тревогой заметил: «Этот пилот не внушает доверия!»

Наконец он вернулся, занял свое место и мы полетели.

Переглядываясь, мы с Иреной пытались разобраться в обстановке и понять, насколько велика опасность. Ощупывали в карманах небольшие пистолетики, которые нам когда-то подарили военные товарищи, это несколько успокаивало нас. Шепотом мы обменивались впечатлениями.

— Если нас доставят во франкистскую зону... что делать?

Было ясно, что подобный исход будет стоить нам жизни. Нам казалось, что полет продолжался очень долго. Наконец... Альбасете.

Нас встретил командующий авиацией зоны Центр—Юг, которого, помню, звали Камачо. Приветствуя нас, он с удивлением заметил:

— Как вы могли лететь этим самолетом? Пилот не тот человек, которому можно доверять.

Подозрение подтвердилось.

Похоже, этот тип, которому не следовало доверять, не осмелился осуществить задуманную им «операцию».

Вспоминаю еще один случай, происшедший после предательства Касадо. Он отдал приказ об аресте руководителей коммунистов и меня в том числе.

Я выехала на машине из Лос-Долорес, местечка, расположенного рядом с Картахеной, в сопровождении Мануэля Деликадо. Наш путь лежал в Эльду, где мы должны были присоединиться к другим товарищам.

По дороге нас остановил патруль.

— Документы!

В открытое окно машины просунулась голова одного из патрульных. Увидев меня, он преобразился: на его угрюмом лице появилась добродушная улыбка и он воскликнул:

— Так это же Пасионария! Ее это не касается. Пускай едет! Счастливого пути!

Патрульные откровенно игнорировали приказ о моем задержании.

Можно сказать, в каждом подобном случае мы словно рождались заново.

Марсель — Париж

Радио и газеты сообщили о нашем вылете из Испании, и в порту Марселя нас ожидала огромная толпа. Товарищи и друзья приняли нас очень сердечно, оспаривая друг у друга возможность оказать нам содействие и помощь.

Коммунист, депутат французского парламента от Марселя Франсуа Бийу отвез нас в свой дом, где его семья оказала нам сердечный прием.

В тот же день мы продолжили путешествие в Париж на поезде. На железнодорожном вокзале французской столицы нас тоже ожидали многочисленные друзья и товарищи. Быстро, решительной походкой ко мне подошел, широко улыбаясь, наш большой друг Морис Торез, генеральный секретарь Французской коммунистической партии. Среди встречавших друзей и товарищей был и наш генерал Хуан Модесто, незадолго до этого прибывший во французскую столицу.

Было много любопытных, и, конечно, как всегда, присутствовала полиция, представитель которой предложил свои услуги по «охране», сразу же поинтересовавшись, где я остановлюсь и моими дальнейшими планами.

Мы спокойно покинули вокзал. Французские товарищи поместили нас в доме муниципального советника Парижа Леона Мувэ, с женой которого мы были знакомы.

Мы покинули Испанию, не имея при себе никаких вещей, а наши два чемодана затерялись в дороге во время бесконечных перемещений последних недель.

*Прибытие в Париж,
март 1939 г.*

Начинается новый этап

Моей первой задачей была встреча с товарищами из руководства партии, которые находились во Франции, и установление связи с генеральным секретарем КПИ Хосе Диасом, который находился на лечении в Москве.

Необходимо было направить усилия на восстановление единства действий всех антифашистских сил, и в первую очередь классовых рабочих организаций, чтобы на новом этапе продолжать борьбу в Испании, несмотря на тяжелейшие условия, в которых должно будет развертываться движение сопротивления.

Постоянный депутатский совет кортесов

31 марта 1939 года я участвовала в Париже в заседании Постоянного депутатского совета кортесов в эмиграции в качестве его вице-председателя вместе с Антонио Михе. На этом заседании доктор Негрин сделал пространный и детальный доклад о трагическом развитии событий после падения Каталонии и до окончания войны.

«Генерал Касадо,— сказал Негрин,— во время моего пребывания в Мадриде пытался убедить меня в том, что он раскрыл заговор; что полон решимости покончить с подобными делами и готов отправить в тюрьму тех, кто публикует запрещенные им заявления...

Каково было мое удивление, когда я узнал, что одно из двух заявлений, запрещенных сеньором Касадо, моя речь от 23 февраля, произнесенная во Фигерасе...

Другими словами, он запрещал публиковать официальные заявления правительства. Вместе с тем газеты за несколько дней до моего прибытия в Мадрид дали немало материалов о том, как под руководством Касадо, который практически совсем не занимался обороной Мадрида, создавалась обстановка для нового восстания с участием новых фракционных элементов, связанных с фашистами и с представителями постоянно недовольных групп...

...Таким образом этот человек готовил почву. Он был тесно связан с начальником штаба противной стороны.

Через подобных агентов Касадо готовили к тому, чтобы добиться мира путем непосредственных переговоров между военными одной и другой стороны...»

Заседание было очень бурным. Было множество запросов, жалоб, взаимных обвинений.

Стало очевидно, что после поражения трудно спокойно оценить создавшуюся обстановку и восстановить согласие.

Среди задач, требовавших срочного решения, главной была задача по спасению как можно большего числа бойцов, оставшихся в стране, и тех, кто находились в нечеловеческих условиях во французских лагерях для беженцев. Необходимо было выволочь их из лагерей и помочь им выехать в страны, предоставившие им убежище. Это были, главным образом, Мексика, Чили, Венесуэла, другие латиноамериканские республики и, конечно, Советский Союз. Большинство же испанцев предпочитало оставаться во Франции, но, естественно... не в концентрационных лагерях.

Встреча в Москве

В те же дни мне предстояло встретиться в Москве с Хосе Диасом, генеральным секретарем нашей партии.

В мои планы входило быстро совершить эту поездку и возвратиться во Францию сразу же после встречи.

С этой целью, одетая не по сезону легко, я отправилась в порт Гавра. На мне была шляпа, которую носили в то время французские женщины, темные очки, меня сопровождал один очень представительный товарищ. В порту Гавра в это время находился советский корабль, на него уже погрузилось немалое число бывших испанских бойцов, которые решили отправиться в СССР и жить там до тех пор, пока можно будет вернуться в Испанию.

В тот момент мы и не подозревали, что такое серьезное событие, как начало второй мировой войны, перевернет все наши планы. Но так случилось.

Мне пришлось остаться в Москве, занявшись работой в Коммунистическом Интернационале в качестве кандидата в члены его Исполкома. Хосе Диас и я в основном занимались проблемами Испании.

В Москву прибыли руководители испанских коммунистов и военные, среди них: Энрике Листер, Хуан Модесто,

Дель Баррио, Хесус Эрнандес, Висенте Урибе и другие, имена которых сейчас не помню, — для встречи с Хосе Диасом, со мной и с представителями Коммунистического Интернационала для обсуждения причин поражения республиканцев. Заседание было очень трудным, долгим и напряженным. Каждый из участников рассказывал о своем опыте и высказывал критические замечания, главным образом субъективные, которые к тому же противоречили высказываниям других товарищей. Как и следовало ожидать, прийти к определенным и конкретным выводам не удалось. Все мы понимали, что должен пройти достаточно большой период, чтобы можно было подвести итоги случившегося, более того, нужно было получить дополнительные сведения о развитии событий в различных зонах страны, чтобы всесторонне проанализировать проблему и сделать правильные выводы.

На том же заседании выступили со своими оценками и соображениями аргентинский товарищ — Викторио Кодовилья и болгарский товарищ — Степанов.

Была создана комиссия, которая выработала с общего согласия документ, подводивший итог обсуждению. Однако из-за разногласий он не был одобрен участниками заседания и по этой причине не был опубликован. На это расхождение во взглядах, нашедшее отражение в тексте документа, обратил внимание позже и Пальмиро Тольятти, прочитав его.

И все же были выделены определяющие факторы поражения: во внешнем плане — германо-итальянское вмешательство и политика невмешательства, проводимая западными странами; во внутреннем плане — недостаточное единство рабочего класса и левых сил, что, в конечном итоге, привело к расколу Народного фронта.

Совсем другая столица

Восстановленная на пепелище после пожара 1812 года — во время войны русского народа против наполеоновского нашествия — Москва в наше время, несмотря на сохранившуюся в ее облике архитектуру многих веков, — это город современных зданий, разных стилей и вкусов.

Мы любовались многоцветными куполами собора Василия Блаженного каждый раз, когда проходили по Красной площади, одному из тех мест, которое привлекало нас своими революционными традициями и своей красотой (Красная площадь буквально означает «красивая площадь»). Здесь расположен Мавзолей В. И. Ленина из красного гранита, строгой формы, его постоянно посещают тысячи советских людей из всех уголков необъятной страны.

На высоких башнях Кремля, под позолоченными куполами его церквей ярко горят пятиконечные звезды из красного рубина, которые заменили двуглавых орлов — символ царской власти.

С интересом осмотрели мы Манеж, расположенный недалеко от Кремля, впоследствии переоборудованный под выставочное помещение. Нам объяснили, что он сооружен в прошлом веке по проекту нашего земляка, архитектора А. Бетанкура.

В Москве мы познакомились с прекрасным искусством и культурой, с чудесным балетом и оперой знаменитого Большого театра, где обратили внимание, что кресла роскошного партера этого театра занимают скромно одетые советские рабочие и служащие. Мы увидели здесь и хорошо одетых туристов и меломанов из многих стран мира.

Моя предыдущая работа, участие в борьбе нашего народа против фашизма не позволяли мне часто бывать в театрах, тем более слушать оперу. Лишь однажды я посетила парижский Оперный театр, куда меня пригласили французские коммунисты во время моего приезда в столицу Франции в годы войны.

В моей родной Гальярте мне нравилось бывать на выступлениях танцевальных самодеятельных групп Рабочего центра «Унион» («Единство»).

Спектакли Большого театра явились для меня и, думаю, для большинства испанцев-эмигрантов сенсацией. На его сцене выступали такие артисты с мировой известностью, как звезды балета Уланова, Лепешинская, Плисецкая, Семенова, Мессерер, певцы Михайлов, Козловский, Лемешев, Лисициан, мы восхищались их искусством в «Князе Игоре», «Бахчисарайском фонтане», «Иване Сусанине», «Чио-Чиосан», «Кармен»...

Конечно, мы, испанцы, бывали не только в Большом театре.

На узкой улице, выходящей на улицу Горького, находился цыганский театр «Ромэн», который, если не ошибаюсь, являлся единственным театром такого рода в мире, в нем играли прекрасные артисты.

Один из испанцев, Анхель Гутьеррес, приехавший ребенком в СССР в 1937 году, какое-то время был художественным руководителем театра «Ромэн». Соответствующую профессиональную подготовку он получил в Москве. Под его руководством был поставлен спектакль по пьесе Федерико Гарсия Лорки, предательски убитого фашистами, «Кровавая свадьба». Артисты-цыгане ярко и убедительно передали ее трагическую суть. Занавес и прекрасные декорации к спектаклю были выполнены по эскизам и под руководством другого испанца, Альберто Санчеса. Очень нравился советским и испанским зрителям и спектакль театра «Ромэн» «Цыганка» — сценическая версия произведения Сервантеса, осуществленная также испанцем-эмигрантом Сесаром М. Арконадой.

На сцене известного театра Станиславского в семидесятые годы шла на русском языке драма Федерико Гарсия Лорки «Дом Бернарды Альба» с участием талантливого художника сцены Альберто Санчеса.

Очарованный цыганским театром и искусством Альберто, Пабло Неруда писал:

*...быстро поднялся занавес,
и мы сразу же оказались в
мире Испании и ее сына
Альберто Санчеса из Толедо.*

Имена Лопе де Вега, Педро Кальдерона, Тирсо де Молина тогда не сходили с театральных афиш Москвы и других городов многонационального Советского Союза. Художественный театр, имеющий мировую известность, поставил на своей сцене «Сон разума» Антонио Буэро Вальехо.

*Снова со своими
детьми*

Сколько радости испытала я, когда, прибыв в Москву, смогла вновь обнять своих детей Амайю и Рубена.

Рубен добровольцем в звании сержанта сражался в Испании в горнострелковой роте армии Эбро под командова-

нием генерала Модесто. После перехода Пиренеев, как и многие другие испанские бойцы, он был интернирован во Франции в лагере Аржелес-сюр-Мер, где ему пришлось много пережить: отсутствие элементарных условий для жизни, голод, невозможность укрыться от непогоды. Вместе с другими товарищами его сумели вызволить из лагеря, и он уехал в СССР, где встретился со своей сестрой.

После долгой разлуки я, наконец, соединилась в Москве со своими детьми и снова у нас была семья. Мы жили в доме по Кисловскому переулку в центре города. В этом же доме жил со своей семьей и Хосе Диас.

Амайя ходила в школу, Рубен учился в военном училище.

В какой-то степени и другие испанцы-эмигранты были членами моей семьи. Я помогала им наладить жизнь: устроиться на новом месте, получить работу по специальности или переквалифицироваться, поступить учиться. Нелегко было решить многочисленные проблемы, возникавшие в связи с довольно пестрым составом испанских эмигрантов: среди них были рабочие, крестьяне, интеллигенты, инженеры и техники, молодые люди, женщины, ветераны революционной борьбы. У каждого свои стремления и надежды.

Испанских эмигрантов тепло и радушно приняли в Советском Союзе. Этого нельзя было сказать о других странах Европы, в которых наши сограждане испытывали всевозможные лишения.

Как правило, чаще всего я навещала наших детей и подростков, пытаюсь лаской, заботливым отношением хотя бы в малой степени заменить им матерей и родственников, которых они лишились. Я следила за тем, чтобы они ни в чем не нуждались, росли здоровыми и хорошо учились. На каждом шагу возникало множество разных проблем, связанных с устройством на новом месте, с новым кругом знакомств, проявлением характеров и темперамента. Вместе с советскими товарищами мы стремились найти наилучшее решение в каждом отдельном случае.

Испанских детей, эвакуированных в Советский Союз во время войны в Испании, разместили в хороших помещениях, их воспитывали советские и испанские преподаватели, что позволило совершить «чудо»: все они говорили на своем родном языке, а многие, изучив русский, занимались в высших учебных заведениях. Для испанских школьников издавали учебники на испанском языке.

Советские люди, которых отличает глубокое гостеприимство и чувство солидарности с другими народами, окружили наших малышей заботой и лаской. Когда маленькие испанцы появлялись на улицах в своих баскских беретах, их всегда обступали прохожие, предлагали сладости, проявляли всяческое внимание. Нам пришлось в ряде случаев отказаться от беретов, заменив их обычными шапочками, чтобы маленькие испанцы не почувствовали себя какими-то особенными детьми.

При решении всех проблем мы постоянно ощущали неоценимую помощь генерального секретаря Коммунистического Интернационала Димитрова и представителя ВКП(б) в Коминтерне Мануильского.

Коминтерн

Перипетии жизни вынудили меня радикально изменить деятельность и ритм труда. Наступил переходный период: от сражений на фронтах, трудных дебатов в кортесах, постоянной связи с массами в Испании — к новому образу жизни и деятельности. Вместе с Хосе Диасом меня ввели в состав Секретариата Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала.

Мы стали работать более организованно и систематически, участвовали в дискуссиях по теоретическим вопросам, глубоко изучали международные проблемы того сложного и напряженного периода истории.

Все это было новым для меня и, откровенно говоря, совсем не легким делом. Каждое утро я приходила в здание Коминтерна — сейчас это здание Института марксизма-ленинизма — в свой светлый и удобный кабинет. Заседания, обсуждения, лекции, раздумья. Необходимо было глубоко во всем разобраться, находясь так далеко от событий, происходивших в моей стране.

Самым примечательным в этот период была работа рядом с людьми из поколения выдающихся руководителей международного коммунистического движения, с которыми ранее я была знакома только по их выступлениям и книгам или видела на собраниях и съездах, а теперь ежедневно общалась с ними, непосредственно знакомилась с их мнением, перенимала их богатый опыт.

*Беседы
с Георгием
Димитровым*

Я познакомилась с Димитровым в феврале 1934 года в Москве. Встреча была короткой — легендарный болгарский руководитель только что прибыл в Советский Союз.

Год спустя, как член испанской делегации, возглавляемой Хосе Диасом, я присутствовала на VII историческом конгрессе Коминтерна и с огромным энтузиазмом слушала доклад Димитрова, ознаменовавший смелый поворот в стратегии и тактике коммунистических партий и подвергший критике сектантство, критику, имевшей историческое значение. Это выступление, молниеносно распространенное средствами информации, произвело огромное впечатление на трудящихся, интеллигентов, всех демократов, на мировую общественность, встревоженную установлением гитлеровского режима в Германии и его агрессивными действиями.

Авторитет этого выдающегося руководителя был очень высок. Он сумел превратить процесс в Лейпциге, затеянный нацистами с целью «уничтожения коммунизма», в процесс над национал-социализмом, получивший резонанс во всем мире. Георгий Димитров, один, окруженный врагами, находясь под арестом, в тяжелых условиях, блестяще, с неумолимой логикой защитил идеалы коммунизма. Его выступления в ходе заседаний нацистского трибунала, проникнутые твердой революционной убежденностью, показали полное ничтожество фашистских главарей Геринга и Геббельса, повергнув в отчаяние руководителей фашистской пропаганды, которые, не сомневаясь, что успех будет на их стороне, распорядились транслировать на весь мир заседания суда.

Перед фашистским трибуналом Димитров заявил: «Колесо истории вертится... Оно вертится и будет вертеться до окончательной победы коммунизма!»

Напомню, что в Испании в то время прошли кампании солидарности с Димитровым и его товарищами, находившимися в тюрьмах и обвиненными нацистами в поджоге рейхстага. Стены домов в наших городах были покрыты лозунгами с требованиями свободы для этих мужественных борцов, чьи имена были трудно произносимы для испанцев, но цели борьбы понятны всем демократам. От Испании

в качестве наблюдателя на процессе в Лейпциге присутствовал молодой адвокат-коммунист.

Прямые и ежедневные контакты с генеральным секретарем Коминтерна, его высокие интеллектуальные и человеческие качества, политический и теоретический вклад в развитие революционного движения, глубокое знание проблем современности оказывали на меня большое влияние.

Во время бесед с Димитровым я поняла, что опыт, приобретенный им в Германии, пребывание в нацистской тюрьме, анализ возникшей новой международной обстановки побудили его задуматься над вопросом, почему рабочий класс в Германии, имея две крупные рабочие партии, социал-демократическую и коммунистическую, потерпел поражение, почему массы не пошли за коммунистами.

Одна из причин — реформизм социал-демократов, их отрицательное отношение к сотрудничеству с коммунистами, их убеждение, что нацизм не сможет прийти к власти. На предложение коммунистов провести в январе 1933 года всеобщую забастовку, массовую демонстрацию берлинских рабочих у дома, где ранее жил Карл Либкнехт, руководство социал-демократов ответило отказом, запретив своим организациям участвовать в единых действиях с коммунистами.

Не следовало забывать и об ошибках, допущенных Коммунистической партией Германии и Коминтерном. Анализируя все эти обстоятельства, Димитров пришел к выводу о необходимости объединения рабочего класса и всех прогрессивных сил для защиты демократических прав, которым угрожал фашизм.

Исходя из этого Димитров подверг серьезной критике неправильные сектантские выводы, определявшие социал-демократов как «социал-фашистов», идею о возможности создания единого фронта в низовых организациях без привлечения к совместным действиям социалистических лидеров. Движение к социализму предполагает различные пути, различные формы в соответствии с решением исторических задач в каждой стране. Димитров прекрасно понимал трудности руководства из Москвы политикой коммунистических партий и делал вывод, что партии должны быть полностью подчинены своему национальному руководству, особенно в отношении анализа конкретных ситуаций.

Эти мысли и соображения Димитрова обсуждались в ходе бурных дискуссий на Секретариате Коминтерна, участники которых не всегда соглашались с ним. Так выработывалась политика крутого поворота, новая стратегия и тактика единого рабочего и народного фронта, которая была изложена на VII конгрессе Коминтерна. Она положила конец узкому догматизму нашего движения, открыла перед коммунистическими партиями перспективу революционных единых действий, что облегчало их превращение в политическую силу национального масштаба. Димитров оказал большое влияние на деятельность Коммунистического Интернационала на последнем этапе.

Во время войны в Испании Димитров направил нам послание, в котором настаивал на том, что руководителями своей партии должны быть мы сами, а представители Коминтерна — только советниками.

Объединительные тенденции

Развитие антифашистской борьбы, объединительные тенденции, имевшие место в Испании и Франции в тридцатые годы, привлекли внимание Димитрова. Ход событий в этих странах подтверждал многие из его предположений.

В Испании уже зимой 1933 года имело место новое явление — единство действий, хотя и в местном масштабе. Во время всеобщих выборов в парламент, в ходе которых победили правые силы, в Малаге возник антифашистский единый фронт, или избирательный блок с участием коммунистов, социалистов и республиканцев, что позволило левым силам провести в парламент несколько депутатов и среди них нашего товарища — коммуниста доктора Казтано Боливара.

Этот опыт позволил выявить поступательный характер единых действий, которые вскоре были подкреплены вступлением в упомянутый блок Всеобщей унитарной конфедерации труда (ВУКТ) и Всеобщего союза трудящихся (ВСТ), подписанием пакта о создании Народного фронта, объединением Союзов коммунистической и социалистической молодежи в Объединенную социалистическую молодежь (ОСМ) и созданием Объединенной социалистической партии Каталонии. Эта успешная деятельность по

объединению сил имела историческое значение для развития демократического процесса в нашей стране в тридцатые годы.

Димитров внимательно наблюдал за развитием рабочего и демократического движения в Испании. Его интересовало мнение испанских коммунистов, и он приглашал нас принимать участие в заседаниях Секретариата Коминтерна. В статьях товарища Димитрова приводились примеры из испанского опыта, которые подтверждали на практике его мысли, его теоретические выводы о едином рабочем и народном фронте. В определенной мере этот опыт обогащал и выявлял наиболее важные проблемы теории и практики, возникшие в связи с ростом фашистской угрозы.

Во время национально-революционной войны в Испании Георгий Димитров, находясь во главе Коминтерна, развернул широкую деятельность в поддержку сражавшегося с оружием в руках испанского народа.

Он постоянно советовал: необходимо расширять рамки антифашистского союза, включая в него прогрессивные силы буржуазии, все демократические слои Испании. И эту мысль он проводил, несмотря на возражения, в условиях все еще существовавших сектантских тенденций у определенной части руководства Коминтерна, считавшей, что ситуация в Испании ведет прямо к социализму. Димитров, отделяя буржуазную демократию от фашизма, с полным основанием полагал, что в Испании развивалась антифашистская демократическая революция и в случае, если испанский народ добьется победы, наша страна станет являть собой специфическое государство, пользующееся подлинно всенародной поддержкой. Или другими словами — эта победа вызовет крутой поворот в стратегии движения, станет новым явлением, которое не может быть подогнано под прежние образцы.

Димитров вел интересную переписку с руководителями Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП). В связи с этим любопытен такой факт: на одном из заседаний Исполкома Коминтерна, посвященном обсуждению испанской проблемы — в годы национально-революционной войны, — с участием, как и всегда, делегации КПИ испанским коммунистам было рекомендовано «не форсировать слияние с ИСРП, считая главным единство действий обеих партий в целях упрочения и расширения Народного фронта». Вместе с тем отмечалось, что, в случае достижения

такого слияния, Коминтерн согласен с тем, чтобы новая, объединенная партия поддерживала связи как с Коммунистическим Интернационалом, так и с Социалистическим Интернационалом, содействуя объединению двух Интернационалов, то есть тому, на что указывала общая программа, одобренная обеими рабочими партиями.

Наша партия обсудила эту важную тему на пленуме Центрального Комитета, на котором я выступила с докладом. Состоялось также заседание Национального комитета ИСРП. Добиться слияния не удалось, да этого и не могло произойти, однако было достигнуто согласие расширить число представителей в комитете по связям КПИ — ИСРП, а немного позже была одобрена программа совместных действий коммунистической и социалистической партий.

По мнению Димитрова, соотношение сил в мире складывалось не в пользу дела демократии, которое защищал испанский народ. Угроза со стороны фашизма продолжала расти, он стремился распространить свое влияние на всю Европу. В то же время «демократические» правительства западных стран, которые по логике должны были бы нам помогать, создали вместо этого печально известный Комитет по невмешательству, деятельность которого на практике благоприятствовала агрессорам.

*Если бы
Интернационалы смогли
договориться*

Социалистический Интернационал мог бы внести свой вклад в изменение соотношения сил на международной арене. Именно поэтому Г. Димитров, возглавляя руководство Коминтерна, прилагал постоянные усилия для убеждения руководителей II Интернационала в необходимости совместных действий.

Обмен письмами с Адлером и де Брукером¹, в котором проявилось страстное желание Димитрова найти новые пути для расширения мирового антифашистского движения, вдохновляемое героической борьбой испанских бойцов, привел лишь к некоторым малоэффективным соглашениям, достигнутым на конференции в Аннемассе (1937 г.).

¹ Видные деятели Социалистического Интернационала до второй мировой войны.

На этой конференции присутствовали от Коминтерна товарищи Марсель Кашен, Морис Торез, Луиджи Лонго, Франц Далем, а также Педро Чека, заменивший больного Хосе Диаса. Де Брукер и Адлер представляли Социинтерн. Социалистические лидеры согласились лишь на проведение параллельных действий, ибо, по их заявлению, у них не было полномочий на большее.

Не впадая в уныние от неуспеха этой конференции, Димитров продолжал прилагать усилия к развитию всех возможных форм международной солидарности с нашей борьбой. Он был одним из главных организаторов легендарных интернациональных бригад, бойцами которых стали храбрые и благородные люди, романтики XX века, прибывшие в Испанию из 54 стран всех континентов, чтобы не щадя своей жизни бок о бок с нами сражаться против фашистской агрессии, в защиту свободы и демократии. Обращаясь к ним, Димитров говорил: «В окопах Испании вы защищаете свободу собственного народа и независимость своих стран».

В одной из статей, опубликованной в 1938 году, Димитров отмечал: «Героическая борьба испанского народа имеет огромное международное значение. Она задерживала и задерживает развязывание новой мировой войны. Если бы германские и итальянские фашисты добились в Испании той быстрой победы, на которую они рассчитывали, то, безусловно, это усилило бы в огромной степени наглость и агрессивность этих зачинщиков войны в отношении других народов».

И добавлял: «Надо прямо сказать, что *испанский народ за эти два года сделал больше для защиты дела всеобщего мира и прогресса, чем сделали до сих пор трудящиеся капиталистических стран для поддержки испанского народа*».

Прошло много лет, многое в мире изменилось... Но из памяти не изгладились воспоминания того периода, занимающего очень важное место в моей жизни.

И снова я словно вижу Димитрова, его крупную голову, широкий лоб, умные выразительные глаза, с дружеским участием обращенные к Хосе Диасу и ко мне, когда он беседовал с нами и с молодым в то время Сантьяго Каррильо, который с конца 1939 года в течение нескольких месяцев работал в Секретариате Коммунистического Интернационала молодежи.

*С Георгием Димитровым,
Хосе Диасом, Терезой Диас
и Стеллой Благоевой
под Москвой, 1940 г.*

Несколько раз Димитров и его жена Роза приглашали нас на дачу. Там мы говорили обо всем: об Испании, о Болгарии, литературе и искусстве, о болгарском народе, его истории и культуре, об испанском народе, к которому Димитров испытывал большую симпатию, о советском народе, к которому Димитров относился с огромной любовью.

Невозможно забыть теплое, заботливое отношение Димитрова к товарищам, работавшим вместе с ним. Он был непримиримым врагом бюрократизма, устоявшихся штампов, догматизма, всегда поддерживал и поощрял инициативу своих сотрудников, даже самых робких, умел выявить их способности. Сколько раз я была свидетельницей его заботы о людях, вынужденных покинуть свою родину, где был установлен фашистский или реакционный режим. Он пытался помогать им решать бытовые и семейные проблемы, что было нелегко сделать в те трудные годы.

Когда кто-либо из товарищей падал духом, Димитров подбадривал его, говоря: «Нужно твердо идти к цели, если убежден, что политика, которую защищаешь, правильная».

Ему нравилось напоминать нам: «Правда — это самое революционное оружие».

Я была рядом с Димитровым, когда его постигло тяжелое горе: умер младший, горячо любимый им сын Митя.

Несколько лет спустя, в 1949 году, я после тяжелой болезни находилась в санатории Барвиха, расположенном в окрестностях Москвы, здесь же, как оказалось, был и Димитров. Захотелось снова увидеть его, поговорить, но его болезнь помешала нам встретиться.

Однажды утром с дочерью Амайей и Иреной Фалькон я прогуливалась в парке санатория, мы вполголоса пели песни своей земли. В этот момент на одном из балконов, выходящих в парк, появился Димитров. Он зааплодировал нам. «Очень хорошо, очень хорошо, — сказал он. — Я скоро спущусь вниз и буду петь вместе с вами».

Однако выполнить свое желание он так и не смог. Несколько дней спустя нашего друга и учителя, который высоко держал знамя коммунистических идей, человеческого достоинства и революционного героизма, не стало.

*Большой друг
испанского народа
Мануильский*

С Мануильским, представителем ВКП(б) в Коминтерне, я познакомилась в конце 1933 года во время моей первой поездки в СССР для участия в XIII пленуме Коммунистического Интернационала. На том пленуме я впервые услышала выступление Сталина. Он приветливо поздоровался со мной после речи, произнесенной мною от имени Коммунистической партии Испании.

По приглашению советских товарищей мне довелось участвовать в поездке иностранных делегатов по некоторым республикам необъятной Советской страны. Для меня все было новым и интересным. Прошло лишь два года, как я покинула свою родную Гальярту, поэтому просторы Советской страны произвели на меня огромное впечатление.

Я увидела раскрепощенных, свободных женщин, работающих во всех сферах производства. Они многого не имели — времена были тяжелые, но были полны энтузиаз-

ма, воли и желания учиться, много знать, чтобы стать настоящими в полном смысле этого слова гражданами своей новой страны.

Перед моим возвращением в Испанию Мануильский спросил меня: не хочу ли я обсудить какую-либо проблему в Коминтерне? Я действительно была озабочена проблемой профсоюзов в нашей стране. Вместе с тем мои товарищи из руководства партии не поручали мне обсуждать ее здесь, поэтому я колебалась — что ответить Мануильскому. И все-таки товарищеское внимание Мануильского к нашим проблемам побудило меня изложить свои сомнения относительно необходимости существования профсоюзной организации, руководимой коммунистами, — Всеобщей унитарной конфедерации труда (ВУКТ). По своему влиянию она уступала двум крупнейшим профцентрам — Национальной конфедерации труда (НКТ) и Всеобщему союзу трудящихся (ВСТ).

Я затронула больной вопрос. Оказалось, мое мнение совпало с мнением руководства Коминтерна, хотя публично об этом ничего не говорилось.

Когда товарищ Мануильский, выслушав меня, сказал, что мне не следует завтра уезжать, я немного смешалась, но затем, подумав, ответила, как принято у меня на родине: «Ну что ж, видно, такова воля божья». В заседании, где обсуждался поставленный мною вопрос, участвовали руководители Профинтерна — Красного интернационала профсоюзов, представители Коминтерна, некоторые иностранные профсоюзные делегаты, а также члены ИК Коминтерна Пятницкий, Бела Кун, Радек, генеральный секретарь Профинтерна Лозовский, Мануильский, еще два товарища, которых я не знала, французский товарищ Монмуссо, Барнето и я.

Заседание началось с выступления Пятницкого, мнение которого противоречило моему. Большинство товарищей, принявших участие в дискуссии, поддержали меня. Договорились обсудить этот вопрос в национальных секциях Профинтерна и Коминтерна.

Я уехала из Москвы с легкой душой, испытывая, правда, некоторое беспокойство по поводу того, как отнесутся к моему сообщению товарищи по руководству партией, не поручавшие мне обсуждать этот вопрос.

По прибытии в Мадрид я прежде всего проинформировала генерального секретаря нашей партии Хосе Диаса,

который, выслушав меня, со свойственной ему прямоотой сказал: «Хорошо сделала, что поставила этот вопрос. Эта проблема очень беспокоила нас...»

Ко времени начала моей работы в Исполкоме Коминтерна в 1939 году я считала Мануильского своим старым другом. Обсуждала с ним новые для меня проблемы и всегда встречала с его стороны товарищеское отношение. Он хорошо знал испанскую проблематику, был прекрасным специалистом по «романским», или «латинским», странам.

Как я уже говорила, Мануильский, будучи членом ЦК ВКП(б), а также секретарем Исполкома Коминтерна, много помогал нам с устройством, учебой и работой испанцев, приехавших в СССР.

Он был ветераном революции, большевиком, одним из организаторов восстания в Кронштадте в 1906 году, одним из тех, кто в первых рядах боролся за Октябрьскую революцию.

Среднего роста, общительный, этот украинский революционер был очень простым в обращении, обладал большой эрудицией и опытом, прекрасно разбирался в наших сложных проблемах, владел французским языком, который изучил во время эмиграции во Франции, что помогало нам лучше понимать друг друга. Он с удовольствием беседовал с нами, всячески стараясь скрасить нашу жизнь эмигрантов, мастерски рассказывал различные истории из жизни, исполнял украинские песни, которых знал великое множество.

Его жена Варя, человек широкообразованный, революционерка, присоединялась к нам, когда у нее выпадало свободное время. Несколько раз она приглашала нас к себе на скромную дачу, чтобы угостить свинными отбивными.

Во время второй мировой войны Мануильский занимал важные военно-политические посты. В 1943 году после роспуска Коминтерна он был назначен заместителем председателя Совета Министров УССР и министром иностранных дел Украины и в этом ранге представлял ее в ООН.

Между собой мы с любовью называли его Ману. Эту любовь и уважение мы, испанцы, которые работали с ним, пронесли через все годы и невзгоды. Это были любовь и уважение к большому другу, интернационалисту, настоящему коммунисту и революционеру.

Пальмиро Тольятти

Итак, я оказалась рядом с крупными революционными деятелями, людьми, которые оставили благодаря своей деятельности неизгладимый след в истории человечества. Но среди них не было одного из самых выдающихся, которого нам так не хватало, — нашего товарища Альфредо, или Эрколи, как мы называли в Испании Пальмиро Тольятти.

Димитров уверял, что скоро мы увидим его.

Когда я вылетала с аэродрома Моновар 6 марта 1939 года, Тольятти остался в Испании вместе с Педро Чекой и Фернандо Клаудином. Возможно, он надеялся на изменение ситуации, но в любом случае он оставался рядом с нашими товарищами до последнего момента, оказывая им помощь и поддержку.

В Каталонии Пальмиро Тольятти проявил себя стойким и отважным революционером. На улицы Барселоны уже въезжали франкистские танки, когда он спокойно и невозмутимо покинул помещение Объединенной социалистической партии Каталонии (ОСПК) и присоединился к товарищам, чтобы продолжать борьбу¹.

Ему пришлось перейти Пиренеи, однако он нашел возможность переправиться из Франции на выдавшем виды военном самолете в центральную зону Испании, чтобы сражаться вместе с нами до конца войны.

Из-за технических трудностей, потеряв связь с Коминтерном, Тольятти, как мне думается, решил действовать в создавшихся условиях как один из руководителей нашей партии, участвуя в последних боях и выполняя решения, принятые на экстренном совещании на аэродроме Моновар.

Я сказала «экстренном», однако нашему доброму другу Игнасио Идальго де Сиснеросу, командующему республиканской авиацией, показалось, как писал он в своих интересных мемуарах², что совещание проходило не спеша и томительно долго, несмотря на драматическую обстановку, когда к аэродрому приближались первые грузовики с касадистами — солдатами изменника Касадо с целью захватить нас, по выражению Идальго, «живыми или мертвыми».

¹ Каталония пала в начале февраля 1939 года.

² Игнасио Идальго де Сиснерос. Меняю курс. М., 1967.

На совещании было решено, что товарищи — политические и военные деятели, жизни которых угрожала наибольшая опасность, должны переправиться во Францию, остальные останутся в Испании и присоединятся к тем, кто продолжал руководить борьбой в Валенсии, Мадриде и других местах. В их задачу входило разъяснение позиции коммунистов, создание нового, небольшого по численности руководства партии и организация подпольной работы.

Как я уже говорила, Пальмиро Тольятти остался вместе с группой Чеки и Клаудина. Когда Висенте Урибе и другие товарищи высказали опасение, что представитель Коминтерна может быть схвачен франкистами, Тольятти заявил, что его решение твердое, тем более что в Испании в лицо его почти не знают.

Тольятти, Чека и Клаудин выехали из Моновара на машине ближе к полуночи, чтобы, как договорились, встретиться с Хесусом Эрнандесом, Хесусом Ларраньягой и Хосе Палау в Эльде. Однако их путешествие было недолгим: при выезде с аэродрома они были задержаны агентами контрразведки (СИМ), власть над которой к этому времени захватили касадисты. Лишь благодаря счастливой случайности им удалось избежать отправки в Мадрид и передачи хунте Касадо: командиром оперативной группы касадистов оказался юноша, знакомый Клаудина (он не узнал Тольятти), который, продержав их несколько томительных часов под арестом, отпустил всех троих на свободу.

Преодолев немало трудностей, они прибыли в Валенсию, где сформировали новое подпольное руководство КПИ во главе с Хесусом Ларраньягой. В него вошли Касто Гарсия Роса, Мануэль Наварро Бальестерос — эти прекрасные борцы были впоследствии расстреляны франкистами, — Фернандо Монтолью, Флоренсио Соса, Фернандо Родригес, Пинто и один представитель Объединенной социалистической молодежи (ОСМ).

Впоследствии Ларраньяга, сын баскского народа, с достоинством заявил в фашистском трибунале, приговорившем его к смерти: «Родина испанских коммунистов — Испания. За нее отдавали и отдаем мы наши жизни; за возвеличивание Испании мы боролись до 18 июня (1936 г.), а позже вместе с другими испанцами тысячи и тысячи коммунистов погибли во имя ее освобождения от иност-

ранных оккупантов. Да, за Испанию, за родину, за испанский народ, за счастье которого боремся мы, коммунисты, мы можем погибнуть и погибаем, как это делали коммунисты до нас и будут делать после нас».

В Мадриде была создана руководящая группа коммунистов во главе с Хоакином Родригесом, Викториа Морено и необыкновенно храброй женщиной Матильдой Ланда, непреклонной в своем решении остаться в Испании. Она погибла в тюрьме на острове Пальма де Мальорка.

После того как были составлены, отпечатаны и распространены, насколько позволяли условия, различные документы, Тольятти, Чека, Клаудин, Эрнандес и некоторые другие товарищи покинули, наконец, Испанию через Картахену благодаря хладнокровию и отваге бойцов-коммунистов под командованием Артемио Пресиосо, которые захватили в Тотане небольшой самолет, доставивший наших товарищей на африканский берег.

Одиссея Тольятти на этом не закончилась, а в какой-то мере усложнилась после отъезда из Испании.

Прибыв во Францию, он занялся делами Итальянской компартии. Однако сразу же после начала второй мировой войны деятельность Тольятти была грубо прервана французской полицией, арестовавшей его вместе с еще несколькими итальянскими товарищами. Шесть месяцев провел он в тяжелых условиях тюрьмы — сначала во Фресне, а затем в Ла Санте. Но, как не раз бывало, ему повезло: его не узнали, и в феврале 1940 года он оказался на свободе. В мае того же года мы обнимали его в Москве.

Глядя на Альфредо, внешне серьезного, с едва заметной улыбкой, с неизменным чувством юмора, никто не мог предположить, что этот человек совсем недавно пережил невероятные приключения, преодолел немислимые опасности и трудности. Альфредо гордился тем, что был вместе с нами в Испании до последнего часа, помогая КПИ. И мы все испытывали к нему глубокие дружеские чувства.

В течение двух быстро пролетевших, но напряженных лет Альфредо работал с нами в Испании, и мне всегда imponировало его неустанное стремление к тому, чтобы на заседаниях Политбюро, на которых он присутствовал как представитель Коминтерна, мы — руководители КПИ сами

глубоко анализировали чрезвычайно сложные проблемы, не имевшие прецедентов в международном коммунистическом движении, и сами принимали решения в соответствии с собственными убеждениями. По нашему мнению, совпадавшему с мнением Димитрова, он не выходил за рамки своей роли советника.

Повторяю, такая его позиция мне импонировала, возможно, еще и потому, что она отличалась от позиции предыдущего представителя Коминтерна Луиса — аргентинского товарища Викторико Кодовильи, который в первые годы существования республики оказал нам большую помощь в ликвидации сектантства, и к нему мы тоже испытывали глубокие дружеские чувства. Из-за того, видимо, что это был другой период, а также из-за своей принадлежности к латиноамериканцам он вел себя практически как член нашего Политбюро.

Эрколи был одним из самых выдающихся руководителей международного коммунистического движения. В Коминтерне он выделялся своей интеллигентностью и политической дальновзоркостью, универсальностью своих знаний, непримиримостью к сектантству и к догматизму, чувством нового, и это новое он смело отстаивал.

В первые годы Великой Отечественной войны мы жили и работали вместе с ним в Советском Союзе в далеком городе Уфе. Вместе каждый вечер обращались к нашим народам по радио, которое доносило наши слова до семейных очагов в самых дальних городах. Его работоспособность, ясный ум, универсальные знания проявлялись каждый раз, когда нужно было срочно выступить с разъяснением сложных международных проблем. Передачи велись на многих языках, и он координировал их выпуск в эфир.

Мы восхищались его скромностью. Вспоминаю его в тяжелые дни войны стоящим в очереди за кипятком с чайником в руках в одном из коридоров гостиницы «Башкирия», где мы жили. Когда кто-либо предлагал постоять за него в очереди, он обычно с улыбкой отвечал: «Нет, нет, спасибо. Очень интересно стоять здесь и слушать, что говорит народ...»

Он носил американский свитер с вытертыми рукавами, которые подравнивал с помощью ножниц. Когда один из служащих предложил сшить ему костюм, он категорически

отказался, сказав: «Сейчас война, заботиться об одежде будем потом...»

В Уфе Эрколи работал вместе со своими ближайшими товарищами — итальянскими коммунистами, из которых я помню Эдо (д'Онофрио), Серетти, Гриеко, Бертони...

С Тольятти в Италии

Пальмиро Тольятти вернулся в Италию в 1944 году. Я вновь увидела его в 1962 году, когда приехала в его прекрасную страну на X съезд возглавляемой им Итальянской коммунистической партии — крупнейшей среди компартий капиталистических стран.

*С Пальмиро Тольятти,
Рим, 1962 г.*

Я испытала чувство глубокого удовлетворения, когда мою речь, произнесенную на испанском языке от имени ЦК КПИ, все делегаты, представители печати, гости, среди которых были и христианские демократы, поняли без перевода и встретили аплодисментами. Итальянские товарищи говорили мне, смеясь: «Долорес, ты добилась национального единства в Италии». Речь, конечно, шла о признании итальянскими коммунистами, демократами вклада испанского народа в борьбу в защиту демократии и свободы.

*Встречи
с руководителями
социалистов
и христианских
демократов*

В свободное от заседаний съезда Итальянской коммунистической партии время мне представилась возможность встретиться с известными политическими деятелями Италии разных направлений. Руководитель социалистов Пьетро Ненни, которого я очень ценю как товарища по оружию — он сражался в рядах гарибальдийцев из интернациональных бригад, — принял меня в здании парламента. У нас состоялся откровенный и сердечный разговор. Ненни был хорошо информирован об обстановке в Испании. Я прямо поставила перед ним вопрос о помощи со стороны социалистов, всех итальянских демократов нашей борьбе за спасение жизни Хулиана Гримау¹. Ненни обещал оказать нам полную поддержку. Говорили мы и о необходимости единства социалистов и коммунистов. В свое время в Испании Ненни выступал за такое единство. В Италии же... другое дело. Он спросил о наших отношениях с социалистами внутри страны, попросил подробно рассказать о католических левых движениях, возникших в Испании, обещал нам свою помощь и дружбу.

На эту встречу меня сопровождал один из руководителей итальянских коммунистов, заместитель генерального секретаря ИКП дорогой товарищ Луиджи Лонго, который во время войны в Испании был генеральным комиссаром интернациональных бригад. Мы вспомнили с ним тридцатые годы, Пятый полк, обсудили различные аспекты единства испанского народа в борьбе против фашизма.

* * *

Особо следует остановиться, учитывая их новизну и значение, на моих беседах с представителями христианских демократов Италии и священниками, связанными с Ватиканом.

¹ Испанский коммунист, приговоренный франкистским судом к смертной казни. Несмотря на протесты мировой общественности, казнен в 1962 году.

Помню сеньора Франко Марию Мальфатти, одного из руководителей Христианско-демократической партии (ХДП), проявившего большой интерес к политической проблематике Испании; сеньора Джизенти, левого демохристианина; журналиста из «Мессаджеро» Паоло Джориосо; прекрасно помню падре Риче из прихода Форте Боcea (Рим), высокоэрудированного и откровенного собеседника.

Эти сеньоры хотели знать «из первых рук» о проблемах, волнующих испанских коммунистов, искренна ли наша политика «национального примирения», а также каковы наши связи с «новым коммунистическим движением» в Испании, насколько соответствует действительности наша оппозиция антиклерикализму.

Я проинформировала их о политике нашей партии и ответила подробно на многочисленные вопросы.

Во время беседы я сказала, что мы «не такие плохие, какими они нас считают, и не такие хорошие, какими, возможно, сами себе представляемся». Они все тут же среагировали на это замечание. Падре Риче заявил, смеясь, что то же самое можно было бы сказать и о них самих. Говорили об обществе «Опус деи»¹, о том, что ему недостает связи с массами, отметили, что в церкви происходят изменения, появляются новые идеи (это было время «хорошего» папы Иоанна XXIII) и что в Ватикане озабочены новыми перестановками; по мнению некоторых, нынешние молодые и прогрессивные священники завтра могут стать епископами.

Все сеньоры, с которыми я беседовала, обещали сотрудничество, каждый на своем уровне, в проведении кампании против франкистского террора и в оказании помощи по спасению жизни Хулиана Гримау, заверили, что информируют папу, создадут комитеты.

Прощаясь со мной, сеньор Мальфатти попросил меня подписать ему книгу «Единственный путь», которая в это время под названием «Воспоминания революционерки» была издана в Италии.

Как мне рассказывали потом друзья, мои демократические оппоненты остались довольны переговорами, хотя и считали меня «большевичкой», прибывшей из Москвы. Итальянские коммунисты, по их мнению, были другими. Наша ясная, антидогматическая позиция, позиция сотрудничест-

¹ Одна из элитарных светских организаций испанской церкви.

ва с прогрессивными католиками и со всеми антифашистскими силами в деле восстановления демократии в Испании произвела на них впечатление.

Маргарита Бернаби, руководитель социал-демократов Сарагат пригласили меня пообедать к себе домой, выразив при этом свое восхищение и солидарность с антифашистской Испанией.

На обеде присутствовали известные итальянские художники Карло Леви и Ренато Гуттузо и наш большой друг, бывший интербригадовец, Витторио Видали — «команданте Карлос». Я с любовью храню рисунки, которые по этому случаю сделали для нас наши добрые друзья. Гуттузо подарил мне картину, на которую вдохновила его сражающаяся с фашистским рабством Астурия.

В один из воскресных дней меня пригласили на встречу со студентами, девушками и юношами от 16 до 23 лет из организации «Новое сопротивление». Один из молодых людей, открывая собрание, сказал, с каким интересом итальянская молодежь следит за событиями в Испании, она считает нетерпимым существование в Европе фашистских режимов Франко и Салазара.

Я рассказала молодой аудитории о том, в каких условиях борется наш народ, о жестоком фашистском терроре, о перспективах нашей борьбы. Было задано много вопросов. Студенты преподнесли мне цветы и пасхальный подарок.

* * *

В связи с выходом в Риме моей книги «Единственный путь» журналисты преследовали меня. Помнится, один из них, зрелый мужчина, ходил за мной как тень даже во время моих посещений достопримечательностей Рима — Форума, Колизея, базилик, собора Св. Петра, Сикстинской капеллы и др. Он расспрашивал меня обо всем, намереваясь, видимо, написать что-то о моей личной жизни. Я отвечала ему кратко, безучастно. Как-то, сев рядом со мной, он заметил:

— Откровенно говоря, Пасионария, вероятно, нелегко быть вашим мужем...

В один из дней Пальмиро Тольятти пригласил нас к себе домой полакомиться замечательной паэльей, которую приготовила для нас его жена Нильде Йотти.

Альфредо был очень доволен, принимая нас в кругу своей семьи и беседуя о «своей» Испании, о нашей общей

борьбе и многих других делах. Для нас было подлинным удовольствием встретиться с ним, снова быть вместе с нашим другом и товарищем, руководителем и соратником в стольких сражениях.

Тольятти предложил мне тогда переехать в Италию, чтобы работать ближе к Испании.

Мне снова пришлось посетить Италию в 1964 году, но уже по печальному поводу: проститься в последний раз с Пальмиро — проститься от имени всех испанских коммунистов, всех антифашистов, продолжавших борьбу, которой он посвятил всю свою жизнь.

В тот скорбный день я сказала на римской площади Джованни:

— Я увидела Пальмиро Тольятти в 1935 году на VII конгрессе Коминтерна, одним из основных организаторов которого он был. На конгрессе он с большой убедительностью, на основе аргументов, почерпнутых из жизни и борьбы, выступил в поддержку доклада товарища Димитрова, призывавшего покончить с узким догматизмом и сектантством в коммунистическом движении.

В тяжелые, трудные годы нашей национально-освободительной борьбы против фашистского мятежа в Испании Пальмиро Тольятти был вместе с нами, вместе с нашим народом, вместе с нашими бойцами, был нашим советчиком, сдерживал иногда нашу излишнюю импульсивность, навсегда связав свою жизнь с нашей борьбой — борьбой за свободу Испании.

Свою речь я закончила словами:

— Прощаясь в последний раз, прощаясь с тобой навсегда, позволь мне сказать тебе, мысленно встав на колени перед твоим неподвижным, бездыханным телом, от имени всех в Испании, кто помнит о тебе и не забывает тебя: «Покойся в мире, товарищ Эрколи! Спасибо за все, чему ты научил нас, спасибо за всю ту помощь, которую ты оказал нам!»

* * *

Имя Альфредо, память о Пальмиро Тольятти живет глубоко в сердце нашего народа.

Приведу два волнующих примера.

Однажды, когда Тольятти уже выздоравливал после покушения на него в 1948 году, он получил подарок из Испании — бутылку хорошего вина. Ее передал в местный

комитет Итальянской компартии моряк, прибывший в Геную на борту испанского судна, и попросил вручить товарищу Альфредо от имени докеров Малаги.

В 1964 году, как раз в то время, когда Пальмиро Тольятти хоронили на римском кладбище Верано, собравшиеся во дворе центральной тюрьмы испанского города Бургоса заключенные, испанские коммунисты (некоторые из них были осуждены на 20 и 30 лет), с черными лентами в петлицах, образовали шеренги по три человека и, сняв береты, провели минуту молчания. В послании, направленном Итальянской компартии, они отметили, что это была «минута молчания в честь Пальмиро Тольятти, нашего учителя и нашего товарища».

Вильгельм Пик

Разве можно забыть седую голову, большие голубые глаза Вильгельма Пика?

Когда я встретила с ним в Москве в 1939 году, он взволнованно обнял меня. Я представляла для него Испанию. И Испания хранила Пика в своем сердце. Его товарищи и друзья помогали нам бороться против фашизма.

Добровольцы бригады Тельмана в Испании пели:

*Родина далеко,
Но мы прибыли
Бороться и побеждать
Ради тебя, СВОБОДА!*

Мы, испанцы, с благодарностью вспоминаем имя Ганса Баймлера, погибшего при обороне Мадрида.

Пик был человеком приветливым, простым. Один из основателей Компартии Германии, в прошлом — активист левого крыла Социал-демократической партии Германии, он участвовал в революции 1918 года, входил в руководство Коминтерна.

Когда я встретила с ним в Москве, он тяжело переживал захват нацистами власти в его стране. Вспоминаю случай, происшедший позднее, после гитлеровского нападения на Советский Союз. Как-то на общем собрании сотрудников Коминтерна немецкий товарищ информировал о преступлениях и бесчинствах, совершаемых нацистскими ордами

*С Вильгельмом
Пиком —
президентом ГДР.*

на советской земле. Выступление его было в известной степени бесстрастным, индифферентным, словно все это не имело к самому докладчику никакого отношения.

Пика задел этот бесстрастный тон его соотечественника. Взволнованный, он встал со своего места и выразил глубокую скорбь по поводу страданий советского народа, на землю которого напали гитлеровские захватчики. «Я коммунист, — заявил он, — жертва фашизма, но, как немец, не могу не считать себя ответственным за происходящее». Это было выступление подлинного представителя немецких рабочих.

В 1945 году гитлеровцы были разгромлены, а в 1949 году Вильгельм Пик стал первым президентом Германской Демократической Республики.

Он поддерживал с нашей партией отношения братской дружбы, с симпатией относился к испанским антифашистам, оказывал гостеприимство — в ГДР мы всегда могли проводить многочисленные собрания испанских эмигрантов-коммунистов. Это свое отношение к нам он сохранял до конца своей жизни. Я присутствовала на его похоронах в Берлине в 1960 году.

Вальтер Ульбрихт, которого я также знала по работе в Москве, сменил его в руководстве партией и государством. Он последовательно продолжал линию на солидарность с нашей партией и народом.

Среди руководителей Коминтерна я помню и немецкого коммуниста Флорина, который, как и его товарищи, был радушно принят в Москве. Его сын — Петер Флорин, друг моих детей, стал впоследствии одним из лиц, ответственных за внешнюю политику ГДР.

Мы были глубоко потрясены, когда узнали, что известие о нацистской агрессии против Советского Союза вызвало у немецкого коммуниста Фридриха Эккерта приступ паралича, который оказался для него смертельным. Но борьба, жизнь продолжались...

С симпатией вспоминаю также Франца Далема, немецкого коммуниста, одного из руководителей интернациональных бригад в Испании. Как и многие антифашисты, борцы за свободу, он подвергался впоследствии преследованиям в петеновской Франции, затем его подвергли жестоким пыткам в Берлине и в гитлеровском концлагере в Маутхаузене.

На собрании, состоявшемся в Берлине, кажется, в 1951 году, я обратилась к рабочим, к немецкому народу:

«Около пятнадцати лет назад,— напомнила я,— испанская реакция, поддерживаемая Гитлером и Муссолини, подняла мятеж против Испанской республики.

Испания была первой страной, которая испытала ужас бомбардировок незащищенных городов. Нацистские самолеты, посланные Гитлером, разрушили Гернику и Нулес, бомбардировали Дуранго и Херону, Барселону и Мадрид, Валенсию и Бильбао. Но мы, испанские демократы, испанцы-антифашисты, никогда не отождествляли немецкий народ с бандой гитлеровских преступников, которые разрушали наши города, убивали наших детей и наших женщин. Мы и не могли отождествлять германский народ, давший миру Маркса и Энгельса, Гейне и Гёте, Клару Цеткин, Эрнста Тельмана и Вильгельма Пика, с гитлеровскими преступниками, ибо рядом с нами, вместе с нами сражались героические бойцы из батальона Тельмана и батальона Эдгара Андре, которые умирали в окопах Харамы, не отступив ни на шаг назад, защищая свободу Испании, свободу германского рабочего класса».

Морис Торез

Когда я вспоминаю Мориса Тореза, передо мной возникают его голубые глаза, искренний взгляд, открытая улыбка.

«Сын народа» — озаглавил он свои воспоминания. Шахтер Торез из рабочей семьи департамента Па-де-Кале был истинным сыном народа, революционным лидером французского рабочего класса.

В драматические дни начала второй мировой войны я, будучи в Москве, серьезно опасалась за жизнь Тореза. Он был мобилизован в армию и как генеральный секретарь Французской компартии подвергался постоянному риску. С радостью я узнала, что товарищи сумели вызволить его. Вскоре он присоединился к нам и включился в деятельность Коминтерна.

Мы искренне уважали Мориса Тореза за его и Компартии Франции постоянную солидарность с борьбой нашей партии и нашего народа. Он занимал пост генерального секретаря ФКП с 1930 года, начав активную деятельность в 1919 году в рядах Французской социалистической партии. На съезде партии в Тунисе в 1920 году выступил за присоединение к III Интернационалу и создание Французской коммунистической партии.

Торез испытал тюремные заключения, подвергался преследованиям; в 1932 году рабочий класс избрал его депутатом парламента. Он возглавил мощное движение Народного фронта, пошел на союз с католиками. Все это способствовало росту его авторитета среди трудящихся и среди прогрессивных сил всего мира.

Особый размах его деятельность в поддержку испанских республиканцев приобрела в период нашей борьбы против фашистской агрессии. Он настойчиво боролся против политики невмешательства западных стран, за оказание всесторонней помощи сражавшемуся испанскому народу. Его посещение наших передовых позиций выливалось в солидарность французского рабочего класса с нашими бойцами. Я помню блестящую речь, которую Торез произнес в мадридском кинотеатре «Пардиньяс».

Париж стал центром организации интернациональных бригад. Здесь принимали добровольцев антифашистов — польских, немецких, американских, других национальностей, а затем помогали перебраться в Испанию. Французские добровольцы — коммунисты, социалисты, христиане, представители интеллигенции — составляли основу интернациональных бригад. Имя этим героям — легион.

Париж был городом-другом, где встречались выдающиеся деятели со всего мира. На конференциях и конгрессах они отстаивали правое дело испанских антифашистов, которые не щадя своей жизни героически воздвигали баррикаду, чтобы водрузить над ней знамя демократии, свободы и мира на земле.

Никогда не забуду массовые митинги, проходившие в здании парижского Зимнего велодрома. Четким, энергичным голосом Морис Торез требовал предоставить оружие и оказать помощь испанскому народу, и его поддерживал многотысячный хор голосов. На одном из таких митингов я и произнесла фразу, которая стала знаменитой: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»

Представляя Коминтерн, Торез участвовал в конференции в Аннемассе, добиваясь заключения соглашения с представителями Социалистического Интернационала об оказании помощи испанским республиканцам.

В далекой Уфе мы часто встречались с Морисом Торезом, между нами установились откровенные, дружеские отношения, которые дают годы совместной борьбы.

Как член президиума Исполкома Коминтерна Морис Торез участвовал в самороспуске этой международной коммунистической организации.

В 1944 году Торез вернулся во Францию, где возглавил работу своей партии. После второй мировой войны в 1946—1947 годах в правительстве генерала де Голля он занимал пост государственного министра. После отставки де Голля Торез стал заместителем председателя Совета министров, в состав которого входили и коммунисты — пять министров и два заместителя министра.

Это был новый этап в политической деятельности Мориса Тореза, раскрывший его талант государственного и политического деятеля.

В годы эмиграции во Франции мы, испанские коммунисты, постоянно ощущали человеческое тепло, солидарность, помощь Мориса Тореза, всей Французской компартии, начиная от ее руководства, возглавлявшегося в дальнейшем Вальдеком Роше и Жоржем Марше, и до самых скромных активистов. Мы никогда этого не забудем.

Товарищ Жак

Одним из руководителей ФКП был необычайно одаренный человек — Жак Дюкло, блестящий парламентарий, остроты и точности аргументов которого боялись его противники.

Я познакомилась с товарищем Дюкло в самом начале своей революционной деятельности. Он прибыл в Испанию, чтобы поделиться своим опытом, помочь исправить наши

сектантские эксцессы, вызванные «детской болезнью «левизны», когда мы считали, что революция совсем близка.

Дюкло хорошо знал наш язык и наши обычаи. Он присутствовал на первых съездах Компартии Испании, участвовал в многочисленных собраниях, оказывая нам помощь и поддержку. Он чувствовал себя неразрывно связанным с нашей борьбой.

В трудные, героические годы борьбы французских коммунистов и патриотов против гитлеровских захватчиков Жак Дюкло был мозговым центром и душой этой сложной и тяжелой борьбы.

Это хорошо знают испанцы, которые вместе с французским народом продолжали борьбу по другую сторону Пиренеев, проявляя великодушие и солидарное мужество так же, как в свое время это делали французские товарищи на полях сражений в Испании.

После освобождения Франции Дюкло был избран первым вице-председателем Учредительного собрания республики. С 1946 года он — председатель парламентской группы ФКП в Национальном собрании, а затем в сенате. Известный французский политический деятель Марсель Кашен писал о нем: «Жак Дюкло неизменно находится в центре событий, всегда готовый бороться, спорить, объясняться, слушать и отвечать с невероятной энергией».

Примечательно, что в новой Франции он, будучи подлинным представителем рабочего класса, выступая в Национальном собрании, будил воспоминания о славном парламентском и демократическом красноречии Мирабо, Гамбетты и Жореса. Братский голос этого трибуна мы слышали на многих митингах в течение долгих лет эмиграции — он призывал к солидарности с испанским народом.

В печальный апрельский день 1975 года мы прощались с нашим дорогим товарищем Дюкло. «Товарищ Жак,— сказала я в день похорон,— ты уже не можешь слышать нас. Но память о тебе, твой пример будут жить всегда в нашей революционной жизни и борьбе».

«Смерть Жака Дюкло,— писала я в своем послании товарищу Жоржу Марше и ЦК Французской коммунистической партии,— не только потеря крупного руководителя, политического деятеля, выступления которого оказывали разлагающее действие на врага. Это потеря дорогого товарища, который, будучи одним из самых выдающихся руководителей Французской коммунистической партии

и международного рабочего движения, всегда пользовался нашим братским уважением и был неразрывно связан с нашей вчерашней и сегодняшней борьбой, которую воспринимал как свою собственную, как борьбу Французской коммунистической партии, как борьбу всех людей с революционным сердцем и коммунистическим сознанием.

Он горячо выступал в защиту Октябрьской социалистической революции 1917 года, борьбы испанского народа 1936—1939 годов, мобилизуя демократические силы своей страны на помощь Испанской республике. Он, человек твердых принципов и убеждений, находился во Франции во время гитлеровской оккупации и был вместе с Французской компартией душой французского движения Сопротивления.

А когда наступил мир, он вместе с Морисом Торезом и всей Французской компартией поднял знамя борьбы за демократическую Францию, за социалистическую Францию. Французская компартия со смертью товарища Дюкло потеряла одного из своих самых почитаемых и популярных деятелей, а французский народ — одного из самых талантливых революционных руководителей, который в любых условиях, и в мирное и в военное время, всегда находился на передней линии борьбы, как истинный боец, как один из активнейших руководителей международного коммунистического и рабочего движения».

Хо Ши Мин

Среди мужчин и женщин, которые посвятили свою жизнь борьбе за победу коммунизма, есть люди, ставшие легендой.

Я словно вижу его улыбающимся мне — как умел улыбаться только он — своими выразительными раскосыми глазами, его редкую остроконечную бородку. Это Хо Ши Мин, дядюшка Хо, как называл его вьетнамский народ, — вьетнамский революционер, уже при жизни ставший человеком из легенды.

Я познакомилась с ним на одном из заседаний Коминтерна.

Однако более волнующая встреча с руководителем вьетнамского народного сопротивления французским колонизаторам и их местным лакеям произошла у меня в Париже в 1946 году, когда он прибыл во французскую столицу во главе делегации своей страны для переговоров с прави-

*С Хо Ши Мином,
Париж, 1946 г.*

тельством Франции, которое признало представителя вьетнамского народа Хо Ши Мина *modus vivendi*, чтобы покончить с агрессивной войной, что, по существу, явилось, несмотря на все маневры, признанием права вьетнамского народа на национальную независимость.

Однако этот *modus vivendi* не соблюдался французскими колонизаторами, что вынудило вьетнамский народ, возглавляемый Хо Ши Мином и его партией, продолжать свое героическое сопротивление вплоть до победы в Дьенбьенфу, позднее он нанес историческое поражение американским агрессорам и завоевал полную независимость для своей родины.

Я всегда буду помнить Хо Ши Мина, с виду хрупкого, мягкого и приветливого с товарищами, с друзьями, но твердого и несгибаемого в революционной борьбе.

Когда мы встречались, он с большим интересом спрашивал меня о положении в Испании, о борьбе нашего народа. Он восхищался сопротивлением испанского народа фашистской агрессии и говорил мне, что такой народ, как испанский, нанесет поражение фашизму, добьется победы в борьбе за демократию и социализм.

Он имел обыкновение говорить со мной, употребляя понятную смесь французского и итальянского языков, а я отвечала ему по-испански. Мы отлично понимали друг друга благодаря нашей дружбе и товарищеским отношениям.

Я никогда не была во Вьетнаме. Но я отношусь к его отважному народу как очень близкому мне. Его победа над мощным и жестоким американским империализмом вызвала у меня огромную радость, эта победа явилась для моего народа стимулом в его борьбе. Испанские демократы всегда были солидарны с вьетнамскими бойцами, открыто и смело выражали свои братские чувства с этим далеким, но близким ему по духу народом.

Да, Хо Ши Мин — это сегодня человек из легенды, пример для всех мужчин и женщин, которые борются за свободу. Его завещание вызвало интерес во всех странах.

По воле вьетнамского народа имя Хо Ши Мина дано сейчас прежней столице Южного Вьетнама — Сайгону. Хо Ши Мин — это символ мудрости, героизма, революционного духа.

В 1974 году делегация руководителей нашей партии посетила Вьетнам. В Ханое их пригласили в дом, где жил Хо Ши Мин и который сохранился таким, каким был при его жизни. Лопес Раймундо, который был членом этой делегации, рассказал мне, что среди книг, виденных им в кабинете Хо Ши Мина, были два присланных мною тома нашего труда «Война и революция в Испании», что свидетельствовало о его интересе к борьбе испанского народа.

Клемент Готвальд

Всякий раз, когда я встречалась с Клементом Готвальдом, мне вспоминался Мюнхен, позорная капитуляция Чемберлена — человека с зонтом и Даладье перед гитлеровским диктатором. Мюнхен явился ударом ниже пояса по испанской демократии. Для чехословаков он превратился в поражение.

Готвальду пришлось эмигрировать с группой руководителей Компартии Чехословакии в Советский Союз в 1938 году, где он создал заграничный руководящий центр КПЧ.

Я знала, что Компартия Чехословакии имела большое число депутатов в парламенте, среди них с 1929 года был и Готвальд. Он пользовался большим влиянием в профсоюзах. Готвальд был генеральным секретарем, а затем председателем Компартии Чехословакии, членом и секретарем Исполкома Коминтерна.

Это был коренастый человек с характерными славянскими чертами лица. Он любил ходить один или в сопровождении самых близких товарищей.

Языковой барьер не позволял мне беседовать с ним, но мы дружески здоровались. Его жена Марта и дочь Мартина, студентка университета, были очень общительными и симпатичными людьми.

В 1946 году К. Готвальд возглавил правительство своей страны, а позднее стал президентом Чехословацкой республики.

Мы, испанские коммунисты, неоднократно были его гостями, проводили собрания и съезды в этой прекрасной стране, окруженные заботой и вниманием.

Готвальд скончался от сердечного приступа в 1953 году. Его здоровье уже давно было сильно подорвано. Возможно, этот честный человек никогда не мог забыть процесс в Праге и трагическую, жестокую смерть своих самых близких друзей и соратников.

Черногорец Велко Влахович

В Коминтерне вместе с Димитровым работал молодой югослав Велко Влахович, которого мы очень любили: он сражался вместе с нами в Испании и пролил кровь на испанской земле. Это был человек высокого роста, крепкого телосложения, красивый, умный и добрый. Несколько лет спустя он стал, наряду с Тито, одним из самых известных руководителей социалистической Югославии.

Помню, как он сопровождал меня в поездке по своей родной Черногории во время нашего посещения Югославии. С гордостью показывал мне пещеры в крутых горах, где в 1937 году состоялась встреча черногорцев, решивших принять участие в борьбе испанского народа за свободу.

Укрепленная на скале табличка напоминала, что в этом месте состоялся митинг солидарности югославских трудящихся с нашим народом. Неожиданно нагрянувшая полиция открыла огонь по собравшимся: около двухсот черногорцев погибли.

Велко познакомил меня со своей матерью, скромной старушкой, обожавшей своего сына. Она жила в простом домике на берегу моря. В знак дружбы я сняла свою косынку и серьги и надела на нее. Она в свою очередь пода-

рила мне красивый коврик, сотканный собственными руками.

«Мы, черногорцы,— заверил меня Влахович,— не открываем свою дверь любому встречному. Но вы можете быть уверены, что двери всех наших домов открыты для испанских антифашистов».

При въезде в Черногорию высится крепость времен крестовых походов, сооруженная испанцами. Она носит название Испанской крепости. Югославские друзья рассказали нам, что в Черногории обосновались в те времена испанцы, потомки которых носят имена, напоминающие их происхождение.

Велко был для нас не только товарищем, которого мы уважали за героизм, способности и дух самопожертвования, но и родным братом, символизирующим братскую солидарность между югославским и испанским народами, между нашими двумя партиями.

Во время наших прогулок он рассказал мне об одном трогательном факте, явившемся еще одним подтверждением нашей дружбы.

В Испании Велко в результате ранения пришлось ампутировать ногу. В одном селении в провинции Аликанте, где он лечился, жители окружили его заботой и вниманием. Рыбаки вывозили Велко на лодке в море, уверяя, что здешний несравненный морской воздух вылечивает все болезни. Ему удалось восстановить силы и вернуться к активной жизни. Его опекала одна женщина, забравшаяся о молодом югославе, как о родном сыне. Несколько лет спустя добрая женщина оставила в наследство «приемному сыну» из интернациональной бригады свой маленький домик.

Влахович рассказывал об этом с волнением.

— Когда будет покончено с франкизмом,— сказал он,— я совершу поездку по Испании и посету «свое владение» в Аликанте.

Борец из далекой Финляндии

Отто Куусинен — финский революционер с богатой и интересной биографией. Он был участником революции в Финляндии 1918 года, одним из основателей Компартии Финляндии, а до этого, начиная с 1904 года, являлся лидером ле-

вого крыла социал-демократической партии своей страны. Он входил в созданное в 1918 году революционное правительство Финляндии, которое просуществовало всего несколько месяцев и было разгромлено местной контр-революцией.

Это был человек невысокого роста, спокойный и немногословный, хорошо эрудированный. Долгие годы подпольной борьбы наложили на его облик свой отпечаток. У него был внимательный взгляд с едва заметной улыбкой. Обычно на заседаниях Президиума Коминтерна он говорил мало, но, когда просил слова, мы знали, что услышим серьезный анализ обсуждаемого вопроса. В 1962 году был опубликован его интересный труд «Основы марксизма-ленинизма».

Его дочь Герту Куусинен, высокую, привлекательную девушку, я знала по международному женскому движению. В 1947 году она присутствовала во Франции как представитель Компартии Финляндии на пленуме Центрального Комитета Компартии Испании. Впоследствии она была избрана почетным председателем Компартии Финляндии, занимала важные посты в Демократическом союзе народа Финляндии.

Андре Марти

Андре Марти был весьма неоднозначной личностью. Его сильный и вместе с тем нелегкий характер, с одной стороны, привлекал к нему, с другой — отталкивал.

В молодости он «плавал на Черном море», осудил интервенцию французских войск против молодой Советской республики и перешел на сторону большевиков. За это он был осужден и приговорен к смерти. Организованная в его защиту кампания солидарности спасла ему жизнь и сделала известным.

Я знала Марти как одного из руководителей Компартии Франции и Коммунистического Интернационала, как человека, симпатизировавшего Испании и интересовавшегося проблемами нашей страны.

Он прибыл в нашу страну в числе первых иностранных добровольцев и вскоре был выдвинут на пост комиссара интернациональных бригад. Он считал себя каталонцем и, несмотря на свое французское произношение, хорошо овладел нашим языком.

Для Марти с его темпераментом и даже любовью к военному делу война в Испании стала его личным делом, которому он отдавал всего себя. Он воевал на наших фронтах, помогал организовывать бригады, делая это так, как считал нужным, и зачастую расходился во мнении с военными товарищами и политиками, тоже добровольцами из различных стран.

В период нашей эмиграции во Франции Марти развернул широкое движение солидарности с нашим народом.

Было написано немало необъективных, клеветнических статей о деятельности Марти в Альбасете. После этого у него возникли серьезные проблемы в партии, и он был исключен из ее рядов. Умер Марти покинутым, больным стариком, прожив жизнь, полную борьбы, хотя случалось, совершал и серьезные ошибки.

И все же я помню того Андре Марти, который был революционером, энтузиастом, немного инфантильным, критиковавшим все и всех как во Франции и Испании, так и в Москве или в Уфе... Но он всегда был другом.

*«Салют молодости
революционеров-
ветеранов»*

Так нас приветствовал Матиас Ракоши, когда мы прибыли в Будапешт, незадолго до этого освобожденный от фашистских войск.

Его имя было знакомо испанским коммунистам еще с тридцатых годов. В те времена у нас не было средств, чтобы изготавливать плакаты. Рабочие делали их сами и расклеивали на стенах домов. На этих плакатах были начертаны имена отважных революционеров — пленников реакции: Ракоши, Луис Карлос Престес, Анна Паукер, Димитров, Тельман... Мы требовали для них свободы.

О Ракоши мы знали, что он вместе с Бела Куном участвовал в 1918—1919 годах в революции в своей стране, в создании Венгерской Советской Республики, стал министром в недолго просуществовавшем революционном правительстве, жестоко уничтоженном реакцией. А затем последовали... тюрьмы, пытки, изгнание, подпольная деятельность. Правительство Хорти приговорило его в 1925 году к

пожизненному заключению. На VII конгрессе Коминтерна он был избран членом его Исполкома.

Я познакомилась с ним в 1940 году, когда в результате обмена, произведенного Советским правительством, он приехал в СССР.

Ракоши был небольшого роста, но крепкого сложения. Его лицо свидетельствовало о том, что в прошлые века татаро-монгольские орды дошли и до Венгрии. Матиас Ракоши участвовал в мировой войне 1914—1918 годов и, как многие другие революционеры, попал в плен к русским, перешел на сторону большевиков во время революции 1917 года в России. Вместе с другими венгерскими солдатами он основал Коммунистическую партию Венгрии и не прекращал борьбы до 1945 года, когда легально вернулся на свою родину и был избран Генеральным секретарем Венгерской коммунистической партии (позднее Венгерской партии трудящихся) и председателем Совета Министров Венгерской Народной Республики.

Он занимал эти посты, когда мы приехали в прекрасный город Будапешт на берегу Дуная для участия в международной встрече женщин.

Позднее в революционной биографии Ракоши появились страницы, написанные самими черными чернилами. Это случилось несколько лет спустя после нашего визита, когда он, основываясь на догматических критериях, начал проводить политику, не соответствующую интересам своей страны, трагически несправедливую политику. Он везде видел врагов, даже в своих близких сотрудниках, и без колебаний уничтожал их. Последствия были трагическими для него самого и его народа.

После XX съезда КПСС Ракоши был выслан из своей страны. На этот раз не хортистскими реакционерами, а своим собственным народом, своей собственной партией.

Какая печальная судьба, какой печальный удел революционера!

Умер он одиноким и забытым в далеком городе — в Советском Союзе.

Васил Коларов

В Президиуме Коминтерна работал и один из руководителей болгарских коммунистов Васил Коларов, активный член Болгарской рабочей социал-демократической партии еще с прошлого века. Это был открытый, отзывчивый, приятный собеседник. Он рассказывал нам о конгрессах II Интернационала в Штутгарте, Копенгагене. На конференции в Циммервальде он познакомился с Лениным и активно сотрудничал с ним в революционной группе II Интернационала.

Впоследствии Коларов участвовал в создании Болгарской компартии, был вместе с Димитровым одним из руководителей антифашистского восстания в Болгарии в сентябре 1923 года. Коларов был широко образованным марксистом, интересовался испанской культурой, нашей музыкой, обычаями. Мы часто обменивались впечатлениями о политическом положении в наших странах. Он хорошо говорил по-французски, что позволяло нам легко понимать друг друга.

После второй мировой войны Васил Коларов занимал различные руководящие посты в Народной Республике Болгарии.

Моя подруга Стелла

Среди болгар, работавших в Коминтерне, мое внимание привлекла небольшого роста женщина, много курившая, очень активная и временами суровая.

Ее звали Стелла Благоева, она была дочерью Дмитрия Благоева, основателя и лидера первой болгарской революционной марксистской партии.

В молодости Стелла была активным пропагандистом марксистских идей, подвергалась ссылкам, жила в эмиграции.

Я познакомилась с нею в Москве, она активно заботилась об испанских товарищах, стараясь помочь нам решать сложные проблемы, повседневно возникавшие в жизни эмигрантов. Для меня Стелла всегда была подругой.

После второй мировой войны Стелла была назначена чрезвычайным и полномочным послом НРБ в Москве.

Мы несколько лет жили по соседству, и она довольно часто посещала меня. Как-то во время откровенной беседы

она призналась, что дипломатия не ее призвание, что она тоскует по ушедшему времени, времени товарищеского общения, борьбы, революции.

За годы работы в Коминтерне я имела возможность встречаться на различных заседаниях с руководителями Компартии Китая Мао Цзэдуном, Чжу Дэ, Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци.

Впоследствии я познакомилась с генеральным секретарем Трудовой партии Кореи Ким Ир Сенем, руководителями Компартии Индии и компартий других азиатских стран.

Личное знакомство, беседы с ними обогатили наши знания о столь далеком и столь отличном от нас мире.

Изучать русский язык

Можно ли было жить и работать в Москве, зная всего лишь несколько русских слов? Преподавательница русского языка товарищ Флик предложила научить меня языку Пушкина, то есть научить меня своему прекрасному языку, читая классиков, а не материалы московских газет. Но я была не очень дисциплинированной ученицей, мне хотелось прежде всего читать «Правду», чтобы быть в курсе того, что происходит в мире, хотя в свободное время я читала Пушкина, Лермонтова, Толстого, Горького... но в испанских и французских переводах.

По моему настоянию учительница дала мне задание выучить один не слишком большой отрывок из газетной статьи. На следующий день я бегло пересказала ей всю статью. Она посмотрела на меня с изумлением: как вам удалось понять весь этот материал, ведь мы не изучали с вами эти слова?

Я объяснила ей, что политические термины довольно похожи на всех языках, даже на труднейшем русском. Изучив славянский шрифт, обладая некоторой интуицией и опытом, можно понять смысл. Хотя, откровенно говоря, я иногда понимала его неправильно. Но благодаря терпению и настойчивости, а также своему собственному методу мне все же удалось научиться читать и говорить по-русски.

С огорчением товарищ Флик сказала мне, что как профессиональная учительница она потерпела поражение. Конечно это не так, я вспоминаю о ней как о превосходном и увлеченном педагоге.

Зато она наслаждалась, давая уроки товарищу Эрколи, который, впрочем, уже хорошо знал русский язык и занимался глубокими филологическими исследованиями.

Лафарг рассказывал, что в пятидесятилетнем возрасте Маркс решил выучить русский язык и, хотя этот язык не имел никакой этимологической связи с другими знакомыми ему языками, в течение шести месяцев он изучил его настолько, чтобы читать в оригинале произведения поэтов и писателей, которые ему особенно нравились — Пушкина, Гоголя, Салтыкова-Щедрина. К изучению русского языка его побудило желание ознакомиться с запрещенными царским правительством документами, которые присылали ему русские друзья.

По воскресеньям мы ходили по букинистическим магазинам в поисках французской и испанской литературы и испытывали настоящую радость, когда находили книги хороших авторов и могли пополнить домашнюю библиотеку, которую снова стали комплектовать, с болью в сердце вспоминая столько оставленных в других странах ценных книг.

Вспоминая Клару Цеткин

Моего водителя автомобиля в Москве звали Анатолием Николаевичем Исаковым. Это был высокий, русский, северный Дон Кихот, очень довольный тем, что работает с нами. Но он выполнял не только обязанности шофера, но и заболтался о том, чтобы у нас ни в чем не было недостатка. С гордостью рассказывал мне Анатолий Николаевич, что возил немецкую революционерку Клару Цеткин, когда она приезжала по делам в Коминтерн, причем возил ее не в пышном шарабане, а на мотоцикле с коляской: в первые годы революции это был обычный транспорт.

Мне не посчастливилось познакомиться лично с этой замечательной немецкой революционеркой, одним из первых революционных политических руководителей. В молодости она была активисткой левого крыла Социал-демократической партии Германии, участвовала в создании II Интернационала и в работе многих его конгрессов. Она была знакома с Фридрихом Энгельсом, Лафаргом, Гэдом и др. О ее политических способностях и динамизме свидетельствует организация созыва первой Международной женской

конференции в 1907 году в Штутгарте, на которой был создан Международный женский социалистический секретариат, в руководство которого она была избрана. Три года спустя на Международной конференции социалисток в Копенгагене было утверждено ее предложение о праздновании 8 марта — Международного женского дня. На конгрессе II Интернационала в 1912 году в Базеле Клара Цеткин заявила: «Только когда большинство женщин объединится по глубокому убеждению под лозунгом «Война войне!», мир для народов может быть обеспечен».

Она отмечала: «Эти два гиганта — Маркс и Энгельс открыли огромную революционную и нравственную значимость женщин». Вместе с В. И. Лениным, Розой Люксембург, Карлом Либкнехтом и Францем Мерингом она активно боролась против империалистической войны.

Под руководством Клары Цеткин в 1915 году в Берне была проведена первая Международная социалистическая женская конференция против империалистической войны. Она участвовала в создании в 1918 году Компартии Германии и вошла в ее Центральный комитет. В 1920 году была избрана в германский рейхстаг (парламент). А через год стала членом Президиума Коминтерна, на учредительном конгрессе которого она присутствовала вместе с Лениным.

В 1933 году, уже старая и больная, Клара Цеткин как старейший депутат парламента должна была открыть заседание рейхстага. Чтобы воспрепятствовать этому, фашисты послали ей письмо, угрожая расправиться с нею. Однако эта невысокого роста женщина с простой внешностью явилась в рейхстаг и произнесла речь на его открытии. Она умерла в 1933 году, ее прах захоронен в Кремлевской стене.

Роза Люксембург, выдающаяся польская революционерка и теоретик-марксист, была убита вместе с Карлом Либкнехтом агентами Носке в Германии в 1918 году. Наша Вирхиния Гонсалес, видная деятельница испанских профсоюзов, Испанской социалистической рабочей партии, а затем Коммунистической партии Испании; Инесса Арманд, выдающаяся российская марксистка; Надежда Крупская, жена Ленина, деятельница русского революционного движения; Александра Коллонтай, министр в первом советском правительстве и блестящий дипломат, и многие другие женщины внесли немалый вклад в революционную политическую борьбу, в защиту прав женщин.

*Агрессия
гитлеровской
Германии
против СССР*

Было воскресенье 22 июня 1941 года, когда в эфире раздался голос бесноватого Гитлера, оповестившего, что германские войска пересекли советскую границу.

Я находилась тогда с семьей в Пушкино под Москвой вместе с Хосе Диасом, его женой Терезой и дочерью Тереситой.

Эту страшную новость нам сообщила Ирене, которая тоже в это воскресенье отдыхала в окрестностях Москвы и, включив приемник, услышала немецкую радиостанцию, передававшую воинственные вопли фюрера. Она сразу же приехала к нам. Вскоре Московское радио передало выступление Молотова.

Агрессия против СССР стала фактом... Нам предстояло пережить вторую войну. И какую войну!

Мой сын Рубен, курсант военного училища, немедленно отправился на призывной пункт, чтобы записаться в армию добровольцем. Мы обнялись. «Мама, я буду вести себя как твой сын...»

На следующее утро Георгий Димитров собрал членов Исполкома и сотрудников Коминтерна, чтобы обсудить серьезность положения и новые задачи, встававшие перед нами в связи с начавшейся войной.

*Рождение
«Пиренаики»*

Прошло немного времени, и в эфир вышла новая радиостанция — радиостанция независимой Испании «Пиренаика», руководство которой я взяла на себя. Над ее передачами трудилась группа испанских товарищей, среди которых были Рафаэль Видьела, Франсиско Антон, Ирене Фалькон, Антонио Претель, Сеги Альварес, Педро Фелипе, Эсперанса Гонсалес, Бауделио Санчес, Хулио Матеу, Хулита Перикачо.

Работа была нелегкой. Иногда мы вели передачи из студий, расположенных в подвалах, спасаясь от бомбежек, которым подвергалась советская столица. Тексты передач мы

писали при свете тусклых светильников и даже коптилок, поскольку электрический ток отключался во время вражеских воздушных налетов.

Наибольшая трудность заключалась в недостатке прямой информации из Испании в начале войны. Но мы работали с большим воодушевлением, веря, что наш голос будет услышан на родине.

Позднее мы воочию смогли убедиться в этом: в прибывших из Испании газетах, издававшихся партизанами в различных районах страны, дословно воспроизводились тексты наших передач. Нас слушали, наши передачи распространяли среди товарищей и друзей.

Рассказанное относится к первым дням работы нашей радиостанции. Масштабы ее последующей деятельности хорошо известны. Со временем «Пиренаика» превратилась в самый популярный источник информации для испанцев.

В начале пятидесятых годов наша радиостанция была перенесена в Румынию. В это же время я начала вести передачи «Непорочная дева из Пилара», которые предназначались для католиков и которые имели большой успех. Ватиканское радио заявило, что не несет ответственности за работу этой радиостанции.

Москва во время войны

Война изменила облик советской столицы.

Тысячи мужчин и женщин всех возрастов проходили военную подготовку, обучались владению винтовкой и пулеметом, упражнялись в метании гранат, практике борьбы против танков. Каждый москвич считал себя мобилизованным.

Подразделения Красной Армии отправлялись на фронт с пением патриотических песен и гимнов. Мужественные голоса молодых людей, вставших на защиту своей социалистической родины, до сих пор звучат у меня в ушах, я никогда не смогу их забыть.

Женщины заменили мужчин на заводах и фабриках, они знали, что каждый сделанный ими снаряд — это их вклад в борьбу против чужеземных захватчиков.

Девушки в военной форме везли аэростаты воздушного заграждения. Поднятые над городом, они защищали его от вражеских налетов.

Скрещенные бумажные полосы белели на стеклах витрин и окон. Мешки с землей защищали стены зданий. Вечернее небо бороздили лучи прожекторов, выискивая вражеские самолеты. Каждую ночь москвичи несли охрану на крышах и тушили зажигательные бомбы в ведрах с водой и песком.

Я как бы снова переживала жестокие дни обороны Мадрида, вспоминая героические страницы, написанные моим народом в нашей национально-революционной войне.

Подобное переживали все испанские эмигранты, нашедшие убежище в Советском Союзе.

В эти первые дни войны многие испанские женщины записались на курсы медсестер.

Испанцы

Все испанцы считали себя мобилизованными с 22 июня. Они просили дать им винтовки взамен тех, что им пришлось оставить на французско-испанской границе, чтобы снова взять в руки оружие и продолжать борьбу.

Мы с Хосе Диасом обсуждали этот вопрос с Димитровым и Мануильским. Испанские товарищи настаивали, они не хотели ждать и обратились к И. В. Сталину. Он ответил: «В людях у нас нет недостатка. А испанские антифашисты будут нужны для борьбы в Испании».

Вполне резонно. Но испанские товарищи не могли остаться в стороне от участия в войне против фашистов, которые напали и на их родину. Столкнувшись с официальным отказом, каждый из них стал искать другие пути попасть в ряды Советской Армии.

Некоторые подростки из испанского молодежного интерната в Ленинграде вступали по собственной инициативе в партизанские отряды, действовавшие в тылу врага. Другие поступили в авиационные школы и впоследствии отличились в воздушных боях.

Настойчивость моих товарищей вынудила советское военное командование изменить свое решение. Был сформирован отряд испанцев, которому было поручено участвовать в обороне Москвы.

4-я специальная рота под командованием Перегрина Переса, расположенная в окрестностях Москвы, напоминала мне Пятый полк в Мадриде. Я отправилась поговорить с ее бойцами. Это было 18 июля, что показалось мне символичным, ведь эта дата — памятный день начала войны

в Испании. Прошло всего пять лет. 18 июля 1941 года я сказала:

— Борьба продолжается, и мы знаем, что она будет жестокой. Бороться вместе с советским народом, который защищает свою свободу и свою независимость, бороться против фашизма — значит сражаться и за наш народ, за независимость Испании.

Некоторые испанцы дошли в рядах Советской Армии до Берлина, среди них Сантьяго де Пауль Нелькен, сын Маргариты Нелькен, мой племянник — Альберто Рехас Ибаррури, Маноло Альберди. Последний надписал на табличке с названием берлинской улицы Стефанштрассе имя Хосе Диаса.

Часть испанцев сражалась в партизанских отрядах. Подвиги каждого из наших соотечественников во вражеском тылу нацистов, проявленные ими смелость и мужество достойны восхищения.

Замаскированный под «голубого»

Советское военное командование неоднократно поручало испанцам выполнение специальных, очень ответственных, строго секретных, связанных с огромным риском заданий на захваченной немецкими оккупантами советской земле.

Напрасно было бы искать в списках офицеров штаба «Голубой дивизии» имя Луиса Мендоса Пенья. С удостоверением этой дивизии в немецкой форме с красно-желтым знаком «Голубой дивизии» разъезжал по прибалтийским республикам, находившимся во власти гитлеровских захватчиков, испанский юноша. Кроме имени, в его удостоверении были указаны: возраст — 24 года, родом из Куэнки, холост, прошел военную подготовку в Африке. Однако он не был родом из Куэнки и никогда не бывал в Африке, хотя воевал против мавров в окопах под Мадридом в 1936 году. Его настоящее имя — Хосе Парра Мойя, Паррита — так называли его боевые товарищи, коммунисты и беспартийные. Лейтенант Мендоса был прикомандирован к одной из немецких воинских частей. Не раз ему пришлось предъявлять свои фиктивные документы немецким контрольным патрулям и даже офицеру гестапо.

Какие же задания выполнял Хосе Парра Мойя в немецком тылу? В составе специальной команды он должен был

участвовать в освобождении из концлагеря попавшего в плен сына Сталина. Операция эта по причинам, о которых Паррита так никогда и не узнал, не была осуществлена. Но он провел ряд других операций, хотя и не столь сенсационных, но весьма результативных, по обезвреживанию планов врага. После выполнения этих опасных заданий Хосе Парра вернулся в строй, чтобы в открытом бою сражаться против фашистов.

Более двухсот наших товарищей — ветеранов войны в Испании и молодых людей — их сыновей отдали свою жизнь в боях против гитлеровских захватчиков на советской земле. Это капля в море крови двадцати миллионов советских людей, павших в Великой Отечественной войне, но весомая, если учесть скромное число испанских эмигрантов в СССР.

В своей интересной книге «Открывая путь» Хосе Грос сумел прекрасно передать эту атмосферу борьбы не на жизнь, а на смерть, борьбы, начавшейся 18 июля 1936 года в Испании и закончившейся победой Советского Союза над гитлеровцами в 1945 году, а затем вновь продолженной партизанами в Арагоне и Каталонии...

*Те, кто никогда
не будет забыт...*

Годы спустя я вспоминала: «Борьба против гитлеровских агрессоров разворачивалась по всей советской земле, истерзанной тысячами ран, залитой кровью, покрытой руинами и пеплом разрушенных нацистскими преступниками городов и сел».

Как я уже отмечала, испанцы, жившие в СССР, отказались быть простыми свидетелями битвы, в которой решалась судьба народов: быть свободными или рабами, иметь возможность демократического развития или попасть под гитлеровское иго, в тысячу раз худшее, чем смерть.

С тем же энтузиазмом, с каким в июле 1936 года они взялись в Испании за оружие, чтобы защитить республику от фашистской агрессии, в июле 1941 года они, не имея возможности вступить в регулярную армию, решили активно включиться в партизанскую войну, особенно трудную для них — южан, не привыкших к суровому климату России и едва понимавших по-русски.

Некоторые группы, такие, как группы Хосе Сандовалья или Хосе Лопеса, дошли с партизанскими отрядами до советских границ. Они вышли на берег легендарного Дуная, участвуя в освобождении Венгрии. Другие искупались в берлинской Шпрее или дошли до Злата Праги.

Многие не вернулись: Франсиско Гильон, Леонардо Гарсия Камара, Хусто Родригес, руководитель Объединенной социалистической молодежи, Хоакин Фейхоо, Висенте де Блас, Амбросио Алькорта, Алехо Вела, Армандо Сандоваль, Мария Пардина, Хосе Пералес, Мигель Бойхо, Хосе Фусиманья, Хосе Луис Вара, Педро Панчама, Хуан Арментерос, Хуан Понс, Франсиско Вильялон, Хосе Креспильо... Сколько их погибло!

Не вернулась и группа молодых людей, которые по окончании военных училищ влились в ряды советских войск. Среди них Урибе Гальдиано, Сантьяго Пауль Нелькен, братья Эктор и Армандо Виадю, мой Рубен...

Они погибли, участвуя в героической обороне или в стремительном наступлении. Могилы одних нам известны, других — нет. Может быть, это случилось в брянских лесах? Или в Закарпатской Украине? В Крыму? На дорогах Польши или в горах Словакии?

Сегодня тени начинают рассеиваться и на сохранившемся в памяти светлом экране снова появляются героические лица наших никогда не забываемых товарищей и друзей.

В марте 1943 года группа партизан, состоявшая в основном из каталонцев и испанцев, попала в окружение в крымской деревне Шубино. Их было немного против многочисленного противника. О героизме, с которым они сражались, рассказывают крестьяне этой деревни и документы, найденные в архивах гитлеровской полиции.

Сколько их было, каталонцев, испанцев, советских людей? В группе под командованием Мигеля Бойхо вместе с советскими бойцами Кунакиным и Кулаковым воевали Хосе Фусиманья, Педро Панчамэ, Хуан Понс, Хуан Арментерос, Хосе Пералес и Хосе Луис Вара Родригес.

Братская могила объединила их в вечном сне. На ней — скромный памятник, поставленный погибшим воинам крестьянами и крестьянками деревни Шубино. И каждый год с теплотой и сердечностью возлагаются венки из полевых цветов на могилу героев советского народа и героев Испании.

*Политика
национального
единства —
путь
к примирению всех
испанцев*

В те дни в эмиграции, за тысячи километров от Испании, я ежедневно писала статьи и сообщения, часть из которых подписывала собственным именем, другие — псевдонимами: Антонио де Гевара или Хуан Герника. Эти материалы доносили до Испании радиостанция «Пиренаика» и Московское радио. Некоторые мои статьи были опубликованы в коммунистической прессе различных стран.

Когда началась вторая мировая война, мы с Хосе Диасом написали обращение, в котором призывали рабочий класс и весь народ Испании к национальному единству с целью воспрепятствовать вовлечению в нее Испании.

«Испанская компартия,— говорилось в этом документе,— не отказываясь от своих принципов, но учитывая ситуацию в стране и в мире, предлагает широкую программу, которая могла бы послужить основой для объединения рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии, республиканцев, социалистов, католиков, баскских и каталонских националистов, анархистов и членов Национальной конфедерации труда, масонов, центристов и правых, всех, кто выступает за восстановление мира и республиканской законности в Испании, вплоть до участников движения оппозиции франкистской политике внутри страны.

Национальное единство необходимо, чтобы успешно бороться за независимость и национальный суверенитет, за амнистию, против террора, против предоставления немецкому фашизму даже грамма продовольствия вопреки желанию испанского народа».

Этот призыв, несомненно, способствовал расширению антифашистского движения внутри Испании и за ее пределами. Идея политики национального единства была положительно воспринята испанскими демократическими кругами.

Разрабатывая дальше эту тему, я опубликовала через несколько месяцев статью, в которой развивала идею о

путях примирения всех испанцев, идею, которая получила окончательное признание через несколько лет.

Я писала, в частности:

«В сентябре прошлого года ЦК Испанской компартии опубликовал документ с призывом к национальному единству, документ, который вызвал в стране широкий отклик и способствовал укреплению движения оппозиции фаланге и ее политике войны.

Нынешнее отношение Испанской коммунистической партии к политике национального единства не является чем-то новым, тем более для кого-то неожиданным. Оно — продолжение позиции, которую партия занимала ранее.

Еще во время национально-революционной войны в связи с проявлениями сектантства, а также стремлением некоторых лиц исказить характер нашей войны коммунистическая партия твердо отстаивала политику национального единства, не обращая внимания на высказывания безответственных демагогов по поводу этой патриотической и последовательной позиции.

Мы боролись тогда не за коммунизм, а в защиту демократической республики, мы боролись за республиканскую конституцию и демократические законы нашей страны. И, оставаясь верными своим обязательствам и обязательствам своих союзников, убежденные в том, что тем самым защищаем подлинные интересы нашего народа, мы твердо выступили против несвоевременных и неуместных попыток обобществления. Мы с энтузиазмом и решительностью боролись на всех фронтах, защищая знамя народной, республиканской, революционной, в подлинном смысле этого слова в то время, Испании.

В течение всей войны коммунистическая партия шла на все жертвы ради сохранения и поддержания единства.

Когда ход войны потребовал ради объединения демократических сил расширить нашу программу путем включения в нее тринадцати пунктов национального правительства, никто не оспаривал право коммунистов защищать и пропагандировать ее.

Сегодня мы снова ставим перед всеми испанцами проблему национального единства, потому что наша страна переживает крайне опасный период, и виновниками этого являются те же силы, которые подняли военный мятеж 18 июля 1936 года».

В статье я обращала внимание на опасность, угрожавшую Испании в случае вовлечения ее во вторую мировую войну франкистскими вассалами Гитлера, и призывала всех честных испанцев, как «правых», так и «левых», воспрепятствовать этому. Имея в виду это патриотическое движение, мы предостерегали, особенно левые силы, от серьезнейшей ошибки — подходить к политическим и общественным организациям в Испании так же, как к фаланге. Именно исходя из высших интересов Испании, необходимо было помешать фаланге стать на путь войны, чтобы «освобожденная от фалангизма Испания решительно взяла курс на примирение всех испанцев».

В Башкирии

Учитывая опасность, которую представляло наступление гитлеровских войск (они уже находились в нескольких десятках километрах от Москвы), руководство Коминтерна решило переехать в Уфу, столицу Башкирской автономной республики. Эвакуация была трудной и тягостной.

Зная о чрезвычайной опасности, угрожавшей Москве, я настояла перед ответственным товарищем, чтобы эвакуация всех испанских детей и подростков была завершена до моего отъезда. Это был очень трудный разговор, но я заявила, что не уеду, пока в Москве останется хоть один испанец. В результате все они были вывезены из находившейся под угрозой столицы. Осталось лишь общежитие молодых испанцев, которые по какой-то причине не смогли выехать.

В связи со срочностью отъезда возникло много проблем, некоторые из них личного характера.

Моя дочь Амайя училась в школе. Рубен находился в эти дни у меня в Пушкино, долечиваясь после ранения, полученного на фронте под Борисовом.

Я вызвала Амайю, и мы вместе упаковали все необходимое. Верные испанской традиции, взяли в дорогу картофельную лепешку, хотя нам так и не удалось ее съесть: мы потеряли ее на одной из станций. Это было 16 октября 1941 года.

Казанский вокзал, куда нас привезли, из-за воздушных налетов был погружен в темноту. Огромная толпа, тысячи людей с трудом двигались в этой тьме, прокладывая

себе дорогу, чтобы сесть на какой-нибудь поезд, который увез бы их в любом направлении — подальше от наступавшего нацистского агрессора.

В этой темноте, среди огромного скопления людей я потеряла сына и дочь. Поезд тронулся без каких-либо сигналов. Рубен и Амайя остались на перроне.

Через несколько часов на одной из станций, название которой я не запомнила, мне сообщили: Рубен и Амайя вместе с другими товарищами сели в поезд, следующий за нами. В Уфе мы встретились.

В моем вагоне по чистой случайности оказалась Ирене, с нами ехал также болгарский товарищ Степанов (Стоян Минев). Каким-то образом ему удалось раздобыть кофе в зернах, кофемолку и кипяток, и он предложил нам выпить по чашечке кофе, который показался нам чудесным нектаром.

В этом же поезде ехали иностранные дипломаты. Позднее нам составили компанию Илья Эренбург, Борис Пономарев и другие товарищи. Поездка длилась девять долгих дней: мы пропускали военные поезда, шедшие в обратном направлении — к фронту, а также платформы с оборудованием военных заводов, отправляемым на восток, в более безопасные места. Их сопровождали рабочие. Этим солдатам производства предстояло в глубоком тылу собрать станки и, не теряя времени, продолжить выпуск оружия для фронта.

Температура воздуха в ту памятную осень 1941 года была очень низкой, но никто, казалось, не чувствовал холода.

Что мы знали об Уфе? Далекий город, основанный, как нам сказали, в XVI веке, столица Башкирской автономной советской социалистической республики, которая простирается до Урала — горной цепи, на левом и правом склонах которой как бы приветствуют друг друга два континента — Европа и Азия.

Как это далеко от моей Гальярти, от нашего Мадрида!

Войны не только губят миллионы людей. Не меньше людей отрывают они от своей земли, от своих близких, от своих семей, заставляя отправляться в далекие края.

Если бы мы ехали не в эвакуацию, а путешествовали, как туристы, мы бы с восторгом встретили идею посетить Башкирию, соседствующую с Татарской автономной республикой, с ее прекрасными горными пейзажами, по тер-

ритории которой протекает река Белая. В XIII веке здесь прошла татаро-монгольская «Золотая орда» хана Батыея.

Нам предстояло жить и работать в течение двух лет среди башкир, татар, русских, людей самых разных национальностей.

Трудящиеся Башкирии гордятся своими революционными традициями: они участвовали в Октябрьской революции 1917 года, сражались против белогвардейцев и интервентов. В Уфе в начале века возник революционный рабоче-крестьянский комитет, руководимый большевиком Цюрупой. На ее территории сражались такие легендарные революционные бойцы, как Чапаев и Фрунзе.

В 1919 году родилась Башкирская автономная советская социалистическая республика, вошедшая в состав Российской Федерации.

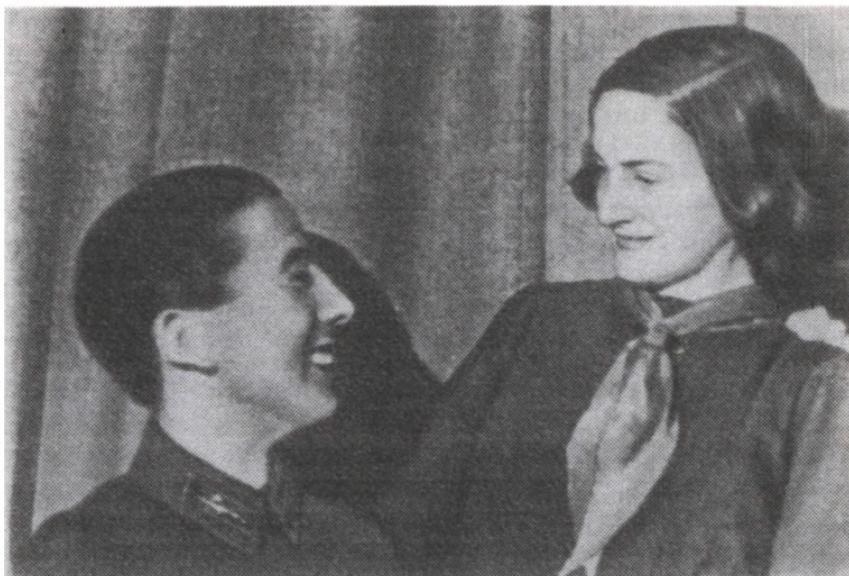
Революция преобразила жизнь башкир, способствовала развитию их культуры. У них появилась письменность, а с нею и самобытная литература.

Трудящиеся Уфы, как и всего Советского Союза, поднялись на войну против агрессора. Уфимцы приняли нас по-братски: для размещения сотрудников Коминтерна предоставили Дворец пионеров, для революционеров, прибывших из разных стран, выделили гостиницу «Башкирия».

Откровенно говоря, у нас не было возможности близко познакомиться с местным населением. Мы работали круглосуточно, без отдыха. Возвращаясь на рассвете с работы, пробирались по узким тропинкам, проложенным в снежных сугробах, которые доходили до первых этажей домов. Морозы иногда доходили до 40 градусов ниже нуля при невероятно голубом небе и впечатляющих солнечных закатах.

Сегодня, вспоминая эти холода, мы удивляемся выносливости людей в военное время, ничто не казалось нам невозможным. Мы работали с энтузиазмом и верой в победу. Твердость, героизм и решимость советского народа защитить свою социалистическую родину поддерживали наш моральный дух в тех труднейших условиях.

Жили мы по-спартански, в соответствии с условиями военного времени. Мой сын Рубен, который до приезда в Уфу в течение двух месяцев находился после ранения под Борисовом в госпитале в Куйбышеве, а затем, как я уже упоминала, был переведен в Москву, настаивал, чтобы его снова отправили на фронт. Амайя пошла в школу.

*Рубен и Амайя,
Москва.*

В Уфу приехали со своими семьями наши близкие друзья, известные архитекторы Мануэль Санчес Аркас и Луис Лакаса, генерал Кордон, скульптор Альберто с женой Кларой Санча и другие товарищи.

В Уфу прибыло несколько групп испанских подростков, потерявшихся в пути и разыскивавших своих соотечественников. Мы приняли их как сыновей, устроили на учебу или работу.

Потерявшиеся в татарской деревне

Нередко башкирские товарищи приглашали меня выступить на различных митингах и собраниях.

Однажды утром вместе с Борисом Пономаревым — в то время сотрудником аппарата Коминтерна — мы вылетели на двухместном открытом самолете, сильно продуваемом ветром, в Куйбышев, где должен был состояться митинг. Не обошлось без приключения. Пилот сбился

с пути и посадил самолет около маленькой татарской деревушки, жители которой встретили нас с испугом и опаской, вполне понятными в то военное время.

Когда мы объяснили, кто мы и откуда, нас устроили в доме с широкими скамьями, покрытыми мехом, и с открытым очагом. Утром я проснулась с головной болью, пришлось вызвать врача, вскоре мне стало лучше и мы продолжили наше путешествие. Хозяйке гостеприимного дома я подарила на память испанскую косынку. В Куйбышеве я узнала, что товарищи, обеспокоенные нашим исчезновением, послали на наш розыск самолеты.

Мой Рубен

1942 год был годом больших сражений. Советские солдаты боролись и умирали, чтобы сдержать нацистского агрессора, изумляя мир своим героизмом.

Ленинград, окруженный врагом, страдающий от голода и холода, стойко сопротивлялся. Ежедневно на улицах города и в домах погибали взрослые и дети.

В Сталинграде, городе, который широкой лентой протянулся вдоль Волги, шли ожесточенные бои, которым предстояло стать в этой беспощадной войне решающими.

В 35-й гвардейской дивизии, защищавшей Сталинград, в звании старшего лейтенанта служил мой сын Рубен. С еще не зарубцевавшимися ранами он прибыл в Москву, настаивая на отправке на фронт. 13 августа 1942 года я получила от него несколько строчек:

«Дорогая мама! Извини за молчание, но я не знал, куда меня назначат. Сейчас я могу сказать тебе это. Место, где я нахожусь, мне знакомо. Я учился здесь на летчика... Мое желание — как можно скорее включиться в боевые действия. Ты можешь быть уверена, что я выполню свой долг молодого коммуниста и солдата».

Я написала Амайе: «Дорогая! Рубен уже на фронте. Поехал сначала в Москву, а оттуда на фронт в 35-ю гвардейскую дивизию.

Обнимаю тебя

Долорес».

Участие Рубена в сражении за Сталинград было коротким, но трагическим.

С сыном Рубеном.

Н. С. Хрущев, в то время член Военного совета Сталинградского фронта, сообщил мне, что 3 сентября мой сын Рубен погиб... Сам Хрущев тоже только что потерял сына на одном из фронтов. Он писал мне:

«Рота пулеметчиков, которой командовал Рубен Ибаррури, прорвала первые линии врага... В этом сражении гвардии старший лейтенант Рубен Ибаррури был смертельно ранен и доставлен товарищами в госпиталь... Несмотря на усилия врачей, спасти жизнь Рубена не удалось, на рассвете 3 сентября 1942 года он скончался».

У могилы Рубена бойцы дивизии поклялись отомстить за смерть товарища. И они выполнили свое обещание. 35-я дивизия прошла славный боевой путь от Сталинграда до Берлина со знаменем, под которым воевал и погиб мой Рубен.

Это знамя хранится в Москве в Центральном музее Вооруженных Сил СССР вместе с документами, фотографиями и личными вещами моего сына.

23 сентября 1942 года я получила письмо от Димитрова: «Дорогая Долорес!

Самый трагический личный удар, который судьба могла нанести тебе, это, несомненно, смерть твоего замечательного сына, прекрасного молодого испанского коммуниста, которого ты вырастила и выучила, это большая потеря для Испанской компартии, для Коммунистического Интернационала.

Поверь, мы всем сердцем и душой сочувствуем твоему горю.

Однако лучшим утешением для тебя и для нас является сознание и гордость от того, что Рубен пал как герой, борясь против фашистских агрессоров, и именно в ходе героической защиты Сталинграда.

Твой сын-герой скрепил своей кровью боевые узы, объединившие во время испанской антифашистской войны советский народ и испанский народ, лучшей представительницей которого являешься ты, доблестная мать Рубена.

Гибель Рубена, как и гибель многих тысяч защитников страны социализма, зовет всех нас на еще более ожесточенную и беспощадную борьбу против фашистских разбойников — до полного их разгрома.

Мы ни на мгновение не сомневаемся, что ты сумеешь преодолеть свое большое горе, найти в себе новые силы и энергию для беспощадной борьбы против ненавистного фашизма, на благо испанского народа и всего прогрессивного человечества.

Крепко, крепко жму твою руку, сестра моя.

Г. Димитров».

Что сказать о моем горе? Это самая глубокая из всех скорбей — скорбь матери, потерявшей сына. У меня осталась одна лишь Амайя из шести детей, которых я принесла миру.

Он пал в Сталинграде, в решающей битве второй мировой войны.

Пабло Неруда в поэме «Песнь любви Сталинграду» сумел, как никто, соединить Испанию со Сталинградом.

*Испанец, вспоминая свой Мадрид,
К тебе, о братский город, обращает
Слова любви: «Борись, столица Славы,
Борись и верь... Из недр земли испанской
К тебе взывает пламенная кровь...
...И у стены расстрелов
Испанец знает: Сталинград живет!»
Во мраке тюрем сотни черных глаз
При имени твоём пронзают камни.
Да, кровь твоя и мертвые твои
В Испании рождают гнев и трепет¹.*

Несколько лет спустя я написала группе молодых рабочих Красноярской гидроэлектростанции:

«Членам бригады, которая носит имя Рубена Руиса Ибаррури.

Всем трудящимся Красноярской гидроэлектростанции.
Дорогие друзья и товарищи!

С волнением матери и коммуниста я узнала, что на строительстве большой Красноярской гидроэлектростанции работает бригада, носящая имя моего сына Рубена.

Трудно передать вам, что это значит для меня. Мой Рубен живет в ваших мыслях, в ваших надеждах, в вашей героической работе, в трудном строительстве крупнейшей гидроэлектростанции Советского Союза!..

Я привыкла к борьбе с самых юных лет. Работа помогала мне в той трудной жизни, на которую обречена рабочая семья. Я распространяла нелегальную литературу, газеты компартии, участвовала в забастовочной борьбе и в манифестациях, которые не раз заканчивались пролитием крови рабочих. Когда меня арестовали, руководство нашей партии отправило двух моих детей в Советский Союз, чтобы я

¹ Неруда П. Избранное. М., 1954, с. 58. Перевод Ф. Кельина.

могла полностью посвятить себя революционной борьбе, которую вела наша партия в тех трудных условиях... не беспокоиться за своих оставшихся на улице детей.

В Советском Союзе Рубен работал на заводе им. Лихачева, а во время войны в Испании вернулся на родину, чтобы вместе со своим народом сражаться в рядах народной армии.

Когда Испанская республика потерпела поражение, он, как и тысячи других республиканских бойцов, был заключен французским правительством в концлагерь во Франции. Ему удалось выбраться оттуда и вернуться в Советский Союз, который Рубен любил как свою вторую родину. Он учился в военном училище, а с первых дней войны воевал в рядах Советской Армии против гитлеровских захватчиков. При обороне Борисова он был тяжело ранен и награжден за храбрость орденом Красной Звезды. Еще не оправившись от ран, он снова вернулся в действующую армию и пал как герой при обороне Сталинграда. Ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Простите меня за эту короткую биографию моего Рубена, столь же короткую, какой была его жизнь: ему исполнилось всего 22 года. Но мне хотелось сделать это, чтобы все члены бригады, которая носит его имя, знали, что Рубен не был маменькиным сынком, он был рабочим, как и вы, молодым коммунистом, который боролся в Испании и в Советской стране, защищая которую отдал свою молодость и жизнь.

Спасибо, товарищи и друзья из бригады Рубена Руиса Ибаррури! Спасибо, трудящиеся Красноярска, за ваш самоотверженный труд! За новые успехи в вашей повседневной работе и за счастье в вашей жизни!

Ваша Долорес Ибаррури».

В Советском Союзе есть школы, клубы интернациональной дружбы, которым присвоено имя Рубена Ибаррури. Мне часто пишут, и я отвечаю со всей искренностью. В этих сыновних письмах оживает мой Рубен.

На площади Павших борцов в Сталинграде стоит красивый памятник. Там покоится мой Рубен вместе с двумя другими молодыми людьми, жизнь которых оборвала гитлеровская агрессия: летчиком майором В. Г. Каменьщиковым и капитаном Х. Ф. Фаттахутдиновым.

*У могилы сына
в Волгограде.*

В письме, адресованном моей дочери Амайе, советский астроном Тамара Смирнова, работающая в Крымской обсерватории, сообщила, что в начале 1983 года она открыла небольшие астероиды и назвала один из них в память о Рубене его именем.

РУБЕНУ РУИСУ ИБАРРУРИ

*Когда русская ночь землю покрыла,
над заснеженными степями распростерла крылья,
чей-то голос приостановил военного коня:
— Молодой лейтенант испанский умер на исходе дня...
Он покинул берег Эбро кровавый,
пришел с винтовкой, жаждущей победы и смерти,—
с песней на устах, всем существом своим
предчувствуя восход испанской славы.
День за днем, ночь за ночью в России
за далекую Испанию сражался он упрямо.*

Кто видел его в бою, говорил: он был сыном страны, которую пересекает, улыбаясь, Харамма. Он погиб...

В битве с жестокою ордой пулемет разорвал его сердце молодое. — Салют! — закричал он, падая, и стало это слово призывом к молодежи шара земного.

Артуро Серрано Плайя

Мы потеряли Хосе Диаса

В марте 1942 года, когда советский народ — главная сила антигитлеровской коалиции — вел тяжелейшие бои с фашистскими войсками, мы потеряли нашего генерального секретаря Хосе Диаса.

Он уже много лет страдал серьезным заболеванием желудка, видимо, неизлечимым, приобретенным в тюрьмах Испании. Вместе с семьей его перевезли подальше от полей сражений — в столицу Грузии Тбилиси, город с благодатным и мягким климатом. Там его лечили известные советские врачи. Жена Диаса, самоотверженная и умная Тереса Маркес, творила чудеса, стараясь облегчить его страдания. При этом он испытывал не только физические, но и моральные муки, вызванные удаленностью от партии, от политики, от войны, от своего народа, и это не могло не сказаться на настроении сорокасемилетнего революционного руководителя, нашего Пепе Диаса.

Хосе Диас покинул нас, прервав свою короткую и героическую жизнь, оставив после себя вакуум, который мы чувствовали в самые тяжелые моменты. Другие руководители нашей партии были рассеяны по различным континентам. В Испании наших активистов подвергали пыткам, расстреливали.

Все мы знали, что Хосе Диас болен, не может работать. Но мы до последнего момента ощущали его присутствие, опирались на его революционный опыт, природные способности, ясный ум.

Его последнее письмо

Он оставил мне письмо, написанное от руки на листке бумаги:

«Дорогая товарищ Долорес, приближается конец моей жизни, и я не хочу, чтобы он наступил до того, как ты получишь от меня несколько строк.

Долорес, передай привет от моего имени испанскому народу, партии и всему ее руководству.

Наша партия выросла и окрепла в ходе войны, в которой мы потерпели поражение. Но, несмотря на это, партия сохранила свое единство.

Единство партии для нас — животворная сила».

Далее Хосе Диас писал о том, что коммунисты должны учиться, изучать марксистско-ленинскую теорию. Письмо заканчивалось словами: «Обнимаю всех, Долорес. Прими крепкое объятие от твоего друга Пепе».

Таков был его завет. Завет замечательного революционера, руководителя-коммуниста — Хосе Диаса.

У его могилы я сказала: «Партия, которую ты создал и воспитал и которая решительно борется внутри страны, претворяя в жизнь лозунг сопротивления, выполнит твой последний завет, сохранив свое единство и создав национальное единство как основу для победы нашей Испании, Испании, которой ты целиком посвятил свою жизнь».

Чтобы присутствовать на похоронах Хосе Диаса и разделить с его женой и дочерью их горе, я летела из Уфы в Тбилиси на военном самолете — единственно возможном виде транспорта в тех условиях. Плохая погода, сильный ледяной ветер вынудили нас — меня сопровождала Ирене — сделать посадку в Сталинграде. Лишь на следующий день мы приземлились в столице Грузии, не тронутой войной, солнечной, замечательной, которая, казалось, находится в другом полушарии.

Трудящиеся его родной Севильи не смогли проводить Хосе Диаса к последней обители. Но это сделали в знак уважения и почитания тысячи грузин, мужчин и женщин со смуглым цветом лица и горячими сердцами, как у андалусцев.

Над могилой нашего незабвенного Пепе возвышается памятник, творение грузинского скульптора, дар трудящихся Тбилиси.

Таким был Хосе Диас

Жизнь и революционная деятельность Хосе Диаса была неразрывно связана с важнейшими и решающими политическими и социальными событиями современной Испании.

Он выдвинулся на политическую арену в период наиболее интенсивной борьбы рабочего класса, всего испанского народа против реакции и мятежа олигархических и военных сил, стремившихся превратить нашу страну в оплот фашизма.

Хосе Диас вступил в партию в конце двадцатых годов. Он не состоял в социалистической партии, как большинство из нас. В молодости он примкнул к анархо-синдикалистскому движению. Он пришел в компартию не один, а с группой бойцов, среди которых были Мануэль Деликадо, Антонио Михе и Сатурнино Барнето. Севилья, город, где он жил, оказывала в те годы революционизирующее влияние на всю страну.

Пепе Диас был пекарем, как и отец. Мать его работала на табачной фабрике. Как профсоюзный активист, он выделялся своей боевитостью и решимостью, неоднократно подвергался арестам и пыткам, в годы диктатуры Примо де Ривера был даже приговорен к расстрелу за попытку к бегству.

Страсть к чтению, хотя он с трудом преодолел трудности начального обучения, и необходимость помогать своим товарищам, находящимся в заключении, привели молодого профсоюзного активиста в организацию Международной красной помощи, руководимую коммунистами. Там он на практике познакомился с пролетарской солидарностью, заинтересовался политическими проблемами. Он быстро рос, этот севильский юноша, как политический руководитель, чему способствовали его человеческие качества и революционный талант, и вскоре стал секретарем партийной организации в Севилье. В 1932 году после IV съезда Испанской компартии Диас был избран генеральным секретарем нашей партии. Как раз на этом историческом съезде он порвал — не без колебаний — с сектантством и «детской болезнью «левизны» и, учась у Ленина, расчистил путь, исходя из национальных особенностей, для преобразования Компартии Испании в марксистскую, революционную,

глубоко интернациональную партию, опирающуюся на массы и поддерживаемую ими.

Под руководством Хосе Диаса и ряда других руководителей, избранных в Центральный Комитет и Политбюро (Висенте Урибе, Антонио Михе, Мануэль Деликадо, Педро Чека, Трифон Медрано, Хесус Ларраньяга и я), компартия стала в бурный предвоенный период душой борьбы за рабочее и демократическое единство, за создание Народного фронта.

После того как было покончено с узким догматизмом, в компартию пришло новое пополнение рабочих, крестьян, представителей интеллигенции. В этот период в нее вступила группа социал-революционеров во главе с депутатом Хосе Антонио Бальбонтином, который таким образом стал первым коммунистическим представителем в кортесах, еще до того как был избран в кортесы от Малаги наш товарищ доктор Кайетано Боливар, а также большая часть организации Левые революционные и антифашистские силы (ЛРИА), возглавлявшаяся Сесаром и Ирене Фалькон.

Вспоминаю, не без волнения, стиль работы товарища Пепе, всегда выдержанного, лишённого педантизма и пустословия. Он учил нас простоте в общении между собой и другими товарищами, умению слушать и откликаться на сказанное, отстаивать — не жалея усилий, не страшась жертв — чаяния угнетенных и эксплуатируемых масс, быть патриотами нашей Испании в самом широком и благородном смысле этого слова.

Как политик, лидер, коммунистический депутат в кортесах он завоевал уважение и признание испанских политических деятелей тридцатых годов. Не раз мы слышали от людей, идеологически далеких нам, что Хосе Диас был «одним из наиболее организованных умов нашей страны». Свое политическое кредо он изложил в книге «Три года борьбы».

Он был последовательным сторонником политики союзов, стремился устранить ошибки и сектантские препоны на этом пути, разъяснить характер национально-революционной войны. В письме в редакцию «Мундо обреро» 30 марта 1938 года, озаглавленном «Со всей ясностью», Хосе Диас писал:

«Дорогие товарищи!

В номере «Мундо обреро» от 23 марта появилась статья, на которую необходимо обратить ваше внимание и внима-

ние всей партии. Статья начинается со слов: «Все, что может послужить дезориентации масс, должно быть разъяснено самым тщательным образом». Справедливость этого утверждения никто не может поставить под сомнение, и именно поэтому я считаю нужным направить вам это письмо, тем более что далее в вашей статье содержится следующее утверждение:

...«Нельзя, как это делает одна газета, считать, что единственная цель нашей войны — чтобы Испания не была ни фашистской, ни коммунистической».

Я не знаю, против какой газеты вы выступаете. Возможно, эта газета делается людьми, которые не приемлют нашей партии, не понимают в полной мере цели нашей войны. Но утверждение, что «единственная цель нашей войны — чтобы Испания не стала ни фашистской, ни коммунистической», совершенно правильно и соответствует позиции нашей партии.

Необходимо повторить еще раз, чтобы на этот счет не оставалось никаких сомнений. Народ Испании сражается в этой войне за свою национальную независимость, в защиту демократической республики. Сражается, чтобы изгнать с нашей земли жестоких немецких и итальянских захватчиков, сражается потому, что не хочет, чтобы Испания была превращена в фашистскую колонию. Сражается за свободу, в защиту демократического и республиканского строя, установленного в нашей стране в соответствии с законом и позволяющего осуществить самые глубокие социальные перемены.

Коммунистическая партия, которая вместе с социалистической является партией рабочего класса Испании, не имеет и не может иметь интересов и целей, отличных от целей всего народа. Наша партия никогда не считала, что в результате этой войны должен быть установлен коммунистический строй. Если рабочие массы, крестьяне и городская мелкая буржуазия идут за нами и поддерживают нас, это объясняется тем, что они знают: мы являемся самыми стойкими защитниками национальной независимости, свободы и республиканской конституции. Это является основной целью нашей политики единства и Народного фронта. Было бы крайне опасно и недопустимо, если бы в рядах нашей партии возникло — я не говорю сомнение, — или просто отсутствовала ясность в этом вопросе и именно в данный момент, когда необходимо максималь-

ное единство народа, чтобы противостоять яростным атакам иностранных агрессоров. Сегодня в нашей стране существуют объективные условия для существования и укрепления в интересах всего народа демократического режима и нет условий, позволяющих говорить о возможности установления коммунистического режима. Ставить вопрос об установлении коммунистического режима — значило бы внести раскол в ряды народных масс, ибо коммунистический строй не может быть принят всеми испанцами, а наша партия никогда не делала ничего, что могло бы привести к расколу в рядах народа, наоборот, она прилагала все усилия с начала войны, чтобы объединить всех испанцев в борьбе за свободу и национальную независимость. Она делала и делает все возможное, чтобы расширить это единство и добиться присоединения к нему тех слоев населения, которые попали под влияние франкистской пропаганды, а также всех испанцев, которые не хотят быть рабами жестокой иностранной диктатуры».

Касаясь интернационального характера войны, Хосе Диас отметил: «Есть цель, вокруг которой все демократические государства могут объединиться и действовать сообща. Эта цель — защита от агрессора, от угрожающего всем фашизма, это предотвращение войны, которая угрожает всем.

Когда мы говорим здесь о «всех демократических государствах», мы имеем в виду не только Советский Союз, где существует социалистическая демократия, мы имеем в виду также Францию, Англию, Чехословакию, Соединенные Штаты и другие страны, которые являются государствами буржуазной демократии. Мы хотим, чтобы эти государства помогли нам, мы полагаем, что, защищая нас, они защищают свои собственные интересы, мы стремимся к тому, чтобы они поняли нас, и обращаемся к ним с призывом помочь нам. Позиция, которую вы защищаете в своей статье, иная, и она неправильна. Ошибка состоит в игнорировании интернационального характера нашей борьбы, которая является борьбой против фашизма, против страшной мировой войны, против врагов мира и против врагов свободы народов. Нам очень хорошо известно, что в каждой стране есть определенные буржуазные круги, которые поддерживают фашистских агрессоров, как это делают английские консерваторы и правые силы во Франции, но наступление фашизма продолжается, поз-

тому защита национальных интересов в такой стране, как, например, Франция, требует от всех, кто заинтересован в свободе и независимости своей страны, воспрепятствовать этой агрессии, и самый эффективный способ противостоять ей — оказать конкретную помощь народу Испании.

...Ваш подход к проблеме неизбежно привел бы к сужению фронта нашей борьбы в момент, когда необходимо его расширить. Задача организации интернациональной помощи Испании в этот трагический момент ее истории лежит прежде всего на рабочем классе и его организациях, но меры, которые можно было бы использовать для убеждения не рабочего класса, а мелкой буржуазии, демократической и либеральной буржуазии в необходимости такой помощи, не могут вызвать у нас ничего кроме одобрения.

Все, что мы делаем, — мы делаем в интересах народа и победы в войне. Поэтому нас могут и должны поддержать не только все антифашисты, но и все испанцы, заинтересованные в том, чтобы эта война завершилась победой нашей родины и поражением фашистских агрессоров. Задача партии, следовательно, исходя из этих целей — крепить узы единства между всеми антифашистскими силами. Сегодня, более чем когда-либо: ничего против единства и все для единства народа, самого широкого и прочного».

Молодые руководители КПИ

Постоянной заботой Хосе Диаса было расширение рядов партии, стремление к пополнению ее молодыми кадрами, отличившимися в борьбе.

Среди них были Сантьяго Каррильо, Трифон Медрано, Хосе Касорла, Фредерико Мельчор, Игнасио Гальего, Сантьяго Альварес, Хосе Лаин, Фернандо Клаудин, Сеги Альварес и многие другие. В новых условиях борьбы и труда они усваивали опыт ветеранов и вносили теоретический и практический опыт новых поколений.

Фредерико Мельчор рассказывал:

«Это было в Мадриде, в ноябре 1936 года. Все мы помним те дни, когда решался вопрос «быть или не быть» народному сопротивлению. В одном из домов на улице

имени генерала Ораа жили мы, несколько руководителей ОСМ: Сантьяго Каррильо, Хосе Лаин, Касорла и я, нам было по двадцать лет.

Однажды вечером, придя домой, Сантьяго заявил: — Я вступаю в КПИ.

Все промолчали, но каждый из нас задумался над этими словами.

На следующее утро мы все вместе решили вступить в коммунистическую партию. Встретились с Хосе Диасом, Долорес Ибаррури и Педро Чекой, которые приняли нас очень сердечно, без нарочитого покровительства людей, закаленных в борьбе.

Тяжелым испытанием для нас стал день 7 ноября. Ларго Кабальеро вызвал нас в военное министерство и сообщил о необходимости эвакуации, ибо народная милиция не в состоянии сдержать продвижение франкистских войск.

Мы вышли от него возмущенные. Коммунисты отказались эвакуироваться. Они решили, несмотря на чрезвычайно сложную обстановку, защищать Мадрид. КПИ и ОСМ верили, что при поддержке народа Мадрид можно отстоять».

Тяга молодежи в ряды коммунистической партии стала повсеместным явлением. И не только в Мадриде, но и в Андалусии, Валенсии, повсеместно.

Наш Пепе Диас был настоящим уроженцем Севильи, остроумным, веселым в момент отдыха. Его доброжелательность снискала ему симпатии товарищей и друзей.

Прошли годы, выросли новые поколения борцов, мы живем сейчас в совершенно иных условиях, чем те, в которых довелось жить ему, мы шли крутыми дорогами потерь и надежд, но имя Хосе Диаса останется как призыв продолжать движение по трудному пути к социализму, которым идет наша партия, наш народ.

Из Мексики наш выдающийся поэт Педро Гарфиас прислал поэму «На смерть Хосе Диаса».

Товарищу Долорес Ибаррури

*От снегов в крови багряной
и спаленных нив,
от войны сожженных фабрик,
ото всех руин*

*эта весть к нам доносилась:
умер Хосе Диас.*

*Там, где смерть упрямо наступает
на камень и смех
и пейзаж озаряет
холодным светом суровый снег,
Хосе Диас скончался,
окруженный верными друзьями,
поддержанный твердыми руками
товарищей-братьев, взволнованных его кончиной.
Мужчины —
титаны, земные боги —
собрались у его последней дороги,
пришли взглянуть еще раз
в железную твердость его глаз,
похоронить его тело пришли
и пепел развеять по простору земли.
Неустанно работала смерть,
чтобы облик его стереть,
погасить все то, что рассвет предвещало,
силу духа и стойкость начала,
отбросить его от зари прочь
в мертвенно бледную ночь.
И Хосе Диас мертв, мертв и жив, и сражается,
потому что война продолжается.*

*И там, где растут оливы,
где колосится пшеница,
звучит на улицах его имя,
в дома людей приходит незримо,
где тайной мечты тщета,
где опустится тень скорби и плача
и твою верную Севилью спрячет.*

*Из конца в конец она Испанию пройдет:
грустный взгляд, поникший голос.
Через поле — ветром — устремит полет,
чуть шевельнув ранний колос.
Печалются фабрики,
горюет небес синева:
до них эта скорбь докатилась.*

*Скажут плачущие глаза, а не слова:
— Умер Хосе Диас.
Умер Хосе Диас, товарищи,
в тенетах смерти, умер Хосе Диас,
в нашей России, под восходящим солнцем,
в гуще жизни!*

Мигель Эрнандес

В том же 1942 году скончался в тюрьме в возрасте 31 года наш дорогой поэт Мигель Эрнандес.

Я чувствовала глубокую привязанность к этому молодому крестьянину из Ориуэлы с глазами, излучавшими доброту и ум.

Мигель Эрнандес, один из лучших поэтов Испании, человек от земли.

*Землю меня зовут, хотя и зовут Мигелем.
Земля — моя профессия и моя судьба.*

Я встречала его на фронтах, среди солдат, он был солдатом от культуры, и, когда читал свои прекрасные стихи о пашне, о пшеничных полях, цветах, солдаты, в большинстве своем тоже из крестьян, понимали его, любили, как любят брата, который такой же, как ты, и который с исключительным талантом говорит о лучшем будущем, справедливости и любви.

Он воспевал молодость:

*Всегда впереди молодость,
всегда она побеждает,
спасенье свое Испания
от молодости ожидает.*

Хуан Рехано посвятил ему такие стихи:

*Одинокий козопас с даром страстного слова,
продолжаешь ты жить в этих мгновеньях
взволнованного дыхания,
мечтаний,
песен.*

*Ты не умер, убить тебя не смогли
те, что злобно тебя умерщвляли.*

*Земля не умирает, а ты был землей,
под которой сейчас —*

*всей благородной землей Испании,
столько разбитых грез.
Ты, дитя огня, был и есть — надежда.*

*Генеральный
секретарь
КПИ*

По решению руководства партии и при одобрении Коминтерна я была назначена генеральным секретарем Компартии Испании.

Я осознавала возложенную на меня ответственность и огромные трудности, которые мне предстояло преодолеть. С большим удовольствием я встретила бы назначение другого товарища на столь важный пост. И об этом совершенно откровенно сказала Димитрову: «Сомневаюсь, что мои способности достаточны для того, чтобы выполнять эти функции». Димитров ответил мне: «Долорес, руководителями становятся, работая».

Я посвятила всю себя работе, стремясь как можно лучше выполнить возложенные на меня обязанности. Я привыкла к трудностям, привыкла справляться с ними, проявляя волю, старание и настойчивость.

Товарищи из руководства партии одобрили мое назначение.

И все же не было недостатка в маневрах и сопротивлении лиц, возглавляемых Хесусом Эрнандесом, который рассчитывал заменить Хосе Диаса. Безусловно, отношение Хесуса Эрнандеса ко мне всегда было дружеским и благожелательным. Тем не менее, переехав в Мексику, он попытался совершить небольшой государственный переворот и, заручившись поддержкой товарищей, эмигрировавших в Латинскую Америку, провозгласить себя генеральным секретарем. Столкнувшись с единодушным отпором своим планам, он занял резко враждебную позицию по отношению к партии и сохранил ее до самой своей смерти.

На митинге, состоявшемся в Гаване весной 1942 года, Сантьяго Каррильо говорил (он выступил вместе с Блас Рока и Хуаном Маринелью): «Хосе Диас умер. Спрашивается, кто его заменит? Единственно, кто это может сделать, — Долорес Ибаррури». И добавил: «Товарищи, которые нахо-

дятся в Мексике, того же мнения. Они высказали безусловное согласие».

На V съезде Коммунистической партии Испании, проведенном в Чехословакии в 1954 году, я была избрана уже демократическим путем генеральным секретарем КПИ.

Самым важным для меня было сохранить единство партии в чрезвычайных условиях войны, разобщенности, террора, развязанного франкистской диктатурой против всех демократов и прежде всего против коммунистов.

Нелегко было поддерживать связь с товарищами, разбросанными по разным странам Европы и Америки, но особенно сложно — с нашими организациями в Испании.

Лучшим каналом связи была «Пиренаика» — радиостанция независимой Испании. С ее помощью мы могли постоянно обращаться к испанскому народу, информировать его, разъяснять происходящие события. Московское радио предоставило также в мое распоряжение свои передатчики. Под псевдонимом Антонио Гевары я часто обращалась ко всем антифранкистам, демократам, чтобы поддерживать в них веру и твердость в борьбе против диктатуры.

В сентябре 1942 года, как я уже отмечала, наша партия опубликовала призыв к национальному единству. Речь шла о том, чтобы предостеречь испанцев от опасности быть втянутыми в мировую войну с помощью соглашений, заключенных Франко с Берлином. Мы подчеркивали, что можно избежать катастрофы, если все испанцы, проявив решимость, объединятся в патриотическом стремлении спасти Испанию от страшных последствий войны.

Идея национального единства была выдвинута Хосе Диасом в его известной речи, произнесенной им в 1938 году в помещении Иберо-американского союза. Национальное единство — это не политическая или парламентская форма борьбы, это объединение всего испанского народа в момент, когда опасности подвергаются такие общественные ценности, как независимость страны, ее территориальная целостность, само существование Испании как государства. Поэтому, призывая к национальному единству, мы имели в виду тех в Испании, кто находились по другую сторону окопов и должны были объединиться с целью воспрепятствовать агрессору.

Победа цивилизации над варварством

Февраль 1943 года стал переломным в ходе второй мировой войны. Сталинградская битва завершилась победой Советской Армии.

Сталинград стал крутым переломом в войне, отправным пунктом на пути к победе народа Советского Союза и всех народов, не желавших жить под гнетом рабства.

Фельдмаршал Паулюс и его 91 тысяча солдат капитулировали. С этого момента Советская Армия сохраняла стратегическую инициативу до конца войны.

...Однажды утром, конвоируемые советскими солдатами, по улицам Москвы прошли колонны военнопленных немцев, еще недавно считавших себя непобедимыми. Их вид производил тягостное впечатление.

О том, что через столицу пройдут колонны немецких военнопленных, было объявлено по радио, и москвичи вышли на улицы. Мы тоже смешались с толпой, которая молча наблюдала за этим шествием побежденных: генералов, офицеров, солдат...

Да, москвичи смотрели на них молча, без ненависти. Потому что это были побежденные... Хотя в Советском Союзе не было семьи, которая не оплакивала бы родных и близких, павших в боях против нацистских агрессоров. Миллионы погибших, сирот, безутешных вдов, матерей...

Стоявший рядом с нами шофер не мог отвести глаз от этих представителей «высшей расы», оборванных, грязных, хромых, одноруких, которые шли ни на кого не глядя, даже не пытаясь отбивать традиционный прусский военный шаг...

Сталинград вошел в историю как незабываемая веха в истории человечества, веха, вдохновляющая людей всех стран на великие, благородные свершения. Это был триумф цивилизации над варварством.

После Сталинграда, в октябре, состоялась конференция союзных держав в Москве, а в конце ноября — в Тегеране.

«Никакая сила в мире, — указывалось в тегеранской Декларации трех держав, — не сможет помешать нам уничтожить германские армии на суше, их подводные лодки на море и разрушать их военные заводы с воздуха».

День правосудия приближался...

**Ленинград:
900 дней
и ночей**

В январе 1943 года Совинформбюро сообщило о прорыве блокады Ленинграда на участке вдоль южного берега Ладожского озера после тяжелейших месяцев обороны города советскими войсками и героического сопротивления ленинградцев. Через год она была полностью снята.

Несмотря на голод и холод, на тонны бомб и снарядов, сброшенных агрессорами, Ленинград не капитулировал. В те страшные дни в осажденном городе Дмитрий Шостакович сочинил свою знаменитую Седьмую симфонию.

«Дорогой жизни» называли ленинградцы путь по замерзшему льду Ладожского озера, проложенный под непрерывными бомбардировками в ноябре 1941 года. Именно по ней поступало в город продовольствие, медикаменты, оружие, эвакуировали больных, стариков, детей.

Среди первых эвакуированных были испанские дети и подростки. Но уехали не все. Некоторые — я уже упоминала об этом — воевали и погибли в боях при обороне Ленинграда. Среди них Мария Пардина, девушка из Мадрида, медсестра, боец-доброволец, спасавшая раненых в городе, который приютил ее и других испанских мужчин и женщин, переживших вместе с ленинградцами в течение трех лет блокады невиданные страдания.

Тяжело вспоминать, но в блокаде Ленинграда участвовали подразделения франкистской «Голубой дивизии».

На Пискаревском кладбище покоятся 600 тысяч ленинградцев. На камне высечены слова Ольги Берггольц:

*Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции...*

*Самороспуск
Коммунистического
Интернационала*

Весною 1943 года Президиум Исполкома Коминтерна принял Постановление о роспуске III Интернационала.

Взволновало ли коммунистическое движение это историческое событие?

Любые серьезные перемены дают импульс возникновению различных объединений. В условиях мировой войны было легче добиваться консенсуса. Главная причина роспуска Коминтерна состояла в том, что его влияние сузилось до минимума по независящим от него обстоятельствам, в то время как авторитет компартий продолжал возрастать.

Они уже представляли собой влиятельные национальные политические силы, свидетельством чего стало их участие в правительствах, возникших после победы над гитлеризмом.

Если при создании и первых шагах коммунистических партий существование Коммунистического Интернационала было необходимым и полезным, то через четверть века он стал сдерживать их развитие.

В комиссии по подготовке проекта постановления о его роспуске я участвовала вместе с Тольятти, Влаховичем, Мануильским и другими руководителями.

Текст документа, одобренный Президиумом Исполнительного комитета Интернационала, гласил:

«Историческая роль Коммунистического Интернационала, образовавшегося в 1919 году в итоге политического крушения подавляющего большинства старых довоенных рабочих партий, состояла в том, что он отстаивал учение марксизма от опошления и извращения его оппортунистическими элементами рабочего движения, содействовал сплочению в ряде стран авангарда передовых рабочих в подлинные рабочие партии, помогал им мобилизовать массы трудящихся для защиты своих политических и экономических интересов, для борьбы против фашизма и подготовлявшейся им войны, для поддержки Советского Союза, как главной опоры против фашизма. Коммунистический Интернационал своевременно раскрыл подлинное значение «антикоминтерновского пакта», как орудия в подготовке гитлеровцами войны. Он неустанно разоблачал задолго до войны гнусную подрывную работу гитлеровцев в чужих государствах, мас-

кируемую их криками о мнимом вмешательстве Коммунистического Интернационала во внутренние дела этих государств.

Но еще задолго до войны все более становилось ясным, что, по мере усложнения как внутренней, так и международной обстановки отдельных стран, решение задач рабочего движения каждой отдельной страны силами международного центра будет встречать непреодолимые препятствия.

Глубокое различие исторических путей развития различных стран мира, различный и даже противоречивый характер их общественного уклада, различие в уровне и темпах их общественного и политического развития, наконец, различие в степени сознательности и организованности рабочих обусловили и разные задачи, стоящие перед рабочим классом отдельных стран.

Весь ход событий за истекшую четверть века и накопленный Коммунистическим Интернационалом опыт убедительно показали, что организационная форма объединения рабочих, избранная Первым Конгрессом Коммунистического Интернационала, отвечавшая потребностям начального периода возрождения рабочего движения, все больше изживала себя по мере роста этого движения и усложнения его задач в отдельных странах, и становилась даже помехой дальнейшего укрепления национальных рабочих партий.

Развязанная гитлеровцами мировая война еще более обострила различие в положении отдельных стран, проложив глубокий водораздел между странами, ставшими носителями гитлеровской тирании, и свободолюбивыми народами, сплотившимися в мощную антигитлеровскую коалицию. В то время как в странах гитлеровского блока основная задача рабочих, трудящихся и всех честных людей состоит во всемерном содействии поражению этого блока путем подрыва изнутри гитлеровской военной машины, в содействии низвержению правительств, виновных в войне, в странах антигитлеровской коалиции священный долг широчайших народных масс, и прежде всего передовых рабочих, состоит во всемерной поддержке военных усилий правительств этих стран ради скорейшего разгрома гитлеровского блока и обеспечения содружества наций на основе их равноправия.

При этом нельзя упускать также из виду, что и у отдельных стран, примыкающих к антигитлеровской коалиции, имеются и свои особые задачи. Так, например, в оккупированных гитлеровцами и потерявших свою государствен-

ную независимость странах основная задача передовых рабочих и широчайших народных масс состоит в развертывании вооруженной борьбы, перерастающей в национально-освободительную войну против гитлеровской Германии.

В то же время освободительная война свободолюбивых народов против гитлеровской тирании, приведшая в движение широчайшие народные массы, сплывающиеся без различия их партийной и религиозной принадлежности в рядах мощной антигитлеровской коалиции, еще с большей очевидностью показала, что общенациональный подъем и мобилизация масс для скорейшей победы над врагом лучше всего и наиболее плодотворно могут быть осуществлены авангардом рабочего движения каждой отдельной страны в рамках своего государства.

Уже VII Конгресс Коммунистического Интернационала, состоявшийся в 1935 году, учитывая изменения, происшедшие как в международной обстановке, так и в рабочем движении, требовавшие большой подвижности и самостоятельности его секций в деле решения стоящих перед ними задач, подчеркнул необходимость для Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала при решении всех вопросов рабочего движения «исходить из конкретных условий и особенностей каждой страны, избегать, как правило, непосредственного вмешательства во внутриорганизационные дела коммунистических партий».

Теми же соображениями руководствовался Коммунистический Интернационал, приняв к сведению и одобрив решение Коммунистической партии США в ноябре 1940 года о выходе ее из рядов Коммунистического Интернационала.

Руководствуясь учением основоположников марксизма-ленинизма, коммунисты никогда не были сторонниками сохранения изживших себя организационных форм, они всегда подчиняли формы организации рабочего движения и методы работы этой организации коренным политическим интересам рабочего движения в целом, особенностям данной конкретной исторической обстановки и тем задачам, которые из этой обстановки непосредственно вытекают. Они помнят пример великого Маркса, который сплотил передовых рабочих в рядах Международного Товарищества Рабочих, а после того, как I Интернационал выполнил свою историческую задачу, заложив основы для развития рабочих партий в странах Европы и Америки, осуществил в результате назревшей потребности создания массовых национальных

рабочих партий роспуск I Интернационала, поскольку эта форма организации уже не отвечала этой потребности.

Исходя из вышеизложенных соображений и учитывая рост и политическую зрелость коммунистических партий и их руководящих кадров в отдельных странах, а также имея в виду, что за время войны ряд секций возбуждал вопрос о роспуске Коммунистического Интернационала, как руководящего центра международного рабочего движения, Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, не имея возможности в условиях мировой войны созвать Конгресс Коммунистического Интернационала, позволяет себе внести на утверждение секций Коммунистического Интернационала следующее предложение:

Коммунистический Интернационал, как руководящий центр международного рабочего движения, распустить, освободив секции Коммунистического Интернационала от обязанностей, вытекающих из устава и решений Конгрессов Коммунистического Интернационала.

Президиум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала призывает всех сторонников Коммунистического Интернационала сосредоточить свои силы на всемерной поддержке и активном участии в освободительной войне народов и государств антигитлеровской коалиции для скорейшего разгрома смертельного врага трудящихся — немецкого фашизма и его союзников и вассалов.

Члены Президиума Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала: Готвальд, Димитров, Жданов, Коларов, Коплениг, Куусинен, Мануильский, Марти, Пик, Торез, Флорин и Эрколи.

К настоящему Постановлению присоединяются следующие представители коммунистических партий: Бианко (Италия), Долорес Ибаррури (Испания), Лехтинен (Финляндия), Паукер (Румыния) и Ракоши (Венгрия).

Москва, 15 мая 1943 года».

Наша партия приняла без оговорок это решение, поскольку считала, что компартии действительно находятся в условиях, когда они сами могут осуществлять руководство своей деятельностью без опекунов сверху. Опыт, приобретенный нами во время гражданской войны, показал правильность и своевременность этой меры.

Практически Коминтерн перестал функционировать как международная организация с июля 1941 года, вследствие созданных мировой войной условий, которые крайне за-

трудняли связи между партиями. Деятельность Коминтерна свелась в основном к передаче по радио мнения руководителей, эмигрировавших в Советский Союз с целью сориентировать партии и народы в трудных условиях войны.

Позднее был создан так называемый Коминформ, или Информационное бюро, с исполнительными функциями, в котором КПИ не участвовала. Короткой была жизнь этой организации, с ней было связано несправедливое исключение Союза коммунистов Югославии из семьи коммунистических партий, экономическая и политическая изоляция этой страны, которая героически боролась против гитлеровской оккупации.

*В Колонном зале
Дома союзов
в Москве*

Шел 1944 год. Меня пригласили выступить в Колонном зале. Тема: «Франкистская Испания — сателлит Гитлера».

Выступать с трибуны в этом великолепном зале, где звучали речи Ленина, Димитрова и ряда других исторических личностей,— одна мысль об этом приводила меня в волнение. Более того, меня попросили, ни много ни мало, говорить с трибуны по-русски.

Как оратор, я впервые оказалась в таком затруднительном положении. Я написала доклад по-испански, мне его перевели. Славянские буквы, столь отличные от наших, латинских, казалось, взирали на меня с недоверием. Я увидела освещенный прекрасными люстрами зал, красивые колонны, давшие ему название, ощутила устремленные на меня из переполненного зала взгляды. Смогу ли я установить контакт с этой дружески настроенной аудиторией, говоря на своем далеко не совершенном русском языке?

Я мужественно поприветствовала присутствующих на их языке и услышала в ответ горячие аплодисменты. Продолжая речь, я почувствовала, что мой голос звучит как-то странно, это был не мой голос, не мое произношение, не мой стиль. Абсолютная тишина была ответом на мои слова.

Что делать?

Я быстро приняла решение: отложила листки с текстом доклада и стала говорить по-испански, на своем языке. И вот сюрприз! Публика разразилась бурными аплодисментами.

Улыбающиеся лица приветствовали меня, как бы говоря: да, это то, что мы хотели слышать.

Конечно, любезная переводчица излагала на русском языке то, что я говорила. Но я еще раз убедилась, что могу выступать только на языке, которому научила меня мать.

И в Стокгольме

Некоторое время спустя нечто подобное произошло со мной в Стокгольме.

Используя мое присутствие в Швеции на одном из международных совещаний, шведские друзья пригласили меня рассказать об Испании и ее народе. Зал был заполнен белокуроыми, спокойными, вежливыми людьми. Я вышла на сцену в сопровождении депутата-социалиста Брантинга, искреннего друга демократической Испании, одного из самых активных организаторов помощи нашему народу в его борьбе против фашизма.

Я стала говорить, стараясь донести до моих слушателей все величие и героизм моего народа, никогда не стоявшего на коленях.

Мои слова — конечно, на испанском языке — были встречены продолжительными аплодисментами.

Брантинг, хорошо знавший наш язык, объявил, что переведет мое выступление. Но тут из зала раздался хор голосов, и Брантинг, улыбаясь, объяснил мне: «Они говорят, что перевод не нужен: они все поняли!»

Операция Малага

Однажды вечером (это было в 1944 году, богатом на события) я получила сообщение, которое крайне взволновало меня. Оно было отправлено из Орана и подписано Сантьяго Каррильо. В нем дословно было сказано следующее: «Подготовлена группа из шестидесяти товарищей для высадки в Малаге».

Я понимала стремление Каррильо и других товарищей проникнуть в Испанию и, создав партизанскую базу в Малаге, непосредственно включиться в борьбу с диктатурой. Два месяца они готовились к высадке. Приближался разгром

Гитлера. Необходимо было ускорить ход событий, добиться, чтобы проблема испанских республиканцев вошла в пакет вопросов, которые будут решаться после победы.

План Сантьяго был рассчитан на храбрость, смелость, молодую отвагу наших товарищей. Однако я ответила Каррильо решительным «нет». И дело было не в грозившей им опасности, а в том, что, даже если бы им удалось осуществить высадку, внутри страны не было условий для приема такой многочисленной группы. В этих условиях ни в коем случае нельзя было подвергать риску жизнь десятков молодых людей, которые были нужны партии.

Во втором письме Сантьяго настаивал на осуществлении своего плана, ссылаясь на то, что речь идет о проверенных товарищах.

В ответе я предложила ему другой план: «Поезжай во Францию и включайся в работу по руководству партией».

Каррильо согласился, думаю против своей воли, войти в руководящую группу партии в Тулузе. Чтобы совершить нелегальный переезд во Францию из Северной Африки, ему пришлось провести пять дней, спрятавшись в трюме военного корабля.

Вскоре он сам понял, что задуманная им романтическая операция была обречена на провал. Позже он признал: «Если бы мы предприняли ее, меня не было бы сегодня в живых».

В руководящую группу партии в Тулузе входили также Мануэль Аскарате, Кармен де Педро, Химено и Торрес (Санчес Бьедма).

Руководство партии во Франции с включением в него Каррильо укрепилось и действовало вплоть до возвращения из Латинской Америки и СССР остальных членов Центрального Комитета и Политбюро КПИ.

Сантьяго Каррильо

Я слышала о молодом генеральном секретаре Социалистической молодежи, ученике Ларго Кабальеро, который с юношеских лет работал в типографии и редакции газеты «Социалиста» вместе со своим отцом Венеслао Каррильо, одним из руководителей ИСРП, но лично не встречалась с Сантьяго до его вступления в КПИ.

Я ценила молодого Сантьяго очень высоко, он был одним из тех, кто способствовал объединению двух союзов молодежи — социалистического и коммунистического — под руководством молодого способного Трифона Медрано в новую организацию — Объединенную социалистическую молодежь (ОСМ), выполнявшую важную политическую роль во время нашей войны и в тяжелейшие послевоенные годы.

Создание ОСМ укрепило ряды левых сил, содействовало их единству, способствовало пополнению рядов партии молодыми ценными кадрами бойцов и политических руководителей, многие из которых героически погибли во время войны и в годы сопротивления, другие, ставшие сегодня ветеранами, с гордостью вспоминают, что вышли из рядов ОСМ.

В международном плане объединение двух молодежных революционных организаций, боровшихся на первой линии огня за свободу, подняло новую волну молодежной солидарности в других странах.

В Мадриде состоялась встреча руководящих органов Социалистического молодежного интернационала и Коммунистического интернационала молодежи. Она проходила под председательством Сантьяго Каррильо и при участии Фридриха Адлера — секретаря Социалистического рабочего интернационала и его председателя де Брукера, а также Мишеля Вольфа — секретаря Коммунистического интернационала молодежи.

Важным результатом этой встречи явилась практика приезда в Испанию молодых добровольцев со всех континентов, готовых занять свое место в битве за ее свободу.

Антонио Мачадо писал в 1937 году: «Я приветствую вас, молодые социалисты, с чувством такого уважения, какое не всегда испытываю к старикам моего поколения, потому что многие из них уничтожают Испанию, а вы намерены возродить ее».

Создание ОСМ останется в истории революционного молодежного движения Испании как одно из самых больших достижений революции. Может быть, когда-нибудь будет написана пламенная история борьбы ОСМ и всей испанской прогрессивной молодежи тридцатых годов.

Мне рассказывали, что в 1939 году, когда Фредерико Мельчор прибыл во Францию, его сопровождал в полицейскую префектуру в Париже дон Пабло де Аскарате, счи-

тавшийся тогда послом Испанской республики в Лондоне. Один из полицейских начальников спросил Мельчора:

— Чем вы занимались во время войны?

— Был всего лишь генеральным директором отдела пропаганды, находившегося в подчинении заместителя министра иностранных дел.

Французский полицейский, иронически оглядев Фредерико, — небольшого роста, тот производил впечатление подростка — воскликнул, обращаясь к дону Пабло: «Теперь понятно, почему вы проиграли войну!»

Похожий разговор с французскими полицейскими произошел также у Франсиско Ромеро Марина и Рамона Соливы: оба, когда прилетели в Оран в марте 1939 года, были уже подполковниками в свои 24 года. Их «преступление» состояло в том, что они были молоды и отважны.

Марин вспоминал: «У Соливы и меня спросили документы; при нас были только военные удостоверения с указанием звания и должности, которые мы занимали. Оба мы были командирами бригад и нам едва исполнилось 24—25 лет. Допрашивавшие нас офицеры разведки с насмешкой прокомментировали эти данные. В этот момент над нами пролетали самолеты типа «Потез». Указав на них, мы заметили, что если французская армия оснащена подобными военными летательными аппаратами, то есть такими же устаревшими, то при первом же столкновении с немецкой армией она будет разбита. Наши слова им очень не понравились, и, не спрашивая более ни о чем, нас отправили в крепость Мер-эль-Кебир, а не в порт для выезда во Францию, как мы просили».

Эти французские полицейские, похоже, не знали о почти трехлетнем сопротивлении испанского народа иностранной фашистской агрессии, не знали, что двадцатилетние командиры и комиссары многих и многих республиканских воинских соединений успешно сдерживали натиск марокканских и «национальных» частей в 1936 году, одерживали победы в решающих сражениях, которые профессиональные военные считали заранее проигранными.

Среди молодых командиров отличились Касорла, Этельвино Вега, Франсиско Ромеро Марин, Рамон Солива, Педро Матео Мерино, Артемио Прессиосо, Франсиско Месон, Тагуэнья, Ниламон Тораль, Домиссиано Леаль, Фернандо де ла Роса, Каррион, Эдуардо Гарсия, Педро

Вальверде, Андрес Марин, а среди политических комиссаров — Хосе Лаин Энтральго, Сантьяго Альварес, Томас Уэте, Луис Суарес, а также многие другие молодые командиры и комиссары, ставшие гордостью нашей народной армии.

В 1964 году я направила конференции ОСМ приветствие, в котором писала:

«Строки гимна нашим стальным ротам, написанные одним поэтом в честь наших героев, оказались пророческими:

*Стальные роты
С песней идут на смерть...*

Они с песней шли на смертельную борьбу, чтобы защитить право на жизнь и свободу! С песней шли на смерть, потому что умереть за свободу народа и свободу родины — это не значит умереть, это значит остаться жить навсегда в благодарной памяти, которую хранят народ и родина о своих погибших героях! Лина Одена, Медрано, мой Рубен, Хусто, Витини и многие другие наши молодые герои не погибли! Они всегда будут жить в сердце каждого из нас, к ним обращены любовь и признательность новых поколений!..

Не забудем, не сможем забыть имена наших бойцов: комиссара Бельмонте, который выдвинул знаменитый лозунг комиссаров: «Быть первым в наступлении и последним при отступлении»; не забудем славные имена майора Леаля; Коля, моряка, сражавшегося против танков; Селестино Гарсия, простого крестьянина из Мората де Тахунья; не забудем Хуанито Гарсия — первого капитана народной милиции, Андреса Мартина, Гульона, Антонио Санчеса и многих, многих других молодых героев».

С Сантьяго Каррильо я встретилась в 1939 году в Москве, когда он работал в Исполкоме Коммунистического интернационала молодежи.

В середине 1940 года он уехал в США, затем на Кубу, в Мексику, жил в других странах Латинской Америки, где занимался политической деятельностью. Я снова увиделась с ним в Париже в 1945 году, прибыв во Францию после длительного путешествия.

Беседа со Сталиным

Уже несколько месяцев я готовилась к отъезду из Советского Союза. Мне хотелось увидеться с товарищами из руководства партии, жившими во Франции или прибывшими туда из латиноамериканских стран.

Прежде чем покинуть СССР, я хотела попрощаться с И. В. Сталиным.

Он принял меня вместе с Маленковым и Берией. Со мной на встрече присутствовал Игнасио Гальего.

Беседа была исключительно сердечной. Я поблагодарила Сталина за солидарность Коммунистической партии и народов СССР с антифашистской борьбой испанского народа. За братское гостеприимство, оказываемое советскими людьми эмигрантам из моей страны.

Во время беседы были затронуты различные темы. Война шла к победному завершению, к окончательному разгрому нацистских агрессоров. Новые перспективы, хотя еще не совсем определенные, открывались перед народами.

Сталин интересовался, как разворачивается борьба трудящихся и различных политических сил в Испании, политикой нашей партии.

Мы подробно проинформировали его, он слушал с большим вниманием. Когда зашел разговор о партизанской борьбе, которую испанцы ведут в Испании, об их участии в движении Сопротивления во Франции, он спросил, думаем ли мы, что наша долгая и героическая борьба в эти последние годы войны должна быть как-то отмечена.

— Да,— сказали мы,— по нашему убеждению, своей борьбой и сопротивлением испанские антифашисты заслужили право занять место за столом Победы.

Мы надеялись, что поражение Гитлера приведет к падению Франко, но это не могло произойти автоматически. Нам понадобится международная политическая и иная помощь. По нашему мнению, следовало бы снабдить легким оружием наших партизан во Франции и в самой Испании.

Сталин внимательно слушал нас. Затем встал, принялся расхаживать со своей неизменной трубкой в руке, снова сел напротив нас.

— Товарищ Долорес,— сказал он,— знайте, что мы, как всегда, готовы оказать вам помощь, в которой вы нуж-

На празднике в Москве.

дается. Можете рассчитывать на нас. Испанские антифашистские бойцы — наши союзники.

Мне хотелось как можно скорее сообщить столь важные известия нашим товарищам из руководства партии и, разумеется, главе республиканского правительства в эмиграции доктору Негрину. Срочной телеграммой я попросила его дождаться моего прибытия в Париж. Негрин ответил, что будет ждать меня.

Я попросила у генерала де Голля соответствующие визы, которые он предоставил без промедления.

Но тут возникли другие сложности. Как попасть из Москвы в Париж в разгар мировой войны? Гражданская авиация не функционировала. Военная — зависела от английских властей. А те предпочитали, очевидно, чтобы я находилась подальше от границ моей страны, и чем дальше, тем лучше.

О всех этих затруднениях я размышляла, наблюдая падающий снег через двойные оконные рамы моей московской квартиры.

Советские товарищи предложили нам длинный, но более или менее осуществимый маршрут: Иран, Египет, где

была надежда найти какой-либо вид транспорта, чтобы добраться из Каира во Францию. Мы согласились. Важно было выехать, и выехать как можно скорее. Со мной в путешествие отправилась моя дочь Амайя и молодой товарищ Игнасио Гальего, который мог оказать мне эффективную помощь.

Бесконечное путешествие

23 февраля 1945 года мы покинули Москву на советском военном самолете. Было очень холодно, но поскольку мы летели в южные края, то надели легкие туфли и тонкие чулки и, конечно, замерзли. Один из летчиков любезно предложил мне свои высокие меховые сапоги. Мы укутались в свои пальто.

После коротких остановок в Сталинграде и Баку приземлились в иранской столице — Тегеране, где энергично занялись поисками транспорта, чтобы переправиться в Европу. Прошла неделя, прежде чем нам это удалось. Наконец мы вылетели в Багдад, а оттуда в Каир.

Из-за военного времени египетские власти продержали нас долгое время в самолете, а затем подвергли дезинфекции. Пройдя таможенный досмотр, мы подыскали скромную гостиницу, если не ошибаюсь, она называлась «Луна-парк». Стояла удушливая жара.

И снова начались поиски транспорта. Обратились за помощью в политические представительства — французские, английские, американские... Просили всего три билета, чтобы добраться до Франции.

— Да, конечно,— отвечали нам, но помочь не могли. Не функционировала гражданская авиация. Не ходили пассажирские пароходы. Война продолжалась. Немецкие подводные лодки бороздили моря. Мы ежедневно наведывались в бюро путешествий Кука. Все бесполезно. Наше положение приводило меня в отчаяние.

Каир — красивый, большой город. Мы оказались в нем в качестве туристов поневоле. Нас поразили его ужасные контрасты: нищета народных кварталов и роскошные кафе и рестораны, посещаемые английскими, американскими и французскими офицерами в сопровождении элегантных дам.

По любезному разрешению директора мне удалось побывать в знаменитом Каирском музее — из-за условий военного времени он был закрыт для широкой публики. Мы осмотрели гробницу Тутанхамона. Гальего поднялся на одну из пирамид — это чудо света и там с удивлением обнаружил нарисованный кем-то на его вершине больших размеров серп и молот. Что подумал бы фараон, оказавшись на его месте?

Моя память воскрешает картины тех дней: исторические памятники египетского народа, имеющего тысячелетнюю историю, — хотя самые ценные реликвии находятся в Британском музее Лондона, в Лувре и в других европейских столицах, Египет, превращенный в военную базу союзников. За два года до этого в Каире встретились Рузвельт, Черчилль и Чан Кайши и договорились о войне против Японии...

В один прекрасный день при очередном посещении агентства Кука нам вручили билеты на французское грузовое судно «Эсперанса» («Надежда»), перевозившее хлопок в сопровождении английского морского конвоя. В виде исключения, учтя наши просьбы, капитан судна согласился взять нас на борт. Мы без колебания воспользовались представившейся возможностью, несмотря на явный риск: это был первый разрешенный морской рейс из Египта во Францию.

Название грузового судна «Эсперанса» помогло нам отважиться на новое приключение. Но главным, конечно, была срочная необходимость завершить столь затянувшееся путешествие.

Из Александрии мы вышли в первых числах апреля, рассчитывая быстро прибыть в Марсель, как нас уверяли.

Прошло несколько дней, и, когда мы, как нам казалось, должны были прибыть к месту назначения, выяснилось, к нашему большому огорчению, что «Эсперанса» направляется не в Марсель, а в Булонь-сюр-Мер. Изменение маршрута не доставило нам радости.

В Средиземном море попадались плавающие мины, которые судно обходило благодаря антимагнитному устройству; их взрывали с помощью небольшой пушки.

Когда мы проходили Гибралтар, нас охватило настоящее волнение, мы почувствовали близость родной земли, хотя на самом деле были от нее сравнительно далеко. Посещение судна контрабандистами, подплывавшими к

судну на лодках и предлагавшими нам различные товары, было единственным контактом с испанцами.

В открытом море мы каждое утро в обязательном порядке учились пользоваться спасательными жилетами. Каждому из нас указали шлюпку, которую следовало занять в случае угрозы потопления судна. Как оказалось, это не было пустой формальностью.

Однажды ночью, когда стоял густой туман, около острова Уайт наше судно столкнулось с судном, шедшим под польским флагом. Погасли огни, послышались крики: «Эвакуация: судно тонет!»

Мы быстро оделись и поднялись на палубу; в абсолютной тишине разобрали спасательные жилеты. В состоянии паники, что было естественно в создавшейся обстановке, начали готовить шлюпки...

К счастью, через несколько мгновений появился капитан и объявил, что пробоина оказалась выше ватерлинии и эвакуация отменяется. Однако среди моряков было несколько раненых, и поврежденное судно требовало ремонта. Восемь дней приводили в порядок антимагнитный кабель... Наконец мы снова тронулись в путь...

Когда оставалось немногим более мили до Булони, нам сообщили, что порт полностью разрушен. Судно не может пристать.

Нас, пять или шесть пассажиров, отважившихся путешествовать на «Эсперансе», посадили на катера и отправили туда, где когда-то был порт, от которого осталась лишь стена высотой метров в двадцать. Несколько английских моряков помогли нам взобраться на нее по веревочным лестницам.

Таким было наше прибытие во Францию. Дата? Первые дни мая. Три долгих месяца растянутого и нудного путешествия черепашими темпами. И это в то время, когда в мире происходили события исторического значения.

А в феврале, когда мы уезжали из Москвы, открылась Ялтинская конференция.

В апреле Советская Армия подошла к Берлину. Неделю спустя красный флаг уже развевался над рейхстагом. Гитлер покончил жизнь самоубийством в своем бункере.

Война кончилась.

Не дождавшись нас, Негрин отбыл в Мексику. Планы, которые мы строили, воодушевленные беседой со Сталиным, оказались невыполненными.

День Победы мы праздновали в Париже вместе с Сантьяго Каррильо, Рамоном Ормасабалем, Хосе Антонио Агирре и народом, который ликовал, пел и танцевал.

Рождается атомная эра

Я видела танцующих парижан, их радость была всеобщей. Но я не могла забыть пережитое, отключиться от реальной действительности. Не могла забыть — и народы не забыли — двадцать миллионов советских людей, павших на полях сражений, тысячи погибших мужчин и женщин, участвовавших в движении Сопротивления во Франции. Среди них было немало испанцев и испанок.

Я не забыла бомбардировок Ленинграда и Москвы, Лондона, не забыла Лидице и Орадура, не забыла молодых английских и американских солдат, погибших на полях сражений.

И постоянно перед моими глазами стояла Испания, моя родина, все еще находившаяся под гнетом франкизма, мой народ, который первым, сказав «Нет!», поднял оружие против фашистской агрессии и который продолжал оставаться поработленным... До моей Испании победа не дошла...

Весной 1945 года — и в последующие годы — в мире произошли важные события, которые мы обсуждали и комментировали, но постичь их сразу, понять их сокровенный смысл до конца в то время было, пожалуй, еще невозможно.

Я имею в виду исторические последствия победы Советского Союза во второй мировой войне. И хотя СССР был обескровлен за четыре года страшной войны, были разрушены его города и села, его политическое и военное могущество неизмеримо возросло. Мечты империалистических политиков «уничтожить СССР и коммунизм» не только не исполнились, напротив, на международной арене роль Советского Союза стала выше, чем у западных держав, считавшихся в прошлом «непобедимыми».

Тысячи сражений, выигранных советскими людьми в невероятно трудных, неблагоприятных условиях, вступление советских войск в Берлин и водружение над рейхстагом красного знамени с серпом и молотом вызвали во всем

мире чувства симпатии и восхищения Советской страной; складывалась революционная ситуация. Во Франции и Италии коммунисты получили важные посты во вновь созданных демократических правительствах. В Великобритании лейбористы одержали победу над консерваторами на всеобщих выборах в июле 1945 года и образовали правительство во главе с социалистом Эттли, лишь на словах осуществлявшим поворот влево в международной политике. Под влиянием победы над фашизмом с новой силой развернулась борьба колониальных народов за национальное освобождение.

Могли ли правые силы в капиталистических странах, почувствовав угрозу своему господству, лидерству в международной политике, не встревожиться в этих условиях?

Все мы помним испуганный вопль Черчилля в Фултоне: «Большевистская опасность! Коммунистическая угроза!»

Трубадуры «холодной войны» пошли в наступление, как только кончилась вторая мировая война. Реакционные силы на Западе развернули широкомасштабную пропагандистскую кампанию с целью свернуть народы с демократического пути, прервать любой ценой развитие революционного процесса, остановить развернувшуюся борьбу народов за свою национальную независимость. Жизнь, однако, показала, что этот процесс необратим. В послевоенные годы распалась Британская империя: завоевали независимость Индия, Пакистан, Шри Ланка, Бирма. Национально-освободительное движение ширилось и одерживало победы.

В июле 1945 года тогдашний президент Соединенных Штатов Трумэн сообщил Уинстону Черчиллю о создании атомной бомбы — в Аламогордо в штате Нью-Мексико прошло испытание новое оружие. Лидер британских консерваторов выразил по этому поводу чрезвычайное удовлетворение: «С атомным оружием можно перекроить мир, уничтожить коммунизм...»

Начиналась новая эра, атомная эра, которая должна была привести к пересмотру ряда традиционных представлений — не только о войне, но и о мире.

На конференции в Потсдаме Трумэн сообщил Сталину о прошедших испытаниях нового оружия.

Антони Иден отмечал в своих мемуарах, что в момент разговора все присутствующие устремили взгляды на Сталина. Какова будет его реакция? Но Сталин ограничился

тем, что поблагодарил за информацию без каких-либо комментариев.

Месяц спустя, в августе, американцы сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, вызвав ужас у всего человечества.

Однако атомное превосходство западного мира длилось недолго. Несколько лет спустя, в 1949 году, Советская страна испытала свою первую атомную бомбу.

Что стало с тем миром, к которому так страстно стремились и который воспевали народы весной 1945 года?

Западные державы решили поддержать Франко, сохранить его власть в Испании — стратегически важной стране, которая могла стать оплотом борьбы против народов, выступающих за социализм и свободу.

Не прерывая нить своих воспоминаний, хочу, однако, подчеркнуть, что первые послевоенные месяцы я вместе с моей партией и другими левыми силами посвятила борьбе за освобождение испанского народа от франкистского рабства.

В освобожденной Франции

*Кто может страдать от того, что
час Испании настал,
именно и только — ее час?*

Рафаэль Альберти

После короткого пребывания в Париже, поскольку доктор Негрин, как я уже упоминала, не дождался меня и улетел в Мексику, я переехала в Тулузу, где находилось руководство партии. Мы поселились на шоссе Рут д'Эспань, которое вело прямо к нашей родине. Так мы словно приблизились к моей Стране Басков, хотя в действительности, как сказал испанский философ Унамумо, «вижу, но нахожусь вне моей страдающей Испании».

Зима 1946—1947 года была очень холодной. В нашем слишком скромном, неотопляемом жилище была лишь печка на углях в конце коридора, у которой мы время от времени собирались, чтобы отогреть оцепеневшие от холода пальцы.

Тулуза была очень гостеприимным городом. На улицах тогда слышался часто испанский говор. Здесь жили

наши отважные партизаны, многие из которых были награждены французским правительством за участие в движении Сопротивления против гитлеровских агрессоров. Мы гордились ими, они вселяли в нас надежду.

Однажды вечером, когда я ехала с Амайей и Ирене в машине одного из таких испанцев, нас задержала полиция и препроводила в участок. Через некоторое время появился унтер-офицер, на наш протест против этого насилия он ответил: «Сеньоры, я всего лишь лакей».

Потом выяснилось, что женщины не имеют права ездить в таких машинах. Снова запрет для женщин! Нам разрешалось бороться, страдать в тюрьмах, умирать под пулями, но путешествовать в военном самолете или военном автомобиле... Нет, сеньора!

Период большой активности

Во Франции собралось большинство руководителей партии, что способствовало резкой активизации всей ее деятельности, позволило коллективно проанализировать положение в Испании и нашу политическую линию.

В июле 1945 года Испания Франко высилась посреди освобожденной Европы как мрачная фашистская крепость, напоминавшая миру, что война не кончилась, что недостаточно военного поражения гитлеризма. Испания призывала к бдительности — или должна была это делать, — ибо только тогда, когда во всех странах будет уничтожена реакция, народы по-настоящему станут свободными.

В декабре 1945 года мы провели в Тулузе наш первый после второй мировой войны имевший важное значение пленум Центрального Комитета, на котором были утверждены новая программа и новый устав партии с учетом конкретной ситуации.

Центральный вопрос, обсуждавшийся на пленуме, — создание правительства широкой национальной коалиции, в которое вошли бы представители всех политических сил, от социалистов и коммунистов до монархистов, и которое провело бы демократический народный референдум.

«Мы собрались, — сказала я в своем выступлении, — впервые после долгой разлуки не как усталые путники,

оглядывающиеся назад, чтобы оправдать свою усталость и отсутствие воодушевления перед трудностями пути, который еще предстоит пройти, но как войско, потерпевшее поражение и перегруппировывающее свои ряды для новых решительных сражений во имя освобождения родины.

Шесть долгих лет прошло с того дня, когда Республика вынуждена была прекратить сопротивление из-за капитуляции, поддержанной участниками мюнхенской сделки, и нам пришлось покинуть отнятую у нас фашизмом родину и искать убежища и гостеприимства в других странах.

Мы ушли, испытывая горечь вынужденного поражения, но с твердым намерением продолжать борьбу, которую не считали законченной.

И, собравшись сегодня, чтобы провести переучет наших сил и вывести их на линию сражения, которое должно завершиться освобождением нашей родины, мы с волнением и гордостью убедились, что коммунисты были достойными сынами своего народа, хранящими верность и любовь к своей независимой родине. Где бы ни находился коммунист, он всегда был твердым бойцом-антифашистом, врагом фашизма, солдатом свободы.

Мы с законной гордостью приветствуем мужественную, непоколебимую твердость коммунистов, остававшихся в Испании или вернувшихся из эмиграции и высоко держащих знамя нашей партии и антифашистского сопротивления, несмотря на смертельные риск и жертвы.

Коммунисты мужественно и твердо держались в лагерях для интернированных, организованных капитулянтами во Франции, в концлагерях гитлеровской Германии, в тюрьмах и рабочих батальонах франкистской Испании, в жарких песках африканских пустынь.

С таким же героизмом они боролись в рядах советских партизан и французских борцов Сопротивления.

Сражаясь в рядах Советской Армии, а также армий западных стран, испанские коммунисты не просто выполняли свой долг. Своим героизмом и активными действиями они увенчали славою нашу родину и вписали новые героические страницы в историю нашей партии, партии Хосе Диаса, партии сопротивления, партии антифашистского единства.

Сегодня в наших коммунистических рядах отсутствуют лучшие из лучших: те, кто создали нашу партию, добивались укрепления ее рядов.

Мы понесли потери, которые трудно восполнить. Нет Хосе Диаса, незабвенного руководителя и одного из организаторов нашей партии. Нет Педро Чеки, Хесуса Ларраньяги, Исидоро Диегеса, Мануэля Асарты, Доминго Хирона, Эухенио Месона, Асканио, Кайетано Боливара, Хосе Суареса Кабралеса, Энрике Санчеса, Хосе Карсорлы, Баутисты Гарсеса, Кристобая Валенсуэлы, Луиса Гонсалеса, Сатурнино Барнето, Луиса Аррараса, Хасинто Алемани...

Многие ушли из жизни преждевременно, подорвав свое здоровье в испытаниях, которые несет борьба; другие пали как герои, будучи расстреляны, либо погибли в боях за свободу.

Наряду с именами известных руководителей в списках славы компартии значатся тысячи имен рядовых товарищей, отдавших жизнь в борьбе за свободу Испании. Это — Мануэль Рекатеро, Матильде Ланда, Таленс, Хосе Очоа Алькасар, Акилино Фернандес, Витини, Коррерас, Эладио Родригес, Баррейро, Хайме Хирабау, Хосе Рос, Алькантара, Хусто Родригес, Хосе Фусиманья, Франсиско Гульон, Фейхоо, Альфонсо, Антонио Гарсия и сотни и сотни других товарищей.

Никто не в силах точно подсчитать число жертв, которые понесла наша партия за 32 месяца войны и в ходе подпольной борьбы в последующие шесть трагических, мрачных лет фалангистского господства!

Мы выступаем, — сказала я далее, — за сильную Испанию с высоким уровнем развития науки, искусства и благосостояния народных масс. Испанию, где интересы рабочих были защищены социальным законодательством, осуществляемым на деле, а не на бумаге, законодательством, которое защищало бы трудящихся и обеспечило бы им человеческую жизнь.

Мы выступаем за Испанию, где крестьяне владели бы землей, принадлежащей им, владели бы пшеницей и маслом оливковых деревьев и вместе с рабочими мастерских, шахт и заводов создавали бы прочные основы республики.

Мы выступаем за Испанию, где интеллигенция пользовалась бы покровительством и заботой со стороны государства и имела бы возможность проявлять свою инициативу и творческие способности, служа народу, не унижалась, не угодничала перед сильными мира сего, не выполняла бы капризы тех, кто платит, или тех, кто командует.

Мы выступаем за Испанию, где ремесленник, скромный торговец, мелкий предприниматель смотрели бы в будущее без страха, радостно воспринимали настоящее, создавая, что живут в демократической, свободной, прогрессивной стране.

Мы выступаем за Испанию, где женщина пользовалась бы уважением; где ненавистный лозунг фалангизма — «служить» был бы заменен лозунгом «работать с достоинством».

Мы выступаем за Испанию без босых и голодных детей, за Испанию без нищеты и без ненависти, без ужасных контрастов, характерных для фалангистской страны; за Испанию с теплыми жилищами и школами для всех детей.

Мы выступаем за Испанию с высокоразвитыми промышленностью и сельским хозяйством, что позволило бы удовлетворить потребности всех испанцев и обеспечить взаимовыгодный торговый обмен с другими странами, обмен, который не наносил бы ей ущерба, как это имеет место сейчас, из-за низкого уровня промышленного развития».

Я добавила, что мы, коммунисты, не против достойных патриотических решений. «Если антифранкистские силы левого и правого толка внутри страны и за рубежом придут к согласию провести, устранив сначала франкизм, под руководством национального коалиционного правительства подлинно демократический опрос народа с тем, чтобы он мог совершенно свободно выразить свое желание относительно политического устройства страны, то мы, коммунисты, не будем возражать против этого.

Если будут созданы условия для всенародного опроса, мы готовы участвовать в его проведении и взять на себя обязательство уважать свободно выраженную волю народа при условии, что такое же обязательство дадут и другие.

Но проведение народного опроса невозможно ни пока франкизм находится у власти, ни под угрозой иностранных штыков, ни под иностранным контролем.

В правительство национальной коалиции, которое могло бы провести народный опрос, должны войти представители республиканцев, рабочих и их партий, социалистической и коммунистической, а также представители Каталонии, Эускади и Галисии, католиков, монархистов и антифашистски настроенных военных. Только в этом случае можно избежать ошибок при определении воли нации.

Правительство национальной антифашистской коалиции, которое должно организовать этот опрос, будет переходным, временным правительством, в его задачу должно входить восстановление демократических свобод, безусловное освобождение всех заключенных и преследуемых франкизмом, очищение государственного аппарата от всех франкистских агентов и обеспечение свободного выражения народной воли с гарантией защиты от насилия, бюрократических и административных уловок и мошенничества со стороны франкистских агентов».

Как генеральный секретарь Компартии Испании я направила послание лидерам антифранкистских партий и организаций и испанским республиканским деятелям. В этом послании содержалось предложение организовать в Париже встречу для заключения соглашения и разработки программы совместной деятельности. На основе такого соглашения можно было бы обратиться коллективно к монархическим и военным антифранкистским силам, выступающим за совместное сотрудничество с целью покончить с франкистским режимом и провести народный опрос.

Солидарность с испанским народом

Париж в первые послевоенные годы был центром международных конгрессов и конференций антифашистского и демократического характера. Думаю, что одним из самых значительных был митинг, проведенный в 1945 году в Зимнем велодроме после завершения профсоюзного конгресса, на котором была основана Всемирная федерация профсоюзов.

В этом мероприятии, организованном Франко-испанской ассоциацией, участвовали самые известные профсоюзные и политические руководители. В президиуме находились: генеральный секретарь Всемирной федерации профсоюзов Луи Сайян, председатель Конфедерации трудящихся Латинской Америки Ломбардо Толедано, делегаты из Советского Союза, Соединенных Штатов, Бразилии, Уругвая, Аргентины, Эквадора. Я сидела рядом с Портелой Вальядаресом, Франсиско Ларго Кабальеро, Сантьяго Каррильо и генералами Модесто и Рикельме. Были получены

приветствия от многих видных деятелей, в их числе от Г. Уэллса, А. Хакслея, Дж. Эпстайна, профессора Холдэна, доктора Хуана Негрина, Мануэля де Ирухо и Николая д'Оливера.

Перед 25 тысячами собравшихся выступили от имени испанских демократов Портела Вальядарес и я. Обращаясь к трудящимся, всем демократам, я призвала их оказать нам активную поддержку в борьбе за восстановление свободы в Испании.

«Народ Парижа! Делегаты Всемирной конференции профсоюзов! Товарищи и друзья!

Этот акт проявления демократии и солидарности с испанским народом красноречивейшим образом свидетельствует о глубокой любви французского народа к свободе и к братской стране — героической Испании, к Испании, терзаемой тиранией Франко, к Испании, которая первой вступила в борьбу против фашистских агрессоров.

Испытывая глубочайшее волнение, волнение, с которым невозможно справиться, потому что оно вызвано не мгновенным и преходящим впечатлением, а горестными воспоминаниями о недавнем прошлом с его страшными битвами и кровавыми жертвами, я обращаюсь сегодня к вам, чтобы изложить требования Испании, которая не склонила головы, Испании, которая живет с надеждой увидеть возрождение свободы и демократии на своей растоптанной фашистским сапогом родине.

Война в Испании, — напомнила я, — была прологом второй мировой войны, этого кошмара, вина за который лежит на банде гитлеровских преступников и который принес миллионам семей голод и разрушения, страдания и смерть.

С агрессии против республиканской Испании и покровительства фашистскому мятежу Гитлер начал серию кровавых преступлений против свободных народов Европы.

Отважно вступили в борьбу вместе с нашим народом французы и поляки, югославы, чехословаки, болгары и румыны, англичане, американцы и латиноамериканцы, итальянцы и немцы.

Эти люди пришли на нашу землю без орудий, самолетов, пулеметов, танков в отличие от тех, кто был послан Гитлером и Муссолини.

Это были представители народов, которые не хотели быть рабами. И они принесли нам бесценный дар: свое

сердце и свою решимость, свою кровь и жизнь, чтобы защитить свободу Испании, что в то время было равносильно защите своей родины от фашистских агрессоров.

В этой исполненной самопожертвования героической битве, какой являлась борьба испанского народа, участвовали люди, которых мы с гордостью называли своими друзьями. Полковники Фабьен и Роль Танги — руководители восстания в Париже были героями и нашей освободительной войны.

Среди польских патриотов, которые руководили борьбой своего народа против гитлеровских захватчиков, были бойцы из интернациональной бригады Домбровского.

Среди болгарских патриотов, которые активно участвовали в национальной борьбе против гитлеровцев, были участники борьбы в Испании.

Румыны из батальона Анны Паукер были и являются вдохновителями демократического движения в Румынии.

Среди партизан Чехословакии много участников войны в Испании.

Бойцы бригады Линкольна, англичане и американцы, где бы они ни были, боролись с той же самоотверженностью и отвагой, с какой воевали на полях сражений за республиканскую Испанию.

Во главе мужественных партизан, боровшихся за освобождение Италии, были старые гарибальдийцы, руководимые борцом-антифашистом Луиджи Лонго — он же комиссар Галло.

Бойцы Тито, славного вождя многонациональной Югославии, — молодые руководители освободительного движения в этой стране в большинстве своем воевали в рядах республиканской армии за свободу Испании...

...Помочь испанскому народу освободиться от франкистской тирании — необходимо во имя исторической справедливости и мира.

И хотя верно, что покончить с франкизмом должны сами испанцы — на это мы и нацеливаем нашу борьбу, — не менее верно, что демократические силы в долгу перед испанским народом. Мы просим погасить этот долг, содействовать тому, чтобы Испания стала свободной, демократической страной.

Реакционные, профашистские круги рассматривают Испанию как одну из своих главных опорных баз. В инте-

ресах международной безопасности сорвать планы этих преступников, которым недостаточно пролитой крови, того ущерба, который нанесен самым развитым странам Европы.

Пока не ликвидирован фашизм в Испании, нельзя говорить об окончании войны, упрочении мира и международной безопасности.

Товарищи и друзья! Французские демократы!

Девять лет назад, выступая с этой трибуны, я призывала вас оказать помощь испанским республиканцам.

Мой голос не был голосом вопиющего в пустыне. Он был услышан и нашел отклик в сердцах.

И вы были теми, товарищи и друзья, люди различных политических убеждений, кто, глубоко любя свободу и Францию, над которой тогда тоже нависла угроза, оказал нам щедрую искреннюю помощь, помощь от всего сердца, полного братской любви.

Мы говорим не об иностранном вмешательстве в дела нашей страны, ибо хотим видеть Испанию свободной и суверенной. Свобода Испании — дело самих испанцев; за нее уже сражаются наши героические партизаны, наши рабочие и крестьяне, патриоты, представляющие те социальные слои, на которые Франко обрушивает жестокие репрессии.

Испанцы в Испании и испанцы в эмиграции!

Мы, испанцы, испытываем законную гордость оттого, что были первыми, кто оказал сопротивление фашистским агрессорам. И нельзя забывать этот урок нашей войны.

Мы смогли оказать сопротивление потому, что были едины, и в этом единстве находили необходимую силу для того, чтобы противостоять врагу.

И сейчас, когда перед нами стоит историческая задача восстановить в Испании свободу и демократию, единство необходимо, как никогда, потому что без единства нельзя одержать победу над Франко».

Глаза Пикассо

Это было в Тулузе в декабре 1945 года. Партия организовала скромное празднество, на которое собрались товарищи и друзья по случаю моего пятидесятилетия. Я впервые отмечала свой день рождения во Франции после победы

над гитлеризмом. Недалеко от Тулузы проходила франко-испанская граница, за которой продолжали существовать Франко и его фашистский режим, под гнетом которого страдал наш лишенный свободы народ, и это омрачало наше маленькое празднество.

Кто-то сказал мне: «Долорес, здесь находится Пикассо».

Пикассо, какая радость! Я увидела его сидящим в уединенном месте; в потертом пиджаке и своем старом кепи он выглядел как рядовой труженик, но у этого человека были единственные в своем роде глаза. Глаза Пикассо!

Я быстро подошла к нему. Почувствовала волнение от пожатия его чудодейственных рук художника. Для меня он всегда был другом и дорогим товарищем, уникальным художником, Человеком с большой буквы.

Как уроженка Страны Басков, я была потрясена его «Герникой» — страшным обвинением Франко и гитлеризма, картиной, которая получила известность во всем мире. Она призывала к борьбе народы, всех честных мужчин и женщин. Если бы Пикассо не написал за всю свою творческую жизнь ни одной работы, кроме «Герники», то и ее было бы достаточно, чтобы назвать его лучшим художником того периода борьбы и ужасов, в котором нам довелось жить.

Я знала, что Пикассо не любит официальных сборищ, праздничных торжеств. Он принуждал себя появляться на мероприятиях, устраиваемых в его честь. Таким был Пикассо. Он предпочитал работать, работать, работать в своей студии днем и ночью. Поэтому я сердечно поблагодарила его за то, что он пришел на мое скромное празднество.

Позднее, в Париже, я побывала в его студии в сопровождении его секретарши. Это было как бы посещение храма искусства: мятежный дух его картин, притягательная сила его таланта противостояли посредственности всего официального, несправедливости, деспотизму, преступлению. Пикассо был истинным испанцем не только по своему рождению, но и по своему характеру, привычкам, цвету и красочности своих картин.

Много лет спустя, уже в Мадриде, я присутствовала при показе испанскому народу «Герники», которая в Испании была известна только по репродукциям. Миллионы поклонников Пикассо видели ее в Нью-Йорке. Пабло Пикассо не хотел, чтобы его «Герника» вернулась во

франкистскую Испанию. Сегодня она принадлежит, согласно воле автора, всем испанцам, всему населению Испании.

Я с волнением взирала на «Гернику», защищенную стеклами выставочного стенда, и мне казалось, что рядом со мной был Пикассо, я видела его большие и проникновенные, самые замечательные глаза нашего века, как сказал Рафаэль Альберти, его улыбку, его гений.

Пикассо продолжает жить среди нас. Живет рядом с нашим народом, со всеми нами, ибо он испанец, хотя жил и работал во Франции. Он принадлежит всем, кто страдает, работает и борется за лучшее и более справедливое будущее. Он знал: народы сумеют, несмотря ни на что, добиться исторического прогресса. Он был символом вечной молодости.

Его голубь мира, словно его послание, распростер свои крылья над всей планетой. И сегодня этого голубя приветствуют дети, молодежь, старики, все мужчины и женщины, которые борются за то, чтобы не погибнуть в атомном смерче.

«Макі»

Испанец, один из руководителей партизан во Франции, узнав, что я собираюсь перебраться в Париж, подарил мне замечательную немецкую овчарку, трофей, захваченный испанскими бойцами во время борьбы против гитлеровских оккупантов.

Передавая мне собаку, партизан назвал ее «Макі» и, обращаясь к ней, сказал: «Отныне ты будешь охранять Долорес, не разлучайся с ней». И в самом деле пес привык ко мне и неотступно следовал за мной повсюду.

Мы уговорили начальника поезда Тулуза — Париж разрешить Макі ехать с нами в вагоне.

Дома, в Париже, когда я вышла из квартиры, пес сел у двери и провел около нее весь вечер, пока я не вернулась. Так продолжалось изо дня в день.

Макі, которого мы любили за его ум, был с нами все годы, что мы жили во Франции. Уезжая, мне пришлось оставить его, о чем я искренне сожалела, ибо он был поистине верным другом и образцовым защитником.

*«Люди, как гимны
пламенной жизни»*

Руководители партии решили переехать в Париж, чтобы легче было поддерживать связь с другими политическими силами.

Я обосновалась вместе с дочерью Амайей в Шампани, где французские товарищи предоставили мне небольшой дом.

Работали в центре, на проспекте Клебер, в более удобном и подходящем месте, чем в Тулузе. В послевоенной Франции можно было довольно свободно заниматься политической деятельностью.

Амайя совмещала работу в Социалистическом союзе молодежи и в его газете с учебой.

В апреле 1946 года мы провели второй пленум ЦК, а в марте 1947 года третье совместное совещание Центральных Комитетов Компартии Испании и Объединенной социалистической партии Каталонии.

Это совещание носило в известной мере характер минисъезда. На нем присутствовали в качестве приглашенных товарищи Жак Дюкло, Андре Марти и Мадлен Браун от ФКП; Гарри Поллит — тогдашний генеральный секретарь Компартии Великобритании; Петер Карриган — бывший боец интернациональных бригад; представители Итальянской компартии, Компартии Бельгии, Компартии Финляндии, Коммунистической партии Австралии, Коммунистической партии Норвегии; делегация Коммунистической партии Китая.

Наш большой друг Дюкло, приветствуя нас, сказал, что понятия «социализм» и «демократия» неразделимы. «Ваша борьба, — отметил он в частности, — это наша борьба. Я обращаюсь к вам не с пожеланием набраться мужества, так как вы его уже проявили; я желаю вам успеха в вашей борьбе за освобождение своей родины».

В своем докладе на этом совещании, сделанном от имени Центрального Комитета, я остановилась на вопросе, который многие задают: почему после поражения Гитлера Франко остался у власти? «Испанский вопрос, — пояснила я, — не является чисто испанским, это проблема международного масштаба. Именно этим объясняется стремление реакционных кругов воспрепятствовать демократическому решению испанского вопроса».

Вопрос об Испании, как и в 1936 году, в то время оставался одним из важных в мировой политике. Международный империализм нуждался в реакционной Испании, готовой служить его агрессивным, антинародным и антидемократическим целям.

Эта оценка нашей партии была правильной. Однако мы все же питали некоторую надежду на то, что поражение Гитлера ускорит падение режима Франко. Этому способствовали и некоторые события: французское правительство закрыло границу с Испанией, другие правительства порвали отношения с режимом Франко или отказались от установления с ним дипломатических отношений. На заседании Генеральной Ассамблеи ООН режим в Испании был охарактеризован как фашистский гитлеровского типа. Нам выражали солидарность трудящиеся, народы.

Возникли мощные освободительные движения против колониализма в странах Азии, Африки, Латинской Америки.

Находясь под впечатлением развития событий в мире и особенно героической борьбы наших партизан в Испании, я утверждала: «Поражение немецких войск под Сталинградом определило и трагический финал для обитателей мадридского дворца Эль Пардо — каудильо и его окружения».

Эта фраза, как и другие, произнесенные нами в то время, отражала наше стремление изменить соотношение сил, враждебных испанским антифашистам.

В какой-то мере мы продолжали придерживаться идеи о возможности национального восстания. Партизанская война занимала важное место в жизни нашей страны. Об этом я говорила на совещании: «Попросили разрешения партии вернуться в Испанию, чтобы придать импульс и сплоченность борьбе народных масс, такие мужественные товарищи, как Ларраньяга, Диегес, Асарта, Хирабау, Кастро Гарсия Росас, Эдуардо Санчес-Бьедма (Торрес), Кристино Гарсия, Рамон Виа, Сантьяго Альварес, Сапирайн, Исаса, Льеранди, и сотни других.

КПИ ведет борьбу на равнинных просторах Кастилии, Эстремадуры, в горах и на земле Андалусии, Арагона, Леванта, Астурии, Галисии, Эускади, Леона, Гредоса, в Мадриде, Барселоне, Валенсии, Аликанте, Леоне, Саморе, Сьюдад-Реале, Гвадалахаре, Сарагосе, на Балеарских и Канарских островах.

Появились героические командиры — Кристино Гарсиа, Рамон Виа, Арасанс, Исаса, Льеранди, Хесус Байон, Мануэль Табернеро... Про них можно сказать словами Ромена Роллана: это «люди с огненной душой; люди, как гимны пламенной жизни и героизма, люди железной воли, чьи дела переживут время и пространство...».

«Своею твердостью,— добавила я,— под пытками и перед лицом смерти коммунисты доказали палачам Испании, что коммунистов можно убить, но нельзя сломить».

Две тысячи лет назад философ Сенека из Кордовы написал: «Тот, кто видел, как льется его собственная кровь, кто чувствовал, как ломаются его зубы под ударами вражеского кулака; кто, будучи сбит противником с ног, смог сохранить мужество, несмотря на свое падение, сумеет не раз подняться и пойти в бой с уверенностью в победе».

Истоки КПИ

На этом совещании коммунистов, где соединился опыт ветеранов с энергией представителей новых поколений, борющихся за свободу родины, я хотела напомнить старым и молодым товарищам, что собою представляет КПИ и каковы ее истоки.

«Наша Компартия появилась на испанской политической арене как независимая политическая сила в 1920 году.

Она не была группировкой людей, чуждых испанскому рабочему движению, из представителей которого она состояла.

Она появилась как молодой побег от ствола старого дерева испанского социализма, а свою жизненную силу она черпала в лучших традициях героического периода деятельности Социалистической партии.

Создание Компартии Испании отвечало потребности испанского пролетариата иметь марксистско-ленинскую партию в период после первой мировой войны, когда социалистическая революция в старой царской России окончательно уничтожила цепи капиталистического господства.

Испанскому рабочему классу необходимо было иметь свою партию, что отвечало новым условиям борьбы пролетариата, возникшим в результате рождения первого в мире социалистического государства.

Испанскому пролетариату нужна была партия, твердо опирающаяся на теорию марксизма-ленинизма, которую искажала старая Социалистическая партия...

...С самого начала создания Коммунистической партии в ее ряды влились старые кадры из социалистической партии, стоявшие на классовых и революционных позициях, а вместе с ними в партию пришла молодежь, ставшая основой Коммунистической партии.

В Компартию вступил Антонио Гарсиа Кехидо, который был, вместе с Пабло Иглесиасом, основателем не только Социалистической партии, но и Всеобщего союза трудящихся; в то время это был лучший организатор, какого знал испанский рабочий класс. Он был первым председателем Всеобщего союза трудящихся, избранным на его учредительном съезде в 1888 году. На съезде 1899 года на этот пост был избран Пабло Иглесиас, а Гарсиа Кехидо стал секретарем ВСТ. Он был также одним из основателей КПИ и оставался в ее рядах вплоть до своей смерти.

В создании Компартии участвовала также Вирхиния Гонсалес, пламенная пропагандистка социалистических идей, преждевременно скончавшаяся.

Одним из основателей Компартии был и Факундо Пересагуа, вдохновитель и организатор социалистического движения в Стране Басков в последнем десятилетии прошлого века; он был душой и вождем грандиозной борьбы, которая не раз заставляла дрожать от страха реакционную буржуазию Эускади.

В Компартию вступил с первых дней ее существования Исидоро Асеведо, наш ветеран, старейший деятель Социалистической партии Астурии, главный редактор ее газет «Луча де класес» («Классовая борьба») в Бильбао и «Аурора сосиаль» («Социалистическая заря») в Овьедо, который в свои восемьдесят лет является примером стойкости и революционной последовательности.

В наши ряды вступили также Даниэль Ангиано, бывший секретарь социалистической партии, который принес с собой богатейший сорокалетний опыт профсоюзной и социалистической борьбы; Рафаэль Милья из Аликанте; Хосе Сильва, Гарроте и Гарсиа Фигейрас из Галисии; Леандро Карро, Иполито Дельгадо и Луис Аррарас из Бильбао; братья Фиерро из Астурии; Торальдо Беси, Эваристо Хиль, Висенте Арройо и сотни, сотни самоотверженных трудя-

щих, имевших богатейший опыт борьбы и революционной стойкости.

Таковы, товарищи, истоки нашей партии, которые берут свое начало не с Первого, объединительного съезда Компартии и Рабочей компартии в марте 1921 года, а со времен зарождения испанского рабочего движения».

*С Генри Уоллесом,
вице-президентом США*

В апреле 1947 года я была приглашена на прием в честь вице-президента США в 1941—1945 гг. Генри Уоллеса, организованный движением «Друзья мира» в парижском отеле «Лутеция».

С явной симпатией к испанским антифашистам он подошел ко мне и крепко пожал руку. Я сказала, что надеюсь на помощь народа Соединенных Штатов в борьбе испанского народа за восстановление свободы и независимости. Генри Уоллес на испанском языке заверил меня, что он со своей стороны неустанно призывает своих соотечественников оказать поддержку делу, которое большинство американцев считает благородным и справедливым. И, взяв поднесенный ему бокал, обратился к нам с тостом: «Пусть Испания станет демократической!»

В марте того же года, отвечая на вопросы лондонской газеты «Таймс» относительно единства испанских демократических сил, я сказала: «Компартия Испании с 1942 года последовательно отстаивает политику единства действий республиканских и консервативных сил, которые по различным причинам хотят покончить с франкизмом. Поэтому Компартия не будет возражать против достижения соглашения между республиканским правительством и этими консервативными силами, чтобы покончить с франкистским режимом.

Если состоится объединение республиканских и монархических сил на основе минимальной демократической программы и будет оказана помощь этим силам путем давления извне на франкизм, падение Франко может быть достигнуто без обострения гражданской войны, не прекращающейся с 1939 года...

Коммунистическая партия честно выполнит обязательства, которые вытекают из демократической политики

национального единства, и сделает все для развития национальной экономики и возрождения Испании как суверенного, независимого и демократического государства».

*Варшава:
развалины
и флаги*

1 мая 1947 года я совершила поездку в Варшаву по приглашению председателя польского парламента.

Подлетая к этому городу-мученику, я вспоминала ужасные преступления, совершенные гитлеровцами в Варшаве. Когда наш самолет пошел на посадку, меня удивила собравшаяся в аэропорту толпа.

Может быть, решила я, с нами летит какое-то высокопоставленное лицо. Я обвела всех взглядом, стараясь угадать, кто эта важная персона.

— Должно быть, вон тот, с черной бородой,— сказала я Ирене, которая летела вместе со мной.

Я страшно удивилась, когда после приземления увидела испанские и польские флаги и большой плакат, на котором было написано: «Добро пожаловать в Варшаву, Пасионария!», и поняла, что встречают меня.

Встретить меня пришли представители президента республики, вице-председатель парламента, представители армии, дипломатического корпуса, друзья из незабвенной бригады Домбровского, из Лиги польских женщин...

Больше всего меня взволновало известие о том, что вместе с генералом Спыхальским и вице-председателем парламента Замбровским я должна принять парад находившейся в аэропорту военной части. Подобная церемония была новой для меня.

— Не смущайся,— сказал, подойдя ко мне, наш товарищ Мануэль Санчес Аркас, который занимал в Польше что-то вроде поста посла республиканской Испании в изгнании.— Я буду рядом с тобой.

Все сошло хорошо.

Здесь я позволю себе сделать отступление, чтобы рассказать о Мануэле Санчесе Аркасе, который вместе с Луисом Лакасой был одним из лучших испанских архитекторов в предвоенные годы. Он был автором проекта зда-

ния Института Рокфеллера (теперь Институт Рокасолано) и зданий Университетского городка в Мадриде.

Во время гражданской войны вместе с Альберти, Марией Тересой Леон и другими деятелями культуры он участвовал в спасении художественных сокровищ нашей страны. Занимал он тогда пост заместителя секретаря по пропаганде.

В 1939 году, находясь в Париже, Мануэль Санчес Аркас получил как архитектор несколько приглашений от правительств ряда стран Латинской Америки. В беседе с нами Санчес Аркас сказал: «Я больше не хочу ничего строить для капиталистов». И выразил желание поехать в Советский Союз. Так же поступил и Луис Лакаса.

Некоторые испанские архитекторы работали в Москве в Академии архитектуры.

Война стала драматическим периодом в творчестве наших товарищей. В последующие годы Санчес Аркас жил и работал в Германской Демократической Республике. Там он и скончался. Луис Лакаса, который был членом нашего Центрального Комитета, работал в Китае; некоторое время он жил в Испании, но счел себя обязанным возвратиться в Москву. Здесь он был похоронен рядом с Альберто Санчесом, Сесаром Арконадой, Хуаном Паньеллесом, Бениньо Родригесом, Асеведо, Морато и другими испанцами, которые навсегда останутся в нашей памяти.

Вернемся к Варшаве и 1947 году: 1 мая состоялся митинг в кинотеатре «Рома», на котором выступили руководители ПНР.

В своих выступлениях они говорили о героизме испанского народа и обязанности всех народов усилить борьбу, чтобы покончить с франкизмом. Я передала привет польским товарищам от имени своего народа: «К нам в Испанию прибыли в свое время героические бойцы бригады Домбровского, которые и в Мадриде защищали свободу и независимость Польши. Плечом к плечу с испанскими бойцами они противостояли силам международного фашизма, ополчившимся против Испанской республики».

В тот же день я приняла участие в праздновании 1 Мая на площади Победы. Перед нашими глазами разворачивалось незабываемое зрелище.

Варшава, превращенная в развалины, разрушенная, обескровленная — шесть миллионов поляков было убито гитлеровцами — в этот день расцвела красными и белыми, синими и зелеными флагами. Тысячи мужчин и женщин с

песнями проходили по площадям. И когда я взволнованно приветствовала с трибуны польский народ, по всей площади и прилегающим улицам разнеслись приветствия в адрес антифашистской Испании. Это были незабываемые мгновения.

Особое впечатление произвели на меня варшавские улицы. Среди развалин горели свечи, зажженные в память о павших в борьбе с гитлеровскими захватчиками. В том месте, где было еврейское гетто, — его показали нам сопровождавшие нас друзья — еще не были выкопаны из развалин трупы тысяч евреев, убитых «арийскими» ордами. Один французский священник повторял, потрясенный этим зрелищем: «Им нет прощения! Им нет прощения!»

На одном из широких проспектов мы увидели развалины церкви. Нетронутым остался лишь алтарь, стоящий под открытым небом. Служили мессу. На улице, стоя на коленях, молились мужчины и женщины.

Польские товарищи рассказали нам, что, осуществляя на практике аграрную реформу, распределяя среди бедных крестьян и сельскохозяйственных рабочих земли латифундистов, власти столкнулись с большими трудностями: новые собственники не осмеливались вступать во владение землей, считая это «грехом». Пришлось солдатам размечать столбами разделенные участки и вручать документы новым хозяевам.

Я попросила отвести меня к могиле нашего большого друга и товарища Вальтера, как мы звали его в Испании. Он был одним из самых выдающихся командиров интернациональных бригад. Его настоящее имя — Кароль Сверчевский. В 1946 году он стал генералом и заместителем министра национальной обороны в родной Польше.

За несколько месяцев до моего приезда Сверчевский был убит шайкой бандитов. С глубокой скорбью я возложила букет цветов к памятнику этого благородного, верного друга испанского народа и защитника социалистической Польши.

Очень сердечным был прием, оказанный мне шахтерами Катовице, с которыми я быстро нашла общий язык.

Перед отъездом из Польши я беседовала с Циранкевичем и Гомулкой.

Занимая пост генерального секретаря ЦК Польской рабочей партии и заместителя председателя Совета министров временного правительства Польши, Владислав

Гомулка был человеком простым, скромным. Он рассказал мне о сложном положении, сложившемся в Польше, об исторических особенностях развития ее народа.

Сложной и трудной была политическая и личная биография Гомулки. Год спустя после нашей встречи он был смещен со своего поста и арестован по несправедливому обвинению в правонационалистическом уклоне. После XX съезда КПСС он снова был избран первым секретарем своей партии. В 1970 году Гомулка оставил свой пост и до самой кончины жил в уединении.

Женщины объединяются

Народы вышли из войны с желанием создать новый мир, более справедливый, в котором соблюдались бы права человека, были установлены равенство, свобода, взаимопонимание, а главное, сохранился мир во всем мире. Женщины вступили на это новое поле деятельности с вдохновением и мечтой.

Во время войны они показали свою способность к работе и борьбе во всех сферах жизни. Я была свидетельницей, как трудились женщины на фабриках, на полях, на фронте, в сфере услуг и на административных постах, как успешно преодолевали они самые тяжелые испытания.

Женщины стойко переносили тяготы труда, лишения и, прежде всего, ни с чем не сравнимое горе потери сыновей, мужей, внуков, погибших в расцвете сил.

Они были полны решимости не допустить повторения пережитых ужасов, не допустить, чтобы завоеванные в результате борьбы права были преданы забвению. Так уже не раз случалось в истории. Мне кажется, что нет серьезных изданий об этой столь важной стороне нашей жизни.

В 1945 году в Париже состоялся учредительный конгресс Международной демократической федерации женщин. Мы, испанки, ветераны антифашистской борьбы, которым еще предстояло пройти нелегкий путь, чтобы обрести свободу для своей родины, активно работали в этой области. Много женщин со всех континентов, самых различных профессий и верований объединились, чтобы создать федерацию. В Мехико был создан испанский комитет по сотрудничеству с этим международным конгрессом женщин.

*С председателем
Демократической
федерации женщин
Эжени Коттон,
Стокгольм, 1947 г.*

Работа этого конгресса положила начало возникновению прогрессивных женских движений во многих странах. Была разработана широкая демократическая программа. Председателем федерации на конгрессе была избрана француженка, ученый Эжени Коттон, генеральным секретарем — Мари Клод Вайян-Кутюрье, героиня французского движения Сопротивления, я — одной из вице-председательниц.

Среди множества событий тех лет вспоминаю одно, которое произвело на меня особенно глубокое впечатление. Мы собрались в Стокгольме — это было в 1947 году, — чтобы обсудить среди других вопрос о том, следует ли принимать немецких женщин в МФДЖ. Мнения разделились. Многие из нас носили траур по сыновьям, мужьям, отцам и братьям, павшим от рук немецких фашистов. Вспоминаю суровый, заполненный до отказа зал. Президиум федерации. Среди его членов итальянки, польки, советские женщины, чешки, испанки... Раны войны еще не зажили. Перед нами — столик и стулья, на которых сидят бледные, истощенные, тоже одетые во все черное женщины. Это — немки. Приглушенными голосами они обращались к нам, просили прощения за преступления нацизма. Они тоже были жертвами «коричневой чумы», испытали все ужасы тюремного заключения, потеряли родных и близких... Воцарилась глубокая тишина. С напряженными лицами, сжав кулаки, они смотрели на нас... Я не могла

вынести этого драматического момента: поднялась, подошла к немкам, протянула им руки. Моему примеру последовали другие. Помню Мари Клод Вайян-Кутюрье, советских женщин Нину Попову и Надежду Парфенову, которая все время повторяла: «Надо принять их, они такие же женщины, как и мы». И это говорила представительница народа, который потерял двадцать миллионов жизней в войне против гитлеровской агрессии.

Гуманные чувства одержали верх. Чтобы навсегда покончить с войнами, нужно бороться всем вместе.

Муниципалитет Стокгольма предоставил для работы Международной демократической федерации женщин знаменитый «Золотой зал» — одно из прекрасных, красивейших зданий столицы Швеции.

Скандинавская солидарность

Швеция — страна, более полутора веков не знавшая войн, проявляла глубокую солидарность с антифашистской Испанией. Мой приезд в Стокгольм местная пресса отметила, поместив сердечные приветствия в мой адрес как представительницы испанского народа.

Председатель Ассоциации международного сотрудничества в защиту мира на приеме в честь делегатов конгресса МФДЖ заявил, что особенно следует приветствовать женщин, которые боролись и борются за свободу, «таких, как Жанна д'Арк или как Пасионария, ставших символами борьбы света против тьмы».

Наш большой друг депутат от Социал-демократической партии Швеции Джордж Брантинг тепло приветствовал меня на митинге, организованном в зале Эриксдале, называемом «Малым Зимним велодромом Стокгольма», и выразил солидарность с испанским народом. Когда я поднялась на трибуну, в зале раздались дружественные голоса: «Долой Франко!», «Да здравствует Пасионария!», «Да здравствует испанский народ!»

В своем выступлении я поблагодарила шведский народ и муниципалитет Стокгольма за столь сердечный прием, оказанный женщинам-демократам из всех стран мира. «Имена Сельмы Лагерлёф, Кристин Гессельгрин, Элизабет Тамм и доктора Нельсен, — подчеркнула я, — хорошо из-

вестны. Благодаря их постоянным и самоотверженным усилиям тысячи женщин пробудились к общественной и политической жизни, внося сегодня ценный вклад в развитие демократии в Швеции.

В Международной демократической федерации женщин,— добавила я,— сотрудничают разные женщины: от Ирен Жолио-Кюри, гордости мировой науки, до крестьянок из стран Европы, Азии, Латинской Америки, Африки...»

Я обратилась к трудящимся Швеции, к демократам Швеции, к нашим товарищам, социалистам и коммунистам, с просьбой и дальше поддерживать испанский народ в его борьбе против франкизма, за демократию. «Во время войны в Испании многие из вас, откликнувшись на наш призыв, сражались на стороне Республики. Вместе с вами прибыл и депутат Брантинг. Его братский и героический вклад никогда не будет забыт испанским народом».

Мы получили телеграммы из Финляндии, Норвегии, Дании с приглашением посетить эти страны.

Я отправилась в страну фьордов и озер, где наши норвежские друзья показали места боев с немецкими захватчиками. В парке дубов в Осло состоялся митинг, на который собралось около пяти тысяч человек. «Я знаю, сколько героев пало в боях за освобождение Норвегии,— сказала я собравшимся,— сколько крови и слез стоило норвежскому народу отстоять независимость родины.

Поэтому я уверена, что вы не оставите без внимания просьбу проявить солидарность с Испанией, растоптанной фашизмом». И, напомнив, что Испания — «маленькая и героическая страна отдала больше крови и жизней в войне за свою свободу, чем Англия и США, вместе взятые, во второй мировой войне», добавила: «...Я хотела бы как представительница народа, который не стал на колени перед фашистскими палачами, чтобы мои слова дошли до ваших сердец и вызвали новые проявления солидарности с борьбой за свободу Испании...»

Участники митинга отправили телеграмму норвежцу Трюгве Ли, тогдашнему генеральному секретарю ООН: «Мы, собравшиеся на митинг граждане и гражданки Норвегии, выслушав речь Пасионарии о борьбе испанского народа, считаем необходимым обратиться к Вам с просьбой.

Мы обращаемся к Вам и просим от имени всех нас оказать испанскому народу со стороны Генеральной Ассамб-

леи ООН всю поддержку, на которую он имеет право и которую заслуживает».

Подобное же послание было отправлено господину Трюгве Ли из Стокгольма от имени тысяч женщин, представлявших МФДЖ.

Из-за недостатка времени мы были в Дании лишь проездом. На вокзале в Копенгагене нас встретили друзья с цветами и флагами, приветствуя возгласами «Но пасаран!».

Мое путешествие по северу Европы было коротким, но напряженным.

В течение ряда лет мы участвовали в конгрессах и собраниях женских организаций, проходивших во многих столицах мира — Праге, Москве, Берлине, Будапеште, Софии, Варшаве, Бухаресте, Хельсинки, Париже. Мы призывали поддержать борьбу женщин Испании за мир и права женщин и детей. Это был голос демократической Испании, испанского народа и его героических женщин.

*Испанки
в своей стране
и за рубежом*

Переход через Пиренеи, страдания в лагерях для эмигрантов с их душераздирающими разлуками, розыск по всему миру пропавших детей, мужей, жизнь и работа в незнакомых городах, новые бедствия — все эти испытания не остановили антифашистской борьбы тысяч испанских женщин, оказавшихся в эмиграции.

Там, куда они прибывали: в Европе, на севере Африки, в Америке, — они создавали объединения женщин-антифашисток и продолжали активно работать и помогать товарищам, которые вели битву в самой Испании.

Необычайная активность, развернутая женщинами-антифашистками в Испании до и во время войны против военно-фашистской агрессии, была прервана террором, связанным диктатурой в 1939 году.

Борьба продолжалась в условиях подполья. И ее отголоски доходили до нас. В стране действовали небольшие группы женщин-антифашисток. В Валенсии издавалась газета «Унидад фемина» («Единство женщин»). Написанные от руки листовки распространялись в тюрьмах Мадрида,

Барселоны, во многих других местах нашей истерзанной родины.

Я вспоминаю выступление женщин-антифашисток из Малаги, Галисии, Толедо, домохозяйек из Каталонии и других патриотически настроенных женщин.

В эмиграции антифашистские организации женщин возникли в 50 департаментах Франции, на Кубе, в Мексике, других латиноамериканских странах, в городах Оран, Касабланка, Нью-Йорк и т. д.

Во Франции в движении Сопротивления нацистским агрессорам и предателям Виши во время второй мировой войны участвовали и отважные испанки.

Они показали образцы героизма и смелости при выполнении самых трудных заданий. Рискуя свободой и даже жизнью, они участвовали в операциях, требовавших решительности и мужества: доставляли оружие, взрывчатку, инструкции, документы, прятали преследуемых, лечили раненых.

Очень мало написано об этих замечательных женщинах — борцах за свободу. В книге Ньевеса Кастро «Жизнь ради идеала» читатель найдет много интересных фактов. В первые послевоенные годы во Франции прежняя женская организация была реорганизована и получила название «Союз испанских женщин». Ее деятельность не была рассчитана на долгую эмиграцию, ее главной задачей было сотрудничество и оказание поддержки женщинам в самой Испании.

Удалось снова объединить группировки во Франции, в Алжире, Марокко, Англии, США, Мексике и Аргентине.

Осуществляли эту деятельность такие выдающиеся женщины, как Виктория Кент, доктор Арройо, Венеранда Мансано, Матильде Кантос, Эмилия Элиас, Лус Перейра, Аурора Пихоан, Ирене Фалькон, Роса Вилас, Рейес Бельтран, Маргарита Абрил, Констансия де ла Мора, Эрнестина Гонсалес, Пилар Солер... Появились новые женщины-руководительницы, и среди них Анита Мартинес, Кармен де Кастро, Кармен де Педро, Анита Химено, Долорес Бальбуэно, Петра Гарсия, Рита Перес, Нати Урибаррена.

В течение ряда лет в Париже издавался журнал «Мухерес Эспаньолас» («Испанские женщины»), главным редактором которого была Роса Вилас де Кордон.

В послании, направленном мною несколько лет назад женщинам Латинской Америки, я напоминала о борьбе испанок в защиту свободы:

«Женщины из Сагунто, из Нумансии; женщины из деревень Кастилии; женщины из Валенсии и Мальорки; женщины из деревень Каталонии; крестьянки Галисии, которые боролись против феодального рабства; женщины, которые с таким героизмом воевали против войск Наполеона в 1808 году; женщины Агустина де Арагон, Мария Нита, Мануэла Санчес, Мариана Пинеда, Аида Лафуете, Лина Одена, женщины Астурии, женщины Страны Басков, женщины Мадрида, женщины всей Испании — все они героини нашей родины, ее легион; они указывают дорогу, по которой мы должны идти».

Космонавтка Валя

Вспоминаю конгресс МДФЖ, проходивший в Москве несколько лет спустя.

Женщины Ирака, Южного Вьетнама, Южной Кореи, Испании, Греции и Португалии донесли до участников этого форума крик страдания и протеста матерей, вдов, женщин, подвергавшихся пыткам, рассказали о борьбе своих поработенных народов, о своих сыновьях, томящихся в тюрьмах за участие в борьбе в защиту демократии и свободы.

Делегация испанских женщин сообщила о франкистском насилии и терроре, о казни нашего незабвенного Хулиана Гримау. Расправа с ним потрясла народы и вызвала протесты мужчин и женщин самых различных политических, социальных и религиозных убеждений. Рассказали о женщинах, приговоренных к длительному тюремному заключению.

На конгрессе мы познакомились с первой в мире женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой, которая передала нам для женщин Испании следующее послание:

«Дорогие испанские сестры!

Мой космический корабль «Восток-6» пролетал недавно над Испанией. Я видела ваши зеленые города и села, голубое море, которое омывает берега вашей страны, и с болью думала, что в ней еще страдают во франкистских тюрьмах лучшие сыны и дочери испанского народа.

*С внучкой Лолитой,
Москва.*

Но вместе со всеми прогрессивными людьми в мире я хочу сказать вам: испанский народ будет свободен!»

Любуясь улыбающейся молодой советской космонавткой, я вспомнила стихи, приписываемые Кеведо:

*Это о звездах можно плести
все, что угодно поэтам,
ибо никто не может пойти
и спросить у них об этом.*

Гагарин, Валя и другие космонавты — говорили ли они со звездами?

В последний день работы конгресса случился неприятный инцидент, явившийся отражением напряженности, существовавшей уже тогда между китайскими делегациями и делегациями других стран.

Китайские делегации, когда подошла их очередь выступать, завладели микрофонами и говорили, говорили,

не уступая место другим ораторам. Фотографы и журналисты столпились вокруг них. Время шло и шло, но, несмотря на все призывы председательницы конгресса к порядку, выступавшие продолжали говорить. На лицах остальных делегатов отразилось отчаяние: что делать? Работа конгресса оказалась заблокированной.

Кто-то произнес мое имя, не знаю кто. Я поднялась и, сохраняя полное спокойствие, направилась к трибуне. Участники конгресса напряженно следили за мной. Когда я подошла к микрофонам, ораторы-китайки, не протестуя, отошли, уступив мне место. Взволнованная, я призвала всех женщин к единству и дружбе, что вызвало бурные аплодисменты конгресса, который продолжил свою работу.

«Тринадцать роз»

Я пишу эти строки о борьбе женщин, а в руках держу маленький талисман: совсем крохотный лоскуток с вышивкой, это — бесценный, волнующий документ.

Вышивку сделала в камере смертников молодая Дионисия Мансанарес Салас, одна из тринадцати молодых активисток организации Объединенной социалистической молодежи, расстрелянных франкистами 15 августа 1939 года в тюрьме в Вентасе. Народ назвал их «тринадцатью розами».

На лоскутке вышиты инициалы Д. М. и далее: Вентас, 11 мая 1939 года. Дионисия передала эту вышивку Хуаните Корсо, моей верной сотруднице и подруге, также заключенной в Вентасе, с просьбой, если та выйдет живой, передать ее мне. Тридцать восемь лет спустя, когда я вернулась в Испанию, Хуанита передала мне этот дорогой сувенир, который бережно сохранила.

Среди многих писем, полученных мною по возвращении в Испанию, одно особенно потрясает. Это трагический рассказ о расстреле группы молодых активисток Объединенной социалистической молодежи в 1939 году. «Многие годы, — пишет Агрипина Морено, — я храню в сердце послание для тебя. Очень грустное послание. Много раз думала, что мне не удастся выполнить поручение, которое мне дали четырнадцать девушек. Речь идет о «тринадцати розах» и еще одном товарище по имени Анита...

В печальный июльский день 1939 года в тюрьму в Вентасе попала группа девушек, почти детей.

Одна из них, Пилар Буэно, рассказала мне, что после палочных ударов и пыток, которым их подвергли, они еле живы...

...В тяжелый, незабываемый день 4 июля пришло известие, что их отвели в тюремную часовню для исповедания. Так оно и было. Они готовились к смерти в тишине. Девушки оделись в самое лучшее, что у них было при себе.

Их спокойствие, твердость, красота поразили нас...

Их увели из камеры 5 августа. Все мы очень нервничали, понимая, что больше не увидим их. Но в этот же день вызвали Аурору Родригес и меня: нам разрешили проститься с ними.

Когда мы вошли в часовню, они, ожидая нас, выстроились в ряд. Я подошла к первой, Пилар Буэно, мы молча поцеловались. Потом она взяла меня за руку и сказала: «Товарищ Агрипина, если тебе посчастливится спастись, береги себя и живи, чтобы рассказать людям правду о нас. Мы не виновны. И если ты когда-нибудь увидишь Долорес, передай: мы умерли как достойные ее ученицы...»

Кармен Барреро сказала мне: «Меня расстреляют вместе с моим братом, я понимаю, как тяжело моей матери. Мы не виновны. Нас убивают потому, что мы коммунисты...»

Хуанита Лафите, 18-ти лет, сирота, дочь высокопоставленного военного, поручила передать партии и Объединенной социалистической молодежи, что они умерли, высоко держа красное знамя.

Девушка по имени Конеса воскликнула: «Мы умрем как коммунистки, не позволим завязать себе глаза, встретим смерть с открытым лицом. Мы не виновны».

Мари была дочерью гражданского гвардейца. Произошло роковое совпадение: в отряде, прибывшем в тюрьму для совершения казни, оказался ее отец, его тут же заменили другим.

«Скажите молодежи и партии: пусть продолжают бороться вместе. И не забывайте нас», — поручила нам маленькая Мари.

С Дионисией, руководителем организации Объединенной социалистической молодежи, мы не смогли проститься.

Анита была учительницей, как и ее муж, оба были очень молоды. Перед расстрелом они написали это послание:

«Нас убивают, но они никогда не смогут уничтожить наши идеи, которые преобразуют мир».

...После столь душераздирающего прощания к нам в камеру привели двух подруг: Матильду Барраке и Пуру де ла Альдеа. Последняя хорошо знала тебя, когда находилась в заключении в тюрьме в Вентасе во времена буржуазной республики. Она сказала, что именно твой пример и твое поведение в тюрьме послужили тому, что она стала коммунисткой.

При расстреле наших молодых подруг присутствовала тюремная надзирательница, тересианская монахиня. После казни она вернулась другим человеком, прошла на тюремную галерею и рассказала заключенным все, что видела: девушки не дали завязать себе глаза и погибли, глядя прямо в лицо гвардейцам. Пилар Буэно перед казнью, подняв кулак, крикнула: «Да здравствует Объединенная социалистическая молодежь!» После первых выстрелов Анита была еще жива и потребовала: «Убейте меня, преступники, не хороните живой!»

Монахиня передала Марии Лафите, сестре Хуаниты, которая тоже находилась в заключении, ленту, которой были повязаны волосы одной из расстрелянных.

Для всех заключенных женщин этот жестокий расстрел был тяжелым ударом.

Рано утром на следующий день в мою камеру пришла девушка из молодежной организации с листком бумаги. Она была поэтессой и, плача, прочла стихотворение, которое написала в память о наших незабвенных «тринадцати розах». Так назвала она их.

Дорогая товарищ Долорес, написав тебе письмо, я успокоилась. Теперь я могу сказать нашей Коммунистической партии и Объединенной социалистической молодежи: миссия выполнена!

Братский привет!

Агрепина Морено (74 года)

1 июля 1977 г.».

Вот имена «тринадцати роз»: Хоакина Лопес, Виртудес Гонсалес, Кармен Барреро, Дионисиа Мансанарес, Пилар Буэно, Хулиа Конеса, Бланкита, Викториа, Адела, Мартина, Пальмира, Анита, Анита Лопес. Некоторых не хватает... Время, годы стирают многое в памяти. Но наш народ всегда будет помнить мужество тринадцати девушек, расстрелянных в тюрьме в Вентасе.

*Моя последняя беседа
с Франсиско Ларго
Кабальеро*

Я уже упоминала о своей встрече со старейшим руководителем социалистов — Франсиско Ларго Кабальеро на митинге солидарности с испанским народом, организованном в Париже Франко-испанской ассоциацией.

Зная, что он болен, я вскоре после этого посетила его. «У меня был долгий разговор с Долорес Ибаррури, Пасионарией, — сказал Ларго Кабальеро корреспонденту лондонской газеты «Ньюс кроникл» в декабре 1945 года, — с одной целью — устранить препятствия, стоящие на пути совместных действий, мы должны «разоружиться», прекратить споры, отбросить разногласия».

Я была потрясена бесчеловечным обращением наемных убийц Виши с лидером социалистов, когда он попал в их руки. Преследуемый Петеном и Лавалем, угрожавшими выдать его Франко, который обвинял бывшего главу правительства республики в «преступной пропаганде грабежа и насилий», Ларго Кабальеро был арестован гестапо и отправлен в гитлеровский концлагерь смерти в Ораниенбурге.

Случилось это в июне 1943 года, когда Ларго Кабальеро исполнилось 74 года и он был серьезно болен. «Из пяти тысяч испанцев, находившихся там в заключении, — вспоминал Ларго Кабальеро, — осталось в живых только пятьсот. Русских и украинцев, — добавил он, — расстреливали из пулеметов».

Гестапо арестовало во Франции и выдало франкистам президента Хенералитета¹ Каталонии Луиса Компаниса и бывших министров — Хулиана Сугасагоитиа и Хуана Пейро, а также журналиста Круса Салидо. Все они были расстреляны.

Благодаря польским и советским солдатам, освободившим заключенных концлагеря Ораниенбурга в мае 1945 года, Ларго Кабальеро избежал смерти. Но здоровье его было сильно подорвано.

Хосе Антонио Урибес, бывший депутат кортесов от Валенсии, живший в СССР, отправился в Берлин навестить Ларго Кабальеро и оказать ему помощь. «Я очень обрадо-

¹ Автономного правительства Каталонии.

вался, увидев рядом с собой испанца,— писал Ларго Кабальеро в своих «Воспоминаниях».— Мы много говорили об Испании». Советские люди предложили ему переехать в СССР, но он предпочел вернуться во Францию: ему хотелось воссоединиться с дочерью.

Во время пребывания в Берлине, ожидая оформления выезда во Францию, Ларго Кабальеро начал писать «Воспоминания», опубликованные позднее, в 1954 году, в Мехико.

«Польские и русские войска,— писал он,— произвели на меня прекрасное впечатление. Я видел их идущими по шоссе по направлению к линии фронта, они выглядели отлично. Все солдаты были молодые, сильные, с румянцем на щеках, свидетельствовавшим о крепком здоровье и отличном питании. Они были хорошо одеты, дисциплинированы. Обращались с немцами и немками не как победители с побежденными: давали им еду и табак. Когда я видел, как русские и поляки относились к семьям тех, кто уничтожил тысячи их соотечественников, то стыдился ненависти, сохранявшейся в моем сердце по отношению к тем, кто заставили нас страдать. Мы не умели прощать...

После того, что я видел, кампания, организованная в западной прессе против русских и поляков, представляется мне постыдной.

...Если бы я не жил в эмиграции и не подвергался преследованиям со стороны Петена и Гитлера, то не познакомился бы с тем, что я нахожу интересным в своей дальнейшей жизни. Но эти знания пришли ко мне слишком поздно, чтобы я смог использовать их на практике».

Из Берлина Ларго Кабальеро летел в Париж на специальном самолете. Здесь он встретился с руководителями Социалистической рабочей партии и Всеобщей конфедерации труда, разобщенными распрями и противостоящими друг другу. Его присутствие на организованном Франко-испанской ассоциацией митинге, на котором выступали Портела Вальядарес и я, стало причиной резкой критики в его адрес со стороны некоторых его сторонников.

В жизни Ларго Кабальеро продолжал сохранять враждебное отношение к нашей партии. «Никто не может выдвинуть больше причин для обиды на коммунистов, чем я»,— утверждал он.

В то же время руководитель социалистов испытывал глубокую озабоченность судьбой Испании, особенно тем,

как избежать новой гражданской войны. Он подчеркивал: враг № 1 — фашизм. Считал, что отношение к коммунистам должно быть корректным. Отвечая на критику в свой адрес, он заявил: «Я говорил, что, по моему мнению, в политике агрессивность в отношениях с близкими союзниками является ошибкой, отношения с ними должны быть как можно более корректными, однако при этом надо всегда оставаться на своих позициях. Я заявил: не следует в политическом плане утверждать, что сотрудничество с любой из антифранкистских партий никогда не возможно, ибо это значит затруднять проведение политики Социалистической партии в будущем...»

Ларго Кабальеро считал, что сектантская позиция республиканского правительства в эмиграции ведет в никуда. Он выступал за создание «в Европе комиссии или комитета, в который вошли бы представители всех партий и рабочих организаций, защищавших республику до и во время гражданской войны».

Он выдвинул программу, главным пунктом которой было проведение в Испании плебисцита с целью выяснить, какой режим — республиканский или монархический хочет иметь народ. И, независимо от результата, предлагал организовать конституционные выборы в кортесы. В письме Хименесу де Асуа по поводу моей речи, произнесенной в Тулузе, Ларго Кабальеро писал: «КПИ во Франции подняла флаг плебисцита с гарантиями. Находящиеся во Франции руководители Социалистической рабочей партии и Всеобщей конфедерации труда Испании еще не сказали «это и наше дело». Мы всегда идем на поводу у других. У нас отнимают время и мешают взаимопониманию наши споры, в результате мы позволяем событиям увлекать себя». В том же письме, отвечая на предложение Хименеса де Асуа «определить подлинные социалистические принципы и представить их массам», Кабальеро писал: «Однако не забывайте, что среди подлинных социалистических принципов, которые вы предлагаете мне определить, есть призыв Маркса: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» И добавил: «Что касается Коммунистической партии, то я должен заметить: как социалист-марксист, я не могу и не должен осуждать коммунизм — философскую теорию, достойную уважения со стороны всех, кто стремится к преобразованию капиталистического строя в другой, где богатства будут принадлежать всему обществу».

Франсиско Ларго Кабальеро умер в Париже в марте 1946 года после сложной хирургической операции. Короткой и мучительной была его жизнь в эмиграции.

С искренней скорбью мы с Сантьяго Каррильо присутствовали на его похоронах. А через несколько лет сопровождали останки Кабальеро при их перевозке в Мадрид.

Велики и хорошо известны наши политические разногласия с Франсиско Ларго Кабальеро. Но я испытывала к нему огромное уважение за его незапятнанную биографию, за его жизнь, честную жизнь рабочего-штукатура, целиком посвятившего себя организации и защите рабочего класса.

Его сын Франсиско Ларго, живущий в Мексике, — член нашей партии. Мы все уважаем его за искренность и политическую честность.

На второй национальной конференции КПИ, проведенной во Франции в 1975 году, я приветствовала товарища Франсиско Ларго: «Я хочу здесь, на этом собрании, на котором присутствует сын выдающегося руководителя рабочего и социалистического движения Франсиско Ларго Кабальеро, почтить с глубочайшим волнением и благодарностью память этого социалистического лидера. Несмотря на разделявшие нас разногласия, мы уважали его так же, как и других социалистических руководителей, революционная честность которых заслуживает того, чтобы мы помнили о них, но это не значит, что мы должны предавать забвению их политические ошибки».

*Мы вернемся
в свободную
Испанию!*

В июле 1947 года мы провели в Тулузе первый после окончания войны большой митинг.

Это было мероприятие, организованное самими трудящимися массами: они своими силами превратили обширный Спортивный парк Тулузы в эспланаду с большим количеством деревянных скамеек, на которых разместились в тесноте сорок тысяч испанцев, чтобы услышать голос Коммунистической партии Испании. На трибуне президиума были написаны имена наших павших героев: Кристино, Рамон Виа, Торрес, Исаса, Роса, Веранди, Кастро, Медина, Ларраньяга, Дьегуес, Асатра, Хирон, Хирабао, Месон, Гасорла, Кабальеро...

В произнесенной мною речи я потребовала: «Испания для испанцев, свободу для народа — хозяина своей судьбы!». «Мы, коммунисты, считаем, — сказала я, — что без Испании, без ее участия нельзя говорить всерьез о восстановлении Европы.

Мы, коммунисты, считаем также, что Испания не может жить в стороне от других народов, без помощи и сотрудничества с другими странами. Но эта помощь, в которой мы нуждаемся, чтобы восстановить Испанию, никоим образом не должна быть вмешательством, вести к экономической или политической зависимости, на это коммунисты никогда не согласятся.

Говорят, что Испания бедна. Возможно, так оно и есть. Однако ее бедность — не следует забывать этого — в немалой степени следствие процветания металлургической промышленности Англии.

Нельзя забывать о месторождениях железа в Бискайе, меди в Уэльве, кобальта и цинка в Сантандере, вольфрама в Галисии, не учитывать положения Испании, расположенной в центре международных торговых путей.

Мы, испанцы, и без подсказки иностранных наставников знаем, почему мы бедны и где находимся и кто владеет нашими природными ресурсами. Знаем, чего стоит Испания и чего стоит ее героический народ.

Поэтому мы стремимся к Испании для испанцев. Испанию для испанцев, свободу для народа — хозяина своей судьбы.

И когда некоторые представители республиканцев, забывая страшные уроки истории, забывая добровольно и из лучших побуждений, что первая империалистическая война за передел мира была развязана Соединенными Штатами против Испании, чтобы отнять у нее Кубу и Филиппины — последние остатки ее колониального могущества; когда они, усевшись в колесницу фантазии, преднамеренно ставят ее впереди лошади, в это время среди некоторых групп эмигрантов высказывается мнение, что мы должны присоединиться к так называемому плану Маршалла, и это тогда, когда все еще существует режим Франко и мистер Маршалл не проявляет большого желания помочь испанскому народу в борьбе за свободу.

Мы, испанские коммунисты, заявляем, что не будем возражать против пактов, договоров или соглашений, которые не угрожают независимости Испании, ее суверените-

ту и которые послужат тому, чтобы облегчить восстановление демократии.

Однако мы заявляем также, что решительно отвергаем любые попытки ущемить независимость и суверенитет Испании или вовлечь нашу страну в какие-либо блоки, направленные открыто или замаскированно против свободы и независимости демократических стран.

Сделав это пояснение, необходимо сегодня, когда Испании придается большое значение из-за ее стратегического положения и из-за наличия на ее территории крупных месторождений полезных ископаемых, хотя бы вкратце рассмотреть внутреннее положение нашей страны.

Франко раздает концессии иностранным империалистическим компаниям. Франко усиливает жесточайший террор. Франко разыгрывает комедию народных опросов,— и, несмотря на все это, франкистский режим разваливается.

Нельзя допустить, чтобы и дальше мы оставались разделенными, разобщенными, борясь каждый в отдельности своими собственными средствами.

Для оправдания политики бездействия и отсутствия помощи испанскому народу в его борьбе против франкистского деспотизма некоторые политические деятели ссылаются на разобщенность испанских республиканских сил.

И хотя причины этой разобщенности, на которые ссылаются эти много говорящие политики, являются лживыми измышлениями, реальность состоит в том, что разобщенность сил препятствует развертыванию борьбы, способствуя таким образом, вопреки нашим желанием, продлению существования франкизма.

Нельзя допустить, чтобы и дальше мы оставались разделенными, разобщенными, борясь каждый в отдельности своими собственными средствами.

Коммунистическая партия, партия народа, тесно связанная с трудящимися массами нашей страны и служащая интересам этих масс и всего народа, считая интересы народа и демократии своими интересами, обращается с этой трибуны к социалистам, анархистам, республиканцам, ко всем антифранкистам, чтобы сказать им:

«Наш народ страдает, наша страна находится в руинах. Испания продана франкизмом богатому покупателю. Объединив наши силы, спасем Испанию, освободим наш народ, уничтожим франкистскую тиранию».

И я уверена, что мы достигнем взаимопонимания, ибо нельзя допустить, чтобы и дальше продолжали бесконечно сопротивляться процессу объединения силы, ослепленные сектантской ненавистью к коммунистам и антикоммунизмом, на котором играет и спекулирует международная реакция...

... Верно также, что эмиграция не вдохновляет людей к борьбе, что эмиграция подавляет порывы.

Но надо верить и бороться! И мы вернемся в Испанию, товарищи и друзья, вернемся в освобожденную Испанию!

Мы вернемся! ...Как возвращались в свои страны революционеры-эмигранты. Как возвращались в Испанию все политики либералы и республиканцы в прошлом веке, как возвращались эмигранты после падения диктатуры Примо де Риверы, эмигранты 1934 года.

Мы вернемся!.. И, используя опыт, приобретенный в борьбе, помня о страданиях, мы поднимем Испанию из руин.

Мы восстановим нашу родину. И своим трудом и своими усилиями превратим ее в ту Испанию, о какой мечтаем и ради которой в героической и кровавой освободительной борьбе погибли наши мужья и наши сыновья.

*Сталин
назвал нас
леваками*

В середине 1948 года мы получили приглашение приехать в Москву для беседы в ЦК КПСС. Нам не терпелось узнать тему предстоящей дискуссии.

В Москве выяснилось: нас примет Сталин. Это еще больше усилило интерес к ожидаемой беседе.

В кабинете в Кремле нас встретили Сталин, Молотов и Суслов. После очень теплых приветствий, начались расспросы о том, как идут дела в партии.

Сталин попросил объяснить, почему мы, испанские коммунисты, не ведем работу во франкистских массовых организациях, и прежде всего в профсоюзах.

Мы сослались на враждебность, которую испытывают трудящиеся к «вертикальным» франкистским профсоюзам, рассказали о героической партизанской борьбе.

Сталин, который, очевидно, имел более полную, чем мы,

информацию о том, каковы намерения западных правительств в отношении «демократизации» франкистского режима и сохранения его в Испании в своих интересах, стал делиться с нами опытом КПСС, большевиков, приобретенным в ходе долгой борьбы в условиях царизма. Даже во времена наиболее жестоких «столыпинских» репрессий большевики никогда не отказывались от работы в массовых организациях, руководимых реакцией. На этих примерах он дал нам понять, что борьба будет длительной и надо быть готовыми к ней.

Мы не были полностью согласны; снова говорили о нашей партизанской борьбе, выразили мнение, что положение в Испании иное, что рабочие нас не поймут, если партия начнет работу в «вертикальных» профсоюзах.

Сталин очень спокойно — он держал перед собой блокнот и, слушая нас, что-то в нем рисовал — сказал, что наша позиция — левацкая. Он посоветовал нам использовать партизанскую борьбу для поддержки политической борьбы и для обеспечения безопасности товарищей.

Видя, что мы не совсем согласны с этим, он стал спрашивать нас о Висенте Урибе, Антонио Михе и других руководителях. Беседа приобрела более широкий характер. Нас пригласили выпить чаю с пирожными и конфетами. Прощаясь, Сталин пожал нам руки и рекомендовал набраться «терпения».

— Ну что же, — добавил он, — если вашим партизанам нужна помощь, мы вам ее предоставим. Потому что все говорит о том, что вы, испанцы, — большие храбрецы.

Возвратившись в свою резиденцию, мы продолжили дискуссию между собой. Анализировали, развивали идеи, высказанные Сталиным, хотя он и не настаивал на них. Долго, до самого вечера, мы обсуждали этот вопрос и пришли к заключению: Сталин прав. Коммунисты должны действовать там, где есть рабочие, народные массы, даже если во главе рабочих организаций стоят фашисты, реакционеры. Ведь мы поддержали такой подход на VII конгрессе Коминтерна. Нам была хорошо известна работа Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В результате обсуждения мы пришли к выводу: необходимо менять тактику.

То, что вопрос этот был нелегким, мы убедились по возвращении в Париж. Собрали Политбюро. Товарищи, выслушав наш доклад, высказали свои сомнения. Возникли

длительные, острые дебаты. Не просто было менять тактику. А партизанская борьба? Если предстоит долгая борьба, надо набраться терпения, пойти на свертывание партизанской борьбы и вывести из нее товарищей, которые подвергаются наибольшей опасности. В конце концов мы решили широко обсудить эту проблему в партии.

*Сочетать
легальную работу
с подпольной*

Условий для созыва, как того требовала важность вопроса, конференции или съезда партии, в основном из-за трудностей выезда членов партии из Испании, не было.

В связи с этим Политбюро решило провести расширенную встречу руководителей и членов Коммунистической и Социалистической объединенной партий. На ней присутствовали, как мне помнится, несмотря на все трудности, представители партизан, товарищи из Эускади и Галисии. В результате встреча оказалась очень представительной. Она состоялась в октябре 1948 года в Шато-Байё во Франции. Нам помогали провести ее французские товарищи.

Подготовленный Политбюро доклад было поручено сделать Висенто Урибе, который, по-видимому, вначале не был согласен с новой тактикой. Однако в ходе дебатов он признал, что она наиболее правильна. Рассматривался чрезвычайно важный вопрос: что должна делать компартия в условиях фашистской диктатуры, какой должна быть ее политическая работа в массах.

Урибе говорил о проникновении янки в Испанию, об их влиянии на деятельность франкистского государства как в экономической и военной, так и в политической областях. Американский империализм стремился превратить нашу страну в плацдарм для своей экспансионистской политики.

Партия не учла полностью те перемены, которые произошли в Испании в результате нашего поражения. Как будто они не были связаны с нашим поражением в гражданской войне, со всеми последствиями этого.

И хотя вопрос о работе в созданных фалангой организациях рассматривался руководством партии за несколько месяцев до этого, принятое решение не было претворено в жизнь из-за того, что рабочий класс по своему составу был

уже не тот что в 1936 году. Наиболее сознательные и боевые рабочие погибли на войне, стали жертвами репрессий или оказались в эмиграции. Новое поколение не знало о политической борьбе в период республики, не было так идеологически подковано, как прежние поколения; оно не имело опыта профсоюзной, классовой борьбы, не видело перспективы.

Создать в подполье массовое, независимое профсоюзное движение было невозможно. Пытаясь сделать это, мы отделились бы от рабочих масс, охватив лишь передовые слои рабочих.

Лучший путь — работать там, где есть рабочие массы. Следовало сочетать подпольную работу с деятельностью в легальных организациях, созданных франкизмом. Для этого надо было срочно перегруппировать и укрепить наши партийные организации, повысить идейный уровень наших активистов, провести теоретическую дискуссию.

После оживленных споров было решено наладить работу в «вертикальных» профсоюзах. Именно там рабочие, будучи обязаны вступать в них, в большинстве своем набираются опыта. В этом мы были уверены. Участвуя в них, коммунисты сумели бы более эффективно вести работу по защите интересов трудящихся. Мы дали бы битву фалангистам в их собственной организации. Мы лучше узнали бы подлинное состояние духа трудящихся масс.

Было решено поручить выполнение этой задачи наиболее активным товарищам, но мало известным как коммунисты.

Договорились также вести работу в других массовых организациях: в крестьянских общинах, в молодежных организациях — спортивных, студенческих, в женских и католических организациях.

Чудо огурчики

В конце 1948 года у меня снова обострилась болезнь печени, которой я страдала уже много лет.

Один хороший французский врач, наш большой друг доктор Рукэ, посоветовал мне удалить желчный пузырь. Это несложная операция, заверил он.

— Но как же я буду жить без желчного пузыря? — спросила я. — Как голуби?

Меня заверили, что с желчным пузырем или без него я буду такой же. Мой характер нисколько не изменится.

Меня оперировали в клинике в Москве, куда я приехала в сопровождении Амайи и Ирене. Операция прошла успешно. Но после операции возникли осложнения, и я оказалась вынужденной оставаться в постели около шести месяцев. По-видимому, возникли осложнения с легкими. Кислородные баллоны, которые мне давали постоянно, — я не переносила барокамеру — позволяли мне дышать.

Врачи опасались за мою жизнь. В то время антибиотиков еще не было. Имелось одно американское лекарство, чудодейственное, как говорили, которое лечит все. Кажется, оно называлось ауромисин. Жившие в США наши добрые друзья, среди них дорогой товарищ Маноло Колино, прислали мне этот разрекламированный эликсир жизни. Раздобыл его для меня и министр здравоохранения СССР. Сколько безграничной солидарности!

Как мне потом рассказали, приобрести этот антибиотик в Соединенных Штатах было не легко, его зарезервировали для высоких армейских и дипломатических чинов.

Благодаря любезности одного посла, Колино получил два флакона ауромисина, предназначавшиеся якобы для его больной матери.

Но мой баскский, шахтерский организм упрямо отвергал достижения американской медицины. Он переносил только пенициллин.

Я продолжала дышать кислородом и днем и ночью, не могла ничего есть, от меня остались кожа да кости.

Я была окружена вниманием и заботой профессора Виноградова, доктора Романа Исаевича — моего лечащего врача, медсестер и санитарок. От меня, конечно, не отходили моя дочь Амайя и Ирене, рядом с ними я чувствовала себя ближе к дому. Меня приезжали осматривать врачи из разных городов СССР.

Так проходили дни, недели. Я стала медленно поправляться. Постепенно начала дышать, не пользуясь баллонами с кислородом.

Однажды вечером около меня дежурила санитарка по имени Полина, типичная русская крестьянка, полноватая, улыбчивая. Она ела соленые огурчики и вареную картошку. Я никогда не ела таких огурчиков и не знала их вкуса. Но в этот вечер мне захотелось их попробовать.

— Полина, дай мне огурчик.

Съев его, я попросила:

— Дай, пожалуйста, еще один и картофелину.

Вот так, благодаря огурчикам Полины, я начала есть, есть и выздоравливать.

Простое иногда одерживает победу над сложным. Ведь чего только ни делали доктора, чтобы вызвать у меня аппетит! Лучшие повара старались приготовить для меня изысканные блюда. Пригласили даже одного товарища из Валенсии, который приготовил для меня великолепную пазлю¹. Все было бесполезно. Я отвергала любую пищу...

«Чудо», которое сотворили огурчики, повергло всех в изумление. За исключением Полины, которая считала это совершенно естественным.

— Своим выздоровлением вы обязаны вашему организму, — уверели меня доктора.

— Ваша натура одержала верх...

Как бы там ни было, победило мое желание жить.

Вспоминается еще один эпизод. Шел уже 1949 год. Я еще лежала в постели в угнетенном состоянии, не имея сил даже говорить. Было утро. Ирене и Амайя подошли и тихонечко сказали мне на ухо:

— Долорес, Долорес! Шанхай освобожден!

Я восприняла эту новость как нечто чрезвычайно важное для меня.

— Надо жить! — прошептала я слабым голосом. — Надо жить!

Подошел врач.

— Что вы говорите?

— Надо жить.

Лицо Романа Исаевича просветлело.

— И будете жить. Я верю в это.

Несколько лет спустя, во время моей первой поездки в Народный Китай, я вспомнила тот момент, когда мне сообщили об освобождении Шанхая, и связала этот случай с судьбой сотен миллионов китайцев, которые сбрасывали с себя империалистическое господство.

¹ Типичное валенсийское блюдо, приготовленное из риса и морских продуктов.

Сталин навещает меня

Если я не ошибаюсь, это было воскресенье. Я чувствовала себя уже довольно хорошо. Врачи позволили мне садиться, немного двигаться. В углу палаты сидел на стуле и читал книгу мой большой друг и превосходный медик, каталонский доктор Хосе Бонифаси, прибывший из Франции.

Вошла медсестра и объявила, что ко мне пришли посетители. И какие, как оказалось, посетители!

Это был Сталин, которого сопровождал Молотов.

Они решили навесить меня, узнать, как я себя чувствую, не нуждаюсь ли в чем-либо. Скоро я смогу вставать, уверяли они, ссылаясь на мнение врачей. Визит был очень сердечным.

Они удалились раньше, чем я пришла в себя от удивления.

Бонифаси, который сидел, не шелохнувшись, в своем углу, признался позже, что не верит в увиденное, настолько ему показалось все это не реальным.

Но это было на самом деле. Мой лечащий врач рассказал мне потом, что Сталин «приказал» быстро поставить меня на ноги.

Они прекрасно, считаю я теперь в свои восемьдесят лет, выполнили его поручение.

Выздоровливая после продолжительной болезни, я решила сделать то, о чем много раз думала и откладывала за недостатком времени.

Я собрала и привела в порядок записи и воспоминания, сделанные иногда наспех или в бессонные ночи. Дополняя их после прочтения заново, начала писать о том, что мне довелось пережить и что могло представить интерес. Так родилась моя книга «Единственный путь», изданная в Москве одновременно на двух языках — испанском и русском в 1962 году.

Когда я писала ее, то убедилась: иногда часы можно повернуть назад — более далекие воспоминания возникают в памяти с необычайной ясностью и, наоборот, труднее

вспомнить более поздние события. Я легко восстанавливала в памяти далекое прошлое: годы детства и отрочества, окружение, в котором росла в горнорудной зоне Бискайи.

Откровенно говоря, мое намерение написать эту книгу было вызвано желанием рассказать своим внукам, молодежи о том, как возникло и развивалось рабочее движение в нашей стране, о трудных дорогах борьбы, о жертвах и подвигах трудящихся, всего испанского народа в годы республики и гражданской войны. Чтобы, прочтя книгу, они узнали о нашей жизни и сопоставили свои радости и горести с нашими.

Несомненно, благодаря огромному интересу, который вызвала в мире эпопея испанского народа, книга «Едиственный путь» была переведена на многие языки — уж и не знаю на сколько — и издана в Соединенных Штатах, во Франции, в Италии, Аргентине, Мексике, на Кубе, в Финляндии, Норвегии, Японии, Турции, ГДР и ФРГ, Румынии, Венгрии, Польше, Чехословакии... Однако только двадцать лет спустя она увидела свет в Испании.

В то время — я имею в виду шестидесятые годы — руководство партии поручило мне и группе товарищей, находившихся тогда в эмиграции, — Антонио Кардону, Мануэлю Аскарате, Хосе Сандовалю, Ирене Фалькон, Луису Балагеру — написать краткую историю Коммунистической партии Испании. Задача была сложной. Наши архивы находились далеко, хотя мы располагали испанскими документами из архивов Института марксизма-ленинизма в Москве. Эта «знаменитая» краткая история КПИ имеет свою занятную «историю». Коллектив авторов еще не завершил работу по подбору и обработке имевшихся документов, когда я получила второе задание: написать как можно быстрее небольшой очерк, предназначенный для молодых рабочих, в котором рассказывалось бы в общих чертах об истории партии коммунистов за сорокалетний период ее существования. Это было в начале 1960 года.

Так мы и сделали: подготовили краткую историю, с тем чтобы обсудить текст с товарищами из руководства партии во время совещания, которое намечались провести во Франции. Однако руководство партии ввиду срочной необходимости располагать каким-то материалом подобного рода решило опубликовать ее в таком виде, как она была составлена. К нашему величайшему огорчению, книга, задуманная как популярное изложение истории нашей

сорокалетней борьбы, со всеми недостатками, присущими работе, сделанной в срочном порядке, появилась с претенциозным заглавием, под которым, возможно, некоторые читатели и знают ее: «Краткая история Коммунистической партии Испании». Я готова была провалиться сквозь землю.

Занявшись изучением истории, мы отважились начать подготовку обширного труда: четырехтомника под названием «Война и революция в Испании. 1936—1939». К упомянутой группе авторов присоединились консультанты Хуан Модесто, Мануэль Маркес, Педро Матео Мерино, Висенте Каррион и Луис Галан. Историки Элоина Рапп и Альберто Гонсалес участвовали в подготовке двух последних томов.

Однако очень скоро мы убедились, что «изучение истории» в известном смысле не совмещается с нашей повседневной деятельностью. Зачастую нам приходилось оставлять книги и архивные документы, чтобы подготовиться к докладам, присутствовать на конгрессах и собраниях в различных странах. Нам давали новые поручения, далекие от «истории».

Стоит вспомнить, как изменился характер работы Хосе Сандовалья: он перестал «писать историю», чтобы включиться в подпольную борьбу в самой Испании. Он был впоследствии арестован и осужден на десять лет тюрьмы. В камере он сменил перо на кисть, рисовал портреты рабочих и крестьян, и это облегчило ему тяжелые годы заключения.

Все это я рассказала для того, чтобы объяснить причины долгой работы над книгой «Война и революция в Испании». Четвертый том ее появился в 1977 году.

Этот труд, опубликованный в Москве на испанском и русском языках, был распространен во многих странах Латинской Америки. В Испании он мало известен.

*Воспоминания
об Индалесио Прието.
Парламентарии,
и в Москве?*

С характерной для Индалесио Прието едкой иронией он написал в начале пятидесятых годов, что, если бы Долорес Ибаррури захотела, она могла бы собрать в Москве всех членов Постоянного комитета республиканских кортесов.

Прието сам наделил меня этими полномочиями, поскольку я, как вице-председатель республиканских кортесов, в связи с кончиной или уходом в отставку титулованных членов кортесов могла бы занять пост председателя испанского парламента в эмиграции.

Эта доставшаяся мне в наследство возможность вызвала некоторую панику в высших республиканских сферах, которые поспешили убедить Луиса Хименеса де Асуа отказаться от своей отставки, о которой он незадолго до этого объявил.

Было очевидно, что самого Прието не воодушевляла перспектива деятельности республиканских институтов в эмиграции — источника постоянных конфликтов.

Что касается коммунистов, то возникшая ситуация, весьма оригинальная, не представляла для нас интереса. Мы уже тогда видели будущее не в политических изменениях в стане бывших правителей республики; будущее было в самой Испании, в становлении новых поколений, которые начинали активно действовать на политической арене, демонстрируя новые взгляды... Они отвергали франкистскую диктатуру, искали другие пути решения проблем, стоящих перед нашей страной. Мы безоговорочно присоединились к этому политическому направлению, которое должно было привести наш народ к демократии.

Давая оценку деятельности Индалесио Прието и оставая в стороне курьезный факт с кортесами, который пришел мне на память, следует отметить, что я познакомилась с этим социалистическим лидером еще в годы моей молодости. Дело в том, что Прието начинал свою политическую деятельность в Стране Басков, где я родилась и выросла.

Позднее, в кортесах, когда я еще только приступила к своей депутатской деятельности, Прието имел обыкновение давать мне дружеские советы.

— Долорес, — как-то спросил он меня, — ты исправила свою речь, прежде чем передать ее для публикации в Официальном бюллетене?

Я ответила, что нет, мне это не пришло в голову.

— Произнося речь, — наставлял он меня, — случается повторяться или неправильно сказать какую-либо фразу, потом это можно исправить.

В другой раз он, как опытный полемист, посоветовал мне:

— Если тебя прервут во время выступления, сохраняй спокойствие и продолжай говорить, не сбиваясь с мысли.

Прошли годы, мы пережили тяжелые времена, войну, политическую борьбу, поражение, эмиграцию.

На пленуме Центрального Комитета КПИ в 1956 году я упомянула о высказываниях Индалесио против «холодной войны», против атомного оружия, против американских баз в Испании, высказываниях, которые совпадали с нашей позицией по этим вопросам.

Единство социалистов и коммунистов, единство рабочего класса было и в прошлом, и в настоящем исторической необходимостью.

«Разрешите мне, товарищи,— сказала я на этом пленуме,— с вашего согласия обратиться с трибуны Центрального Комитета Компартии к Индалесио Прието, как самому выдающемуся руководителю Социалистической партии Испании, чтобы сказать ему: критикуйте нас, если на то имеются основания, даже критические выступления наших противников могут принести пользу, но и мы не будем молчать. Начнем диалог, которого так желают республиканские силы.

Недавние выступления баскских и наваррских трудящихся показали, что сопротивление и классовая сознательность, которые Социалистическая партия разбудила в них в годы героической борьбы и которые КПИ затем подняла на новую ступень, не были окончательно подавлены франкистскими репрессиями.

В этой борьбе участвовали рабочие — социалисты, коммунисты, националисты и традиционалисты. Если они объединяются в борьбе, то почему бы и нам не найти общий язык?

В своей речи накануне 1 мая я предлагала вам создать движение, которое могло бы называться Испанской солидарностью. На какой основе? С какой программой?

Компартия начала проведение политики антифранкистского Национального фронта, которая нашла отклик внутри страны, но против которой вы упорно возражаете.

Для нас, коммунистов, главное не название, а содержание. Если Испанскую солидарность вы понимаете как бесспорный компромисс между правыми и левыми силами с целью покончить с диктатурой генерала Франко, вос-

становить демократические свободы и обеспечить национальную независимость, предоставив народу право высказаться демократическим путем, какой режим он предпочитает,— это как раз то, что мы предлагали как цель и основу Национального фронта. Если в качестве условия вашего согласия на объединение антифашистских сил вы требуете, чтобы вместо Национального фронта этот блок политических сил был назван Испанской солидарностью, наша партия не видит никаких препятствий для этого, ибо дело, повторяю, не в названии, а в содержании».

Это послание было утверждено Центральным Комитетом и отправлено Прието.

В 1960 году ему было передано мое личное послание, где я приглашала его приехать в Москву, чтобы встретиться и поговорить.

В 1962 году Индалесио Прието скончался в Мексике.

Он был видным политическим деятелем, выдающейся личностью, занимал высокие и ответственные посты в правительстве нашей страны.

Независимо от политических разногласий, которые возникли между нашими партиями в трудные годы гражданской войны и эмиграции, я лично уважала его за талант и энергию.

*Федерико
Гарсия Лорка
и моя грусть*

Отдохнуть... Выспаться... Уже много лет я не испытывала подобного состояния. Драматические переживания, борьба, тяжелые разлуки и страдания моих товарищей, подвергавшихся пыткам в Испании, лишили меня сна.

Врачи давали мне множество наставлений, как избавиться от бессонницы: гулять перед сном, считать до ста и тут же начинать снова, думать о приятных вещах!.. Ничто... ничто мне не помогало. Моя истощенная нервная система не поддавалась этим традиционным методам.

Симпатичный советский невропатолог попробовал другой способ: перед сном он садился рядом с моей кроватью и тихим, мягким голосом начинал говорить какие-то фразы, отдельные слова... Я слушала его, благодарная за внимание. Что он хотел: загипнотизировать меня? Я ждала результа-

та... из вежливости. Доктор продолжал говорить... говорить... Тогда я сказала ему как можно вежливее:

— Простите меня, доктор... но я не понимаю ни слова...

Доктор улыбнулся, пожал мне руку и сказал:

— Нет, конечно, нет, вы же Пасионария...

Из-за бессонницы я много читала в ночные часы. Читала, как в молодые годы, с увлечением. Одну книгу за другой, меняя тематику и авторов. Что я читала? Это были политические книги, теоретические исследования — наших авторов и авторов других стран; но особенно мне нравилось читать художественную литературу, произведения древних и современных историков, моего земляка Унамуно, падре Мариана, Сенеки, Бальмеса, Цицерона, Сервантеса... Русских классиков, французских... Я читала все книги, которые друзья и товарищи присылали мне из Франции, Америки, Испании.

В ожидании сна я временами перечитывала высказывания древних авторов об Испании.

«Испания была первой страной, которую захватили римляне, и последней, которую они подчинили себе», — писал Тит Ливий.

У грека Эстрабона я нашла такое откровение:

«Неразвитый человек презирает жизнь, мужество, умеренность, питает неприязнь к иностранному, стремится к одиночеству, испытывает презрение к союзам, к стремлению обрести свободу и независимость».

Размышления почти двухтысячелетней давности, которые мы заносили в свои блокноты.

Мне нравятся романсы, стихи, некоторые из них сохранились в моей памяти, и я впоследствии с удовольствием пересказывала их своим внукам. Это были стихи Эспронседы, Кеведо, Мачадо, Мигеля Эрнандеса, Альберти, Рехано, Лорки...

Однажды, много лет назад, мы, группа депутатов, пили кофе в компании с Лоркой и другими друзьями. Федерико смотрел на меня пристально, как бы изучая меня. Я говорила, рассказывала что-то... И Федерико мне сказал:

— Долорес, ты — женщина грусти, страдания... Я напишу о тебе поэму...

Несколько дней спустя Федерико отправился в свою Гранаду. И больше мы его не видели. Он не смог написать поэму о моей грусти... Но мое страдание стало еще более

глубоким после его смерти. Рука убийцы скосила в расцвете жизни одного из гениев испанской литературы.

Разве могла я заснуть?

«Пиренаика» переезжает

День за днем, ночь за ночью. Четырнадцать лет мы говорили с Испанией с помощью «Пиренаики».

Если в 1941 году в эфире работали десятки подпольных передатчиков с целью снабдить информацией народы стран, оккупированных фашизмом, то в 1955 году продолжала функционировать только «Пиренаика». В Испании все еще существовала франкистская диктатура, другие европейские страны были освобождены. Мы договорились с советскими товарищами перевести «Радио независимой Испании» в другую социалистическую страну, конкретно в Румынию. Советские власти, оказавшие нам столь действительную помощь в этом деле, обещали и дальше помогать и сотрудничать в обеспечении технических условий, которые дали бы возможность продолжать нашу работу.

В январе 1955 года мы перебрались со всем оборудованием радиостанции «Пиренаика» в страну с населением, схожим во многом с нашим.

С первого же дня мы были сердечно приняты румынскими товарищами, которые, выражая нам активную солидарность, создали благоприятные условия для нашей работы и жизни в их стране.

Я вспоминаю внимательное отношение к нам товарища Георге Георгиу-Дежа, бывшего тогда Генеральным секретарем Румынской компартии, и других румынских руководителей, готовность, с которой они разрешали возникавшие проблемы, — а их было немало — их личное дружеское отношение к нам и нашим семьям, их стремление, чтобы мы чувствовали себя хорошо в их стране.

Рамон Мендесона взял на себя руководство «Радио независимой Испании» и привлек новых сотрудников. Профессиональные способности нового руководства и непосредственная связь с Испанией через корреспондентов «Пиренаики» позволили добиться новых успехов. «Пиренаика» превратилась в самый надежный источник информации для испанцев, ее передачи слушали в городах и селах, в домах

и тавернах, в тюрьмах и горах. Их слушали в министерствах и в правительственных организациях.

Товарищ Николае Чаушеску, Генеральный секретарь Румынской компартии и глава правительства, после кончины Георгиу-Дежа, продолжал оказывать помощь «Радио независимой Испании», оперативно разрешая многочисленные технические и всякого рода иные трудности, которые возникали в процессе работы радиостанции. Чаушеску радовался вместе с нами успехам «Пиренайки». Сколько раз я выражала от имени нашей партии и нашего народа благодарность румынским товарищам за их эффективную помощь, позволявшую делать важнейшие передачи для ориентации и информации нашего народа вплоть до легализации Компартии в 1977 году. Тридцать шесть лет работало «Радио независимой Испании» в Москве, Уфе и Бухаресте!

Рамон Мендесона опубликовал превосходную книгу «Пиренаика», в которой он подробно описал огромную работу, проделанную «Радио независимой Испании». Он попросил меня написать предисловие, которое я и воспроизвожу здесь: «Чтобы сообщать правду, в эфире появилась «Пиренаика», как ее любовно называл народ. Правда всегда сопровождала ее передачи, начиная с первой, подготовленной нами с группой товарищей 22 июля 1941 года, и кончая последней, 14 июля 1977 года.

«Радио независимой Испании» было посланием надежды в бесконечные тяжелые годы репрессий.

Оно постоянно информировало народ, проникая в самые отдаленные уголки родины, призывая к единству всех испанцев, независимо от их политических взглядов, во имя завоевания свободы.

Эта радиостанция — рупор Компартии Испании — предоставляла передатчики всем, кто стремился к демократическим изменениям. Политика национального примирения, которую мы провозгласили в 1956 году, обрела в лице «Радио независимой Испании» последовательного защитника. Сегодня мы с удовлетворением убеждаемся в успехе этой политики и ее влиянии на все политические круги.

«Пиренаика» была единственной испанской радиостанцией, свободной от франкистской цензуры, ее работа — результат коллективных усилий тысяч ее сотрудников, входивших в широкую подпольную сеть, она добилась того,

что ее программы слушали даже в центральной тюрьме Бургоса.

Борьба народов за свое национальное освобождение, против империализма находила всегда горячую интернациональную поддержку нашей радиостанции. Мы приветствовали победу Советского Союза и антигитлеровской коалиции, революцию в Китае, борьбу корейского народа, вьетнамскую эпопею, кубинскую революцию, освобождение Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау и т. д.

Среди этих международных событий было немало и тяжелых, подобных пиночетовскому перевороту в Чили или уругвайской военной диктатуре, обескровивших братские народы. На разоблачении репрессий в этих странах мы делали особо острый акцент в своей работе.

Говоря о книге, хочу отметить, что ее главная ценность — в фактах. В ней нашли отражение важные аспекты политики Компартии, в ней рассказано о тех, кто своими усилиями помогли начать демократический процесс, который мы сейчас переживаем.

«Радио независимой Испании», возглавлявшееся в течение многих лет Рамоном Мендесона, выполнив свою миссию, прекратило работу. Но наш народ по-прежнему помнит его голос».

Бухарест меня очаровал

Я жила в Бухаресте в обществе очень дорогой мне супружеской четы Санти — Сантьяго Альвареса и его доброй жены Матильды.

Мы довольно часто вместе проводили время, когда мои внучата были еще маленькими.

Со мной работала девушка, получившая образование в СССР, — Мария Тереса Франсес. В 1956 году из Китая вернулась Ирене Фалькон. Она со своей сестрой Энрикетой и с группой испанцев работала в Народном Китае на радиостанции «Радио Пекина», где вела передачи на Испанию и Латинскую Америку, а также обучала испанскому языку студентов педагогических институтов.

Из Бухареста я часто ездила во Францию, в Италию, СССР и другие страны для участия в различных форумах.

Мне очень нравился Бухарест, его климат, его зеленые

зоны и, особенно, его народ, живой и радушный, его язык, который мы, даже не изучая, понимали, поскольку в нем было немало латинских слов.

Я близко познакомилась с различными районами этой балканской страны: с Карпатами, с зелеными полями, похожими на поля моей Страны Басков, с песчаными пляжами Черного моря, где отдыхают румынские трудящиеся и куда приезжают иностранные туристы.

Я видела в Риме знаменитую колонну Трояна, римского императора, родившегося в Испании, который в начале нашей эры завоевал Дакию, нынешнюю Румынию, сломив сопротивление ее мужественного народа.

При посещении красивейших пляжей Черного моря и его исторического города Констанца я прочитала горестные стихи несчастного Овидия, сосланного в девятом году нашей эры в далекую и такую для него холодную Дакию.

Мольбы его «Печалей» не были услышаны.

Блестящий латинский поэт, автор «Метаморфоз» так и не получил прощения могущественных правителей Рима и был похоронен здесь.

Во время моих утренних прогулок — я по-прежнему вставала рано — по широким бульварам Бухареста я часто встречалась с Петру Грозой, президентом социалистической Румынии, приветливым и приятным человеком, который тоже любил дышать чистым утренним воздухом.

В Народном Китае

Как все дети, я мечтала отправиться в один прекрасный день в Китай, загадочную страну, страну пагод и храмов, яшмы, фарфора и мандаринов, поплавать по Желтой и Голубой рекам, познакомиться с его тысячелетними легендами...

Рассказы Марко Поло подогревали наше детское воображение...

Победа революции в Китае, рождение Китайской Народной Республики вдохновили меня и вселили надежду. Это была новая, огромных масштабов победа народов...

Когда в 1956 году меня пригласили вместе с делегацией КПИ на VIII съезд Коммунистической партии Китая — первый съезд, который эта героическая партия проводила

в легальных условиях, я с искренним энтузиазмом отправилась в долгое путешествие Москва — Пекин.

В состав делегации входили Сантьяго Каррильо, Игнасио Гальего, Энрике Листер, доктора Хуан Планельес и Хосе Бонифаси. Мы с Планельесом пустились вместе в это длинейшее путешествие — девять дней в поезде, — воспользовавшись редкой возможностью полюбоваться несравненными пейзажами огромной России, ее степями, тайгой, озером Байкал, которое по своей глубине и красоте не имеет равных в мире, ее большими реками, упоминаемыми во всех учебниках географии. В честь сибирской реки Лены Владимир Ильич Ульянов взял псевдоним Ленин.

Мы не только любовались пейзажами, но и играли в шахматы. Планельес был известным испанским врачом. За научные работы в Советском Союзе, в Институте Гамалея, он был избран в члены Академии медицинских наук. Планельес лучше меня играл в шахматы, но, не знаю каким образом, я иногда выигрывала, выводя из себя моего друга — доктора.

На китайской территории все было другое: поля, возделанные, как произведения искусства, словно плетеное кружево; крестьяне и крестьянки в синей одежде, сидящие на корточках у грядок и приветствующие поезд, прибывший из другого мира; дома, совершенно непохожие на то, что мы раньше видели, украшенные орнаментами-символами, назначение которых — прогонять злых духов...

Мы, испанцы, были приняты китайскими друзьями с сердечной теплотой, теплотой товарищей, борющихся за одно и то же дело. Когда мы сражались против гитлеровских пособников Франко, они воевали против японского агрессора и против Чан Кайши.

В тридцатые годы Мао Цзедун и Чжу Дэ направили нам послания братской солидарности.

Я познакомилась с Мао Цзедунем, Чжу Дэ, Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци и другими китайскими руководителями на заседаниях Коминтерна. Меня всегда поражали их ум и напряженная, упорная долголетняя борьба. Теперь мне представилась возможность снова увидеться с ними в их собственной стране, освобожденной от захватчиков и колонизаторов, на их родине, которую народ отвоевывал пядь за пядью.

VIII съезд Компартии Китая произвел на меня огромное

впечатление. На нем было выдвинуто немало новых для нас идей и подходов, присущих стране, вернее сказать миру, отличному по своему образу мышления и жизни от всего известного нам до сих пор.

На съезде присутствовали делегации всех коммунистических партий. Мы приветствовали от имени нашей партии и нашего народа победу китайской революции, новый Китай, привезли в Пекин голос Испании, которая продолжала сражаться против фашизма, за свободу и демократию.

Наше время пребывания в Китае было ограничено. И все же нам удалось посетить легендарную Великую китайскую стену, которая величественно вписывается в горы, равнины и холмы, протянувшись, как нам сказали, на почти тринадцать тысяч километров. Цифры, которые поражают любого посетителя этой страны! Мы свободно проникли в Запрещенный город, открытый для народа, смешавшись с толпой китайцев, которые смотрели на нас с любопытством и улыбками. Другим чудом, поразившим нас, было народное шествие на площади Тянаньмень — огромный красочный поток людей с цимбалами, длинными драконами, с бросаемыми в воздух яркими лентами и цветами.

Я хорошо помню встречу с крупным китайским капиталистом, который не захотел эмигрировать, предпочтя остаться в своей стране и работать на смешанном частно-государственном предприятии. Он объяснил нам, что родился в семье китайских собственников, любивших свою родину. Самое печальное для китайца, утверждал он, скитаться по другим странам, чувствуя себя человеком низшего сорта. Он негативно относился к коммунистическому правительству, но согласился работать на своем предприятии и участвовать в его прибылях.

Прежде чем пуститься в обратный путь из этой необъятной страны, насчитывавшей в то время шестьсот миллионов жителей, а сейчас — более миллиарда, мы были приняты Мао Цзедуном, Чжоу Эньлаем, Чжу Дэ. Это были очень разные люди: Мао — удивительное сочетание политического, военного деятеля и поэта. С нами он был мягок и очень сердечен. Чжоу Эньлай — очень живой, остроумный, хорошо говорил по-французски. Чжу Дэ — ветеран партии, участник Великого похода — относился к нам с восхищением, видя в нас боевых товарищей.

Проинформировав о положении в Китае, о его достижениях и больших трудностях, они стали подробно расспрашивать нас о развитии антифранкистской борьбы в Испании, о нашей партии и народе.

Мы рассказали о многом, постарались разъяснить суть нашей политики национального примирения. Но нас разделяла — во времени и пространстве — китайская действительность.

Мао слушал нас, кивал головой, а затем, немного подумав, воскликнул: «Десять тысяч лет политике национального примирения!»

Позже мне объяснили, что китайцы употребляют выражение «Десять тысяч лет жизни», когда хотят сказать «Да здравствует!».

Братское спасибо за горячее гостеприимство, с каким нас принимали в Китайской Народной Республике.

* * *

Несколько лет спустя по приглашению китайских товарищей мы снова приехали в Китай, чтобы принять участие в торжествах, посвященных десятой годовщине Народной республики. Мы снова с удовольствием путешествовали по стране. Помню, нас сопровождали товарищи Хосе Мокс, Себастьян Сапирайн, Амбросио Сан-Себастьян, Маноло Аскарате и поэт Рехано.

Мне хотелось посетить Яньань в северной провинции Шанси. Этот город привлекал меня тем, что занимал важное место в китайской революции и в жизни ее руководителей. В Яньани я побывала в пещере, где Мао Цзэдун жил с женой до 1947 года. Пещера была скудно обставлена: письменный стол, дощатая, типично китайская кровать, окошко, из которого виден маленький огород, который Мао Цзэдун обрабатывал сам.

В Яньани Мао обосновался со своими генералами после Великого похода протяженностью в тысячи километров. Он сам описал его так:

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

*Для Красной Армии не страшен поход.
Что тысячи рек и на скалах лед?
Пять круч ей — как волн невысоких взлет.
Умыньские горы она пройдет,*

*Цзиньша с пути волной собьет,
Мост Даду стужей стальной не прожжет.
Хребет Миньшань в снегах позади —
На наших лицах радость цветет¹.*

Мне рассказали, что атмосфера, в которой жили китайские руководители в Яньани, была простой, товарищеской, они много и самоотверженно работали.

Мао трудился по ночам: учился, разрабатывал планы военных операций. Его девиз — выжидание, сопротивление и нанесение удара в наиболее подходящий момент.

Я имела честь спать на кровати, которую в свое время занимал военный и политический руководитель Чжу Дэ. Деревянная кровать была покрыта пуховой периной. В ту ночь я думала о том, что расскажу обо всем увиденном своим внукам.

Мы посетили Юхань — в то время новый промышленный район и университетский город, окруженный живописными озерами. Как китайцы умеют мастерски совместить современность с историей!

Шанхай удивил нас меньше: это большой современный город западного образца, такой, как Лондон, Берлин или Нью-Йорк.

Нанкин же, древняя столица Китая, где похоронен прославленный государственный деятель Сунь Ятсен, нас очаровал.

Мы пересекли Голубую и Желтую реки на живописных китайских джонках. Молодые и воодушевленные китайские переводчики и гиды повезли меня познакомиться с новой жизнью, с народными коммунарами, с их школами и детскими домами, амбулаториями, с заботливым отношением к старикам и детям. В швейной мастерской мне захотелось проверить, как действует старая швейная машинка «Зингер» — такие были в моем поселке. Она работала хорошо. Меня возили в горнорудный район, где я беседовала с шахтерами, одетыми в голубые спецовки.

Хуан Рехано сочинил поэму об очаровательной китайской переводчице, которая сопровождала нас во время путешествия по ее стране:

¹ Перевод А. Суркова.

*Посещение шахты
во время пребывания
в Китае.*

ЧАО

*Словно легкая бабочка,
радость для слуха и глаз,
она появилась с Востока
и в речь мою вплелась.
Прекрасная, словно роза,
объединила нас мудро,
юная, так похожая
на это свежее утро.
Полет ее грациозен,
стремителен и упрям.
На крыльях бабочки-розы —
слова, понятные нам.*

*Она — как лотос цветущий.
Все в ней нам по душе!
Это — моя переводчица,
зовут ее Чао Миншен.*

Хуан Рехано

Чунцин, октябрь 1959 г.

*Астурия —
это борющаяся
Испания*

Незадолго до Дня национального примирения в статье, переданной по радио «Пиренаика», я писала о росте забастовочного движения в Испании и, в частности, о забастовке шахтеров Валье-де-Налон. Ниже привожу выдержки из этой статьи:

«...Оттепель, так давно ожидавшаяся, началась. Астурия своей борьбой возвестила о наступлении весны в Испании.

Сколько чувств вызвало это известие у испанских трудящихся, у всех демократов; сколько воспоминаний о прошлом, уже далеком и тем не менее таком близком и таком живом!

Астурия — край горнорудный и металлургический, крестьянский и рыбацкий. После поражения республиканских сил начался страшный ужас франкистских репрессий. Не было семьи в горнорудной зоне, которая не носила бы траура, которая не испытала бы тюремных застенков, пыток, горькой разлуки.

Марокканцы, наемники и легионеры, наделенные каудильо — католиком, христианином всей полнотой власти — каков хозяин, таковы и слуги — были посланы навязать с помощью оружия свой порядок и мир, цивилизацию и культуру в Астурии Реконкисты, в Астурии Пелайо и Ковадонги, в Астурии патриотических хунт 1808 года, в Астурии Кампоманеса и Ховельяноса.

Астурия нашла в себе силы не покориться, не отречься от своего героического и боевого прошлого. Несмотря на страдания и пролитую кровь, в глубине ее тел огонь несогласия, сопротивления. Бурные потоки фалангистской демагогии, изливаемые на Астурию всеми средствами пропаганды, прокатились по камням, но не проникли внутрь.

Молодое поколение, шахтеры, в прошлом крестьяне, начиная работать в шахтах, уже знают, за что боролись

их отцы, их деды. Здесь все напоминает прошлое. В этом — источник продолжающейся борьбы шахтеров, их несокрушимой стойкости.

«Все дает шахта» — поется в одной шахтерской песне. «Все дает шахта» — это правда наполовину. Да, там находится уголь: в галереях, колодцах, наклонных шахтах, глубоко под землей. Там он и оставался бы, если бы шахтеры не добывали его, не грузили в вагонетки, не поднимали на поверхность земли.

Надо напоминать об этом — иногда подобное забывается, — чтобы понять, за что борются шахтеры, почему они объявляют забастовки, почему требуют повышения зарплаты и сокращения рабочего дня.

Когда франкистское правительство приписывает забастовки в Астурии «внешним силам», оно лжет. Лжет испанцам и лжет всему миру, пытаясь представить свои репрессивные меры как борьбу против коммунизма, чтобы продолжать террор, исправно выполнять свою подлую роль знаменосца антикоммунизма и выпрашивать новые долларовые подачки.

Вина за забастовки и протесты лежит на самом правительстве, проводящем антинациональную политику.

Только одно верно в заявлении правительства: стачки имели политический характер. Но это вина не трудящихся, а профсоюзов, следствие характера режима. Профсоюзы созданы правительством. Правительство определяет, когда должна повышаться зарплата, а когда нет, как надо работать, какова должна быть производительность труда, сколько часов должен продолжаться рабочий день. Правительство выступает как представитель интересов финансовой и промышленной олигархии, как защитник интересов крупных акционерных обществ. Поэтому каждый трудовой конфликт превращается в борьбу против правительственной политики, а следовательно, против правительства, которое ее проводит. С каждым днем все более крепнет в рабочем классе и в социальных слоях, не принадлежащих к пролетариату, убеждение, что надо изменить существующее положение, установить в Испании другой политический порядок.

Борьба шахтеров, всех испанских трудящихся находит отклик, встречает симпатии и поддержку во всем мире. Ее поддерживают, передавая по радио послания солидарности, Всемирная федерация профсоюзов, Международная

конфедерация свободных профсоюзов, чилийские трудящиеся, советские и югославские шахтеры, французские трудящиеся.

Нынешние забастовки поднимают проблему, которая уже назрела и решение которой нельзя больше откладывать,— проблему независимости профсоюзов, выход предпринимателей из организаций, призванных на деле представлять интересы и волю трудящихся.

Последние выборы в профсоюзах подтвердили очевидность этого. Рабочие избрали профсоюзными делегатами не тех, кого называли власти, а тех, кого они выдвинули сами.

Эти профсоюзные делегаты являются выразителями мнений и защитниками интересов трудящихся перед властями и администрацией предприятий, они с честью выполняют миссию, возложенную на них рабочими.

Именно поэтому репрессии направлены в основном против этих профсоюзных делегатов, которые, оставаясь верны своим товарищам, своим братьям по классу, отстаивают требования трудящихся на шахтах и заводах.

По своему характеру и размаху нынешняя борьба рабочего класса превышает масштабы прежней борьбы и протестов. Растет сознательность рабочего класса, уровень его политической зрелости. Он осознает общенациональное значение своей деятельности, понимает, что своей борьбой облегчает борьбу и перегруппировку всех сил оппозиции. Есть надежда, что силы оппозиции преодолеют разногласия и непонимание, объединят свои усилия, чтобы начать решающую битву с диктатурой».

Драгоценная кровь Испании

Каждый день, почти каждый день, после получения сообщения об очередном «павшем» товарище нашу эмиграцию охватывает волнение. К бесконечному числу жертв в наших рядах добавляется новое имя.

И тогда передо мной возникают их лица, их глаза: Симон Санчес Монтеро, Орасио Фернандес Ингуансо, Лусио Лобато, Мигель Нуньес, Лопес Раймундо, Рамон Ормасабаль, Маркос Ана, Фабрисано Рохер, Херардо Иглесиас, Карлос Эльвира, Мелькесидес Родригес, Хосе Сандоваль, Сантьяго Альварес, Себастьян Сапирайн,

Франсиско Ромеро Марин, Матильде Ланда, Мануэла Санчес, Петра Куэвас, Хуанита Корсо, Мерседес Гомес, Эрикета Отеро, Исабель Санс Толедано, Константина Перес, «тринадцать роз» и сколько, сколько еще...

Мы испытывали одновременно боль и гордость. Гордость за стойкость и мужество наших томящихся в тюрьмах товарищей, которые никогда не дадут себя ни сломить, ни покорить.

Об их героизме и самоотверженности свидетельствует заявление Симона Санчеса Монтеро, сделанное им в полицейском участке. Приняв на себя ответственность за деятельность мадридской партийной организации, он закончил свое заявление словами: «Меня зовут Симон Санчес Монтеро, я член Центрального комитета и исполкома Компартии Испании. Я сказал все, что хотел сказать. Больше не скажу ничего, это не позволяет Устав партии».

Арестованные коммунисты, за редким исключением, отказывались давать показания перед франкистской полицией.

«Вы можете лишить меня жизни, но не достоинства», — бросил в лицо своим палачам партизан Сегундо Вильябой.

Доротес Ибаньес был связным между руководством партии и партизанской группировкой в Леванте. В 1951 году, когда она была распущена, он перебрался во Францию и стал добиваться при поддержке испанских и французских друзей законной легализации своего положения. Однажды, когда он явился в соответствующую инстанцию, французская полиция арестовала его и отправила на испанскую границу, выдав через сутки франкистским властям. В результате пыток, которым его подвергли в генеральной дирекции безопасности, он скончался. Министром внутренних дел Франции в то время был социалист Жюль Мок.

Астурийский шахтер Кристино Гарсиа в возрасте шестнадцати лет вступил добровольцем в народную армию, воюя в ее рядах, он получил звание майора. После поражения Республики он испытал судьбу тысяч ее бойцов: концлагерь, работа в шахтах во Франции. После оккупации Франции гитлеровцами Кристино Гарсиа организовал партизанский отряд в департаменте Гар. Был командиром 3-го партизанского дивизиона. Участвовал в освобождении ряда городов, за что был награжден французским правительством после освобождения страны.

Кристино вернулся на родину, чтобы продолжать борьбу, освободить свою Астурию, свою Испанию. Он командовал партизанским отрядом, был схвачен вместе с группой товарищей и приговорен к смертной казни.

Перед расстрелом Кристино написал мне следующие строки:

«Товарищу Долорес... Только несколько слов: группа коммунистов ожидает исполнения смертного приговора. Когда ты получишь это письмо, нас уже, наверное, не будет в живых. Однако мы хотим сказать тебе, что никто не смог вырвать слова жалобы из наших уст, никто из нас не запятнал имя нашей славной партии, которой ты руководишь. С тех пор как мы попали в когти испанских гестаповцев, нашей главной заботой было поднять как можно выше имя нашей партии. При любой попытке нанести оскорбление партии твои ученики, коммунисты,— если бы ты видела это,— как один, вставали на ее защиту.

Нас схватили, нам не повезло, но мы знаем, что остались тысячи испанцев, коммунистов и некоммунистов, которые покончат с этим террором. Твое имя, Долорес,— это наше знамя. И мы отдадим свою жизнь, чтобы не запятнать его, ибо гордость от сознания честно прожитой жизни, от того, что достойно несли звание коммунистов, дороже собственной жизни.

Для меня не имеет значения, что скажут фашисты, главное — что скажет мой народ, которому я обязан и которому обязаны мы все. За него, за его свободу я боролся и буду бороться до конца. Будьте уверены, товарищи, что скромный член славной Коммунистической партии сумеет умереть так, как умирают коммунисты.

Кристино Гарсиа

Тюрьма Карабанчель, 15 февраля 1946 г.».

Хосе Гомес Гайосо был известен в стране. Руководитель партии в своей родной Галисии, он героически боролся в условиях подполья. Был схвачен, подвергнут пыткам и расстрелян.

«...Я хочу,— писал он своей жене Конче,— если у меня хватит сил, оставить письмо для товарища Долорес... Она, Конче, придавала мне силу и стойкость, чтобы вынести все пытки. Всякий раз, когда мне казалось, что схожу с ума, я говорил себе: «Долорес сказала, что коммунистов можно убить, но их нельзя сломить». И они меня не сломили. Как не сломили до сих пор и других товарищей».

Мануэль Понте, галисийский партизан, расстрелянный в мае 1947 года, отправил за несколько месяцев до расстрела письмо английскому послу в Испании. Я привожу из него следующий абзац:

«Мы как столетние дубы Галисии, которые, будучи разбиты молнией, поломанные и лишенные сучьев, рано или поздно вновь становятся крепкими и ветвистыми, ибо своими корнями глубоко вросли в эту раскаленную землю. Отсюда и сила нашего сопротивления».

Рафаэль Альберти страдал вместе с нами, он написал:

*Кровь Гомеса Гайосо,
чистая, полная отваги,
кровь Антонио Сеоане,
Диегеса, Ларраньяги,
Виа, Кристино и Росы.
Долины, реки от крови багровые!
Кровь Агустина Сороа!
Море пролитой крови!
Кровь Мануэлы Санчес!
Драгоценная кровь Испании!*

Гомес Гайосо был воином и поэтом:

ТАК ПЕЛИ СОСНЫ ВЕРАМАРА

*Поет сосна неустанно
под солнцем, горящим ало:
счастлива та, что познала
любовь молодого партизана.
Гальярдо — певец забытых
подвигов, дней недужных.
Сила духа — его оружие,
отдых его и битва.
На просторе безбрежном
воспевают рассвет яро
сосны Верамара
шелестом своим нежным.*

*Герои великого фронта!
В жарком бою однажды,
исполнен жизненной жажды,
пал товарищ Понте.*

*Сердце любимой — рана.
Не плачь, что бы ни стало!
Счастлива та, что познала
любовь молодого партизана.*

*Герой, в битве упавший,
задохнувшийся в диком беге,
нуждается не в элегии,
а в триумфальном марше.*

*Герои великого фронта
по-прежнему неустанны,
и ты, товарищ Понте,
продолжаешь быть капитаном.*

*Над могилой его будут ветры бродить,
будут цветами играть...
Не плачь, потерявшая сына мать.
Не надо его будить!*

XX съезд

Среди множества событий есть такие, которые вызывают потрясение во всем мире. В 1953 году умер Сталин. Не знаю почему, но это было для нас неожиданным, казалось — неразумно, конечно, — что Сталин будет жить всегда...

Его смерть привела в замешательство социалистических и демократических лидеров многих стран, которые уважали руководителя Советского государства, страны, победившей гитлеризм. Коммунисты всей Земли почувствовали какую-то пустоту.

Выступая на различных мероприятиях, я вспоминала советского лидера с уважением, которое в то время, мы, испанские коммунисты, испытывали к Сталину.

Три года спустя состоялся XX съезд КПСС. В делегацию КПИ на съезде входили Антонио Михе, Висенте Урибе, Энрике Листер, Фернандо Клаудин и я.

В докладе, с которым выступил Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев на первом заседании съезда, содержались новые теоретические положения: возможность мирного перехода к социализму и отсутствие фатальной неизбежности мировой войны. Эти положения

придавали новые силы, открывали широкие перспективы перед коммунистами, социалистами, всеми демократами, в особенности на Западе. Закончился этот памятный съезд необычно. Когда мы, приглашенные, покинули Дворец съездов в Москве, а некоторые уже улетели в свои страны, продолжались заседания за закрытыми дверями. Затем последовал взрыв. Никита Хрущев сделал доклад (он до сих пор не опубликован), в котором открыл неизвестную, потрясающую страницу из истории сталинского периода.

Проанализировав личность Сталина в последние годы его жизни, советские руководители раскрыли нам глаза на горькую и грустную действительность, которой мы не знали. Она произвела на нас такое тяжелое впечатление, что лучше было бы жить в заблуждении.

Да, мы, коммунисты, боролись за справедливость, но могли ли мы подтвердить это, поняв, что ошибались, и даже признав ошибочность наших представлений о личности Сталина?

С тех пор много воды утекло, а нам пришлось пережить очень трудные времена. О Сталине написано много, однако глубоких научных исследований, по моему мнению, мало или почти нет. Когда-нибудь, как нам кажется, это будет сделано. В истории ничего невозможно скрыть: рано или поздно все выходит на поверхность. О личности Сталина, о всех его чертах, позитивных и негативных, когда-либо нам расскажут те, кто сможет и сумеет это сделать.

И все же как реагировал в 1956 году на эти события настоящий коммунист?

Коммунист продолжал борьбу, изучая и исправляя ошибки, независимо от того, какими бы серьезными они ни были; преодолевал новые препятствия и двигался, двигался вперед... по тяжелому пути, который ему предстояло преодолеть...

Известный ученый Сантьяго Рамон-и-Кахаль говорил, что «только упорная борьба за справедливость оправдывает жизнь и приносит утешение от боли и несправедливости».

Мы верны своим идеям. Люди, личности, лидеры нашего движения играют исключительную роль в общественном развитии. Но, как и все люди, они могут ошибаться. Что дает нам уверенность и силу, так это наши идеи, наша марксистская идеология.

Кто-то сказал, что слабых духом вдохновляют люди, сильные своими идеями.

Мы знаем и повторяли это тысячи раз: решающая роль в истории принадлежит народным массам.

Мы знаем, что Маркс, Энгельс, Ленин энергично выступали против культа личности в революционном движении. Они расценивали его как один из самых тяжелых пережитков прошлого.

Маркс и Энгельс выступали против всего того, что могло привести к любому виду преклонения перед авторитетами.

Ленин настаивал на том, что «ум десятков миллионов творцов создает нечто неизмеримо более высокое, чем самое великое и гениальное предвидение».

И все же так называемый культ личности проник во времена Сталина и в наши ряды и часто становился рупором наших идей. Преувеличивалась роль руководителей, замалчивались их ошибки и недостатки, что затрудняло активное участие членов партии в выработке политики партии.

После XX съезда КПСС Центральный Комитет нашей партии подверг серьезной критике наши методы работы и направил усилия на исправление всего, что не соответствовало принципам коммунистической партии, руководствующейся идеями научного социализма. Были учтены ошибки, отвергнуты методы работы, ведущие КПИ к узкому и слепому сектантству, затрудняющему участие ее членов в выработке политической линии и приводившему к возникновению вождизма у некоторых товарищей, стремившихся взять на себя разного рода задачи, которые можно было решить при активном участии всех организаций партии.

Политику нашей партии должны вырабатывать и проводить в жизнь мы сами, испанские коммунисты, изучая при этом опыт, успехи и неудачи других коммунистических партий и революционных движений и исходя из марксистской теории, а главное — проводить эту политику применительно к условиям своей страны. Другими словами, «конкретное изучение конкретной обстановки», о чем говорил В. И. Ленин.

В дальнейшем мы стремились к тому, чтобы допущенные ошибки были нашими ошибками и мы могли бы понять их и исправить сами.

Национальное примирение

Идея примирения всех испанцев содержалась, как мы отмечали, уже в наших политических предложениях сороковых годов.

Эта идея была сформулирована, приобретя четкие очертания и форму, при анализе партийным руководством политических перемен, происшедших в Испании.

Хорошо известны предложения, сделанные руководителями партии по пересмотру политической линии КПИ.

Необходимость национального примирения отчетливо выявилась в ходе широких обсуждений и была отражена в принятом руководством партии документе от 19 мая 1956 года. В декларации КПИ «За национальное примирение», опубликованной в июне того же года, были намечены основные направления этой политики.

На пленуме Центрального Комитета КПИ, проведенном в августе 1956 года в ГДР, я выступила с докладом, подготовленным партийным руководством, об изменении тактики партии с целью достигнуть примирения испанцев в новых условиях, возникших в нашей стране, и ускорить устранение мирным путем диктатуры генерала Франко. Главная идея моего доклада состояла в том, чтобы убедить, что наш призыв к национальному примирению — это новое направление в испанской политике, открывающее путь к перегруппировке национальных сил, заинтересованных в мирном осуществлении политических перемен в Испании.

«...Слабеет дух сил, поддерживающих Франко,— утверждала я тогда,— по всей стране набирает силу, растет и ширится новое чувство гражданской ответственности.

Именно поэтому мы считаем, что пришло время сказать нашим вчерашним противникам: «Довольно гражданской войны! Довольно делить Испанию на красных и голубых!»

Тот авторитет, которым пользуются коммунисты, самые преследуемые франкизмом из-за их непоколебимой борьбы... дает нам право открыто сказать нашему народу, всем гражданским и военным силам, входящим в лагерь оппозиции: «Мы хотим достичь с вами политического компромисса. Компромисса для борьбы за минимальные демократические свободы: свободу ассоциаций и собраний,

свободу печати и слова — как первого шага на пути к примирению испанцев».

Для того чтобы достичь этого примирения и возможности жить и трудиться в Испании, каждая из национальных и политических сил должна быть готова пойти на взаимные уступки.

Возможность достижения национального примирения, которое предлагает Коммунистическая партия, основана на реально существующей действительности.

За семнадцать лет существования франкистского режима в национальном сознании сформировалось чувство коллективной солидарности среди различных социальных классов и групп, появилось убеждение в необходимости вернуть Испании ее суверенитет и обеспечить ее прогресс и развитие».

Историческое значение Дня национального примирения

Необходимость национального примирения осознается самыми различными слоями испанского общества, облегчая борьбу против диктатуры.

Эта идея появилась в документах церковных властей и в выступлениях представителей франкистской оппозиции.

В 1958 году в Испании прошел День национального примирения, который содействовал распространению идеи и стремления создать в стране климат гражданского сосуществования, который обеспечивает оппозиционным силам возможность свободного обмена политическими идеями.

Через «Пиренаику» под псевдонимом «Хуан из Герники» я послала в эфир несколько страничек текста, озаглавленного «Историческое значение Дня национального примирения»...

«Великий русский революционер XIX века Герцен говорил, что у «консерваторов есть глаза, только они не видят. Больше скептики, нежели апостол Фома. Они трогают пальцем рану и не верят ей».

Вчера мы, коммунисты, были единственными, кто говорил, что этот путь неизбежен. Сегодня нас в этом поддерживают миллионы.

Но как все же облегчить мирный переход к новому режи-

му и не вызвать катастрофического краха или взрыва насилия?

Выдвинув идею проведения политики национального примирения, Коммунистическая партия Испании оказала неоценимую услугу народу и родине, открыла новые перспективы для политического и социального развития Испании. Те, кто не хочет этого понять, недалководидны.

Политика национального примирения, предложенная КПИ, положила начало диалогу, сломала барьеры, которые франкизм воздвиг между испанцами, поддерживая дух гражданской войны, размахивая призраком угрозы реванша со стороны побежденных; КПИ сделала самое трудное: сблизила испанцев под знаменем мира на основе политики, отвечающей желанию большинства испанцев.

Франкизм, паразитирующий на живом теле Испании, — это моральная и физическая нищета, политический застой, обогачение меньшинства за счет жизненных сил страны и всего народа.

Следовать и дальше по этому пути — значит погибнуть. Уйти от борьбы против такого положения — значит уходить от исторической ответственности, с чем ни один честный испанец не согласится. А бороться против такого положения — не означает возвращения ни к недавнему прошлому, ни к давно прошедшему.

Ни одна из политических или социальных проблем не рассматривается сегодня с позиций 1936, ни даже 1931 года.

Положение в Испании изменилось, изменилось сознание людей, в соответствии с этими переменами должны измениться и политические формы жизни.

Как этого и следовало ожидать, этот естественный неизбежный и неудержимый процесс явился отражением объективных законов, действующих независимо от воли людей.

Не хотеть видеть этого — значит закрывать глаза на очевидное. Пытаться противиться развитию этого процесса — означает создавать условия для взрыва насилия, усиливать шторм на море, который погонит волны на мол и разобьет его.

Коммунистическая партия, предложив политику национального примирения, не изобрела ничего нового. Она уловила этот процесс и воплотила в политические действия то, что уже созрело в сознании людей».

Председатель партии

В стране разворачивались события, которые в будущем могли привести к политическим переменам, росло число групп, руководителей, тенденций, имевших антифранкистскую направленность.

Партия поддерживала отношения с различными силами, которые могли бы в будущем стать участниками оппозиционного движения или уже являлись ими.

Необходимо было постоянно быть в курсе тех перемен, которые происходили на политической арене страны. Нужно было точно знать мнение наших товарищей в Испании, партийного руководства в Париже.

Я уже давно была озабочена своим местонахождением. Я могла бы переехать в Париж, работать там. Но и во Франции мы были вынуждены жить в подполье. Для всех товарищей это было тяжело и трудно. Для меня же это вообще было невозможно. Я пробовала много раз. Во Франции мне приходилось жить взаперти, даже не имея возможности выходить из дома, чтобы не быть узнанной. Стоило мне появиться на улице или в других общественных местах, люди подходили и приветствовали меня: «О, Пасионария!» Я не могла пойти на это. Сами французские товарищи настаивали, чтобы в этой ситуации я соблюдала строгую конспирацию.

В таких условиях было трудно, а иногда просто невозможно принимать товарищей, приезжавших из Испании, общаться с людьми, обмениваться впечатлениями, присутствовать на собраниях. То есть в полном объеме выполнять свои обязанности генерального секретаря партии.

Как я сказала, меня давно уже волновала эта проблема. Учитывая упомянутые обстоятельства, менять страну эмиграции не имело смысла. К тому же в Москве я жила вместе с семьей — дочерью и внуками.

К этому добавлялись проблемы возраста. Скоро мне должно было исполниться 65 лет. Не правильнее ли было и не эффективнее ли, чтобы должность генерального секретаря занимал более молодой товарищ, который находился бы в лучших, чем я, условиях для руководства работой партии?

Политические посты не пожизненны. В Политбюро у

нас были превосходные руководители, способные, умные, испытанные в ходе повседневной работы.

Мы стали готовиться к проведению VI съезда партии. В Москву прибыли, чтобы обсудить со мной различные проблемы, некоторые члены Политического бюро: Сантьяго Каррильо, Хорхе Семпун, Сантьяго Альварес, Томас Гарсия, Энрике Листер.

В ходе дискуссии я поставила перед ними особенно волновавшие меня проблемы. Необходимо было менять создавшееся положение, принять решение.

Высказывались различные мнения. Обсуждались различные варианты. Кто-то выдвинул компромиссное предложение: создать пост председателя партии, которого до этого не было.

Мне показалось оно вполне приемлемым, и я согласилась на это предложение. Я предложила выдвинуть на съезде на пост генерального секретаря кандидатуру Сантьяго Каррильо. Фактически координировали деятельность партии Сантьяго и я, он был известным политическим деятелем, талантливым, стойким, с твердым характером. Партию должен был возглавить сильный человек, чтобы она могла справиться с теми трудностями и проблемами, которые нас ожидали в ближайшие годы.

Товарищи согласились с этим предложением. Проект был передан Центральному Комитету, а затем VI съезду Компартии Испании, который был проведен в Праге в 1960 году.

Это был важный съезд, в котором приняла участие многочисленная делегация из Испании и делегация от эмиграции.

На съезде Сантьяго Каррильо сделал основной доклад. В прениях выступило много товарищей. В своем выступлении я рассмотрела некоторые аспекты истории нашей партии, которой в те дни исполнилось сорок лет.

Съезд внес изменения в Устав партии, создав пост председателя партии. Я была избрана на этот пост. Генеральным секретарем стал Сантьяго Каррильо. Руководящий орган партии — Политбюро был переименован в Исполнительный комитет, что больше подходило для Испании. В Центральный Комитет вошли новые товарищи.

Съезд сделал упор на необходимости добиться соглашения между различными силами оппозиции с целью проведения совместных действий по устранению Франко. Было

направлено соответствующее письмо всем антифранкистским партиям и силам.

Внесены изменения в Программу Компартии Испании. В нее вошли новые положения, касающиеся развертывания борьбы против диктатуры, выдвинуты задачи на предстоящий период демократизации и на период перехода к социализму как перспективы на пути развития демократии. Было также принято положение по превращению Компартии Испании в массовую партию.

После VI съезда я успокоилась. Я достойно исполнила свой долг совести.

Впрочем, ни моя политическая деятельность, ни занятость партийной работой нисколько не уменьшились. Я по-прежнему принимала участие в съездах, наших и других коммунистических партий, в митингах и собраниях. Меня всегда окружали товарищи и друзья.

Молодежи — зеленый свет

Как дополнение к VI съезду или что-то в этом роде, мы провели незабываемое для меня собрание, посвященное молодежи.

Молодые делегаты — а их было много — проводили меня в президиум, я зачитала им послание к молодому поколению, которое стало известно под названием «Молодежи — зеленый свет».

Приведу несколько выдержек из этого послания:

«...Разрешите сказать вам о том, что неразрывно связано с нашей жизнью: о наших идеях, о наших стремлениях, о том, что коммунизм дает людям, о том, чем коммунизм является для молодежи.

...Скрытое чувство недовольства, которое молодежь выражала в виде протеста в поэзии, прозе, в периодической печати, в малочитаемой литературе, сегодня вылилось в открытый призыв к борьбе. Сегодня молодежь не скрывает своих чувств и предпочтений — она направляется в Кольюр и Сеговию, чтобы почтить память Мачадо, подписывается под документами, под которыми стоят подписи самых преследуемых лиц в нашей стране и в которых говорится о неизменности свободолюбивого духа, о любви нашего народа к свободе.

Студенческая молодежь присоединяется к борьбе рабочей и крестьянской молодежи и восстает против «крайней осторожности резонеров, ловкачей, приспособленцев», дает отпор напрасной попытке приручить их, внушить им благоразумие, довести до их сознания конформизм, эту разлагающую умы тенденцию, которую великий исследователь Сервантеса Наварро Ледессема считал виновной в упадке интеллектуального испанского духа...

...Молодежь нашей страны, о чем свидетельствуют примеры, о которых говорилось на нашем VI съезде, переходит от скрытого негодования, от молчаливого протеста к резкому недовольству, к открытому протесту, к борьбе за свои экономические и политические права...

...Среди молодежи наблюдается большое нетерпение и недовольство, и это вполне понятно. Молодежь не хочет мириться ни с полумерами, ни с угодничеством, ни с ложью, ни с нищетой.

Она хочет ясной правды, конкретных дел, претворенных в жизнь. А то, что она видела и видит вокруг себя до сих пор, — это обман, маскировка печальной действительности. Факты говорят — и как красноречиво! — о провале того, что официально подавалось как нечто новое и самое лучшее...

...Можно быть противником социализма и коммунизма, можно ненавидеть Маркса и предавать коммунистов, но что уже невозможно — это отрицать существование открытых Марксом законов исторического развития, которые действуют неумолимо и определяют временный характер всех режимов, основанных на классовых антагонизмах.

Реальность кризиса капитализма и реальность развития социализма свидетельствует, говоря словами Галилея, вопреки упорствующим в утверждении о вечности и неизблемости капитализма: а она вертится.

Мне хочется коротко ответить на один из аргументов, часто выдвигаемых против марксизма и против коммунизма реакционными идеологами, утверждающими, что коммунисты сводят все социальные, политические и духовные проблемы к экономическим условиям, превращая человека в безликое, механическое существо.

Помимо того, что это утверждение ложно, оно означает попытку взвалить на марксизм вину за все пороки капитализма.

Для марксистов экономические условия, способ произ-

водства и форма собственности — основа общественного развития.

Подобно тому как в жизни большинства людей на первом плане стоят заботы о профессии, общественном бытии, экономической форме индивидуальной деятельности и занимаемом месте в обществе, что прежде всего определяет их привычки, мысли, стремления, так на каждом отрезке истории экономическая структура общества определяет политические формы, образ жизни людей и, в частности, их образ мышления.

Но конкретизировать и рассматривать интеллектуальное развитие только исходя из экономических условий — это грубая интерпретация марксизма, механическое применение изменений экономических условий к эволюции сознания людей. Вопрос гораздо сложнее. Экономические изменения благодаря развитию производительных сил опережают изменения в мышлении и сознании.

...Общественное развитие в XIX веке свидетельствует, что, как только консолидировалось буржуазное общество и буржуазный режим, появилась новая мировоззренческая концепция: социалистическое мышление утопистов — Фурье, Сен-Симона, Прудона и др.

В Лионе, Каталонии, Силезии под влиянием этих идей произошли восстания пролетариата, ставившие одинаковые цели.

В период, когда капитализм еще переживал период расцвета и был полон сил, Маркс и Энгельс открыли законы его развития и научно предсказали ликвидацию капитализма и создание общества без антагонистических классов — коммунистического общества; дали рабочему классу непобедимое оружие в борьбе за преобразование общества — теорию научного социализма, которая доказывает неизбежность ликвидации капитализма и победы социализма.

Вооруженный этой теорией, рабочий класс боролся уже не вслепую: он знал свои цели и задачи.

Общественное развитие в последние пятьдесят лет убедительно и неопровержимо подтвердило жизненность марксизма, его революционную, преобразующую силу.

Октябрьская социалистическая революция 1917 года и образование первого социалистического государства, открывшие новую эру в истории человечества — эру коммунизма, явились подтверждением теории марксизма, раз-

витой Лениным и Коммунистической партией Советского Союза с учетом объективных условий своей эпохи.

В разработке передовых теорий представители новых классов опираются на идеологию предшествующих социальных формаций.

Именно поэтому идеологическое содержание каждой эпохи не может объясняться только определенными экономическими отношениями.

Научный социализм Маркса и Энгельса — идеология пролетариата — явился новой, высшей ступенью в развитии философии и общественного мышления; он возник на основе критического усвоения и радикальной переработки крупных достижений философии, экономики и общественных наук XIX столетия.

Коммунистическая партия, вопреки утверждениям клеветников из реакционного лагеря, относится с уважением к идеологическому наследию прошлого. Она критически отбирает все самое ценное из достижений прежней культуры нашей страны, оставляя в стороне все поверхностное и регрессивное.

Поэтому неверно, что мы, коммунисты, якобы сводим к экономическим отношениям все социальные, политические и духовные проблемы, которые волнуют и тревожат людей, народы в каждую эпоху исторического развития общества, хотя, как говорил Энгельс, в конечном счете определяющими являются экономические отношения...

...Перед нами, как Компартией Испании, стоит неотложная задача — в срочном порядке воспитать новое поколение, идеологически подготовить его к большим политическим битвам, которые неизбежно возникнут в будущем, уже проглядываемом на горизонте нашей страны.

Для нас, коммунистов, молодежь не является «террой инкогнито». Она — чистое и гладкое зеркало, в котором отражается социальная действительность, действительность, в которой молодежь живет, мечтает, работает и страдает. И если в ее среде появляются плохие побегги, это не ее вина, а той почвы, обстановки, в которой она растет. «Кто сеет хорошее зерно, тот получает хорошую пшеницу».

Молодежь обвиняют в скептицизме. Говорят, что она ничего не создает, ни во что не верит. Не говоря уже о том, что это неправда, мы имеем доказательства активной деятельности студенческой, рабочей, крестьянской молодежи и ее приверженности Коммунистической партии. Что

сделали те, кто так утверждает, чтобы молодежь, которую они обвиняют в скептицизме, не была людьми второго сорта? Они пытаются обманывать молодежь, лгать ей. Они всегда обращались с ней покровительственно, говоря одно, а делая другое.

Своей коррупцией, цинизмом, жестокостью, безразличием к страданиям народа они растаптывали все благородные юношеские чувства; они растоптали, как стадо свиней, духовную красоту молодежи; обрекли трудящуюся молодежь на жизнь, полную страданий и невзгод, лишенную культуры, насильно оторвали от семейной жизни.

Молодежь по своей природе искренна и чистосердечна, великодушна, откровенна и мечтательна. Такой она была вчера, такова она и сегодня.

...Для того, чтобы активность молодежи была более результативной, чтобы ее силе, энергии, боевитости были даны правильное направление и ясная цель, мы должны, со своей стороны, постоянно, последовательно и непрерывно доводить до ее сознания, помимо знаний испанской культуры, нашу идеологию, коммунистическую идеологию, ибо только она позволит правильно понять смысл жизни, вселяет надежду и веру в будущее.

...Коммунист не может быть настоящим коммунистом, если он не проявляет интереса, постоянного стремления — одновременно со своей работой и политическим образованием — к литературе, истории, к занятиям спортом, то есть к тому, что делает жизнь полноценной, достойной, красивой.

Коммунист не может быть настоящим коммунистом, если он не проявляет интереса к проблемам, волнующим все народы, всех людей...

Товарищество, солидарность, проявляемые в ходе борьбы рабочих, крестьянской, студенческой молодежью, — это одно из самых характерных черт коммунистов...

...Поскольку для коммунистов критерием политической зрелости является не возраст, а понимание необходимости борьбы и готовность к участию в ней, верность принципам и твердость в отстаивании их, неудивительно, что в партии преобладает молодежь и молодежь тянется к партии. Это естественно, хотя и возмущает тех, кто в течение двадцати лет старался всемерно сдерживать юношеские идеи и активность...

«...Разве не естественно,— отмечал Ленин, цитируя Энгельса,— что у нас, партии революции, преобладает молодежь? Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы с старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь».

Уже в XIX столетии обнаруживаются в испанской политической литературе, среди интеллигенции, воодушевленной Великой французской революцией, зачатки революционных идей, зачатки утопического социализма.

И Фернандо Гарридо, и Сиксто Камара, и Абреу, и Пи и Маргаль, не говоря уже о стороннике аграрных коммун Флоресе Эстрада, и многие другие своей самоотверженной пропагандистской работой подготовили почву для прорастания впоследствии семян марксизма, организации секции I Интернационала, основанного Марксом и Энгельсом.

Испанская реакция, жестокая и грубая, невежественная и отсталая, эгоистичная, стремящаяся к единственной цели — сохранить в неприкосновенности свое привилегированное положение, противится любой новой идее, любым прогрессивным переменам. Игнорируя историю и окружающую действительность, она с ослиным упрямством пытается сохранить Испанию как самую реакционную в мире страну, не признающую ни социализма, ни коммунизма.

Легенды живучи, но жизнь смеется над легендами.

О черных и белых. В 1871 году буржуазный политический деятель, которого невозможно заподозрить в симпатии к марксизму, дон Франсиско Сильвела поднялся на трибуну испанского парламента, чтобы ответить реакционным депутатам, которые требовали объявить вне закона организации, входящие в Интернационал Маркса и Энгельса, чья доктрина являлась, по мнению этих депутатов, чуждой для Испании.

«Социалистическая идея,— сказал он,— это наследство прежних лет, когда она имела права гражданства. В большинстве наших городов,— продолжал Сильвела,— революция считается законным возвращением к коммунистическим обычаям, которые сохранились у нас в крови. Это — свободный доступ к муниципальной собственности, а иногда и к частной собственности, разрушение оград,

совместное пользование пастбищами, а также совместный сбор урожая. Такое понимание свободы — не выдумка прессы, не пропаганда демагогов. Она берет начало в истории и в традициях, которых никто не может отменить...»

Мы обращаемся с настоятельным призывом к молодежи: рабочей, крестьянской, студенческой молодежи, к молодежи, которая любит Испанию. Мы предлагаем молодежи как перспективу, как цель — создание собственными силами такой Испании, о которой мы все мечтаем: свободной, суверенной, открытой для любого прогресса, излучающей свет своей древней культуры, обновленной и возвышенной, свет для всех народов и всех континентов».

Новая встреча с Тито. Исправление ошибок

Снова в Париже.

В мире есть миллионы людей, мечтающих поехать в Париж, жить, учиться в этой всемирно известной столице культуры, искусства, Коммуны.

И вот я снова в Париже.

Но...

Я не могла мечтать о музеях, театрах, искренне восхищаться его архитектурными ценностями.

Я жила... от собрания к собранию. Перебираясь из одного города Европы в другой. Мои глаза видели много пейзажей. Пейзажей, которые я не имела возможности рассмотреть. Потому что я постоянно должна была быть на чеку, всегда моя внешность была изменена, документы не свои.

Ортега-и-Гассет говорил о трудных условиях, в которых ему приходилось жить. Но он не знал жизни революционера, не знал о ее драмах, горестях, заботах.

На этот раз — это было в 1965 году — я собралась ехать из Парижа в Югославию. Путешествие приятное и волнующее.

Мы должны были встретиться с Тито, с одной из самых выдающихся личностей нашей эпохи, с легендарным руководителем югославских партизан, борцом за свободу своей родины, оккупированной итальянскими и нацистскими войсками. Слава Тито перешагнула все границы.

Мы ехали на встречу с товарищем Иосипом Броз Тито, Генеральным секретарем Союза коммунистов Югославии и президентом Федеративной Народной Республики Югославии.

Говорили, что Тито в свое время воевал в интернациональных бригадах в Испании. Это не соответствует действительности. Однако верно, что товарищ Тито был одним из организаторов и вдохновителей югославских добровольцев, боровшихся вместе с нами за свободу Испании.

С Тито я познакомилась на VII конгрессе Коминтерна. Но тогда нам не удалось поговорить...

Сейчас... я ехала в Югославию с тяжелым чувством.

Произошло много такого, что потрясло наше революционное сознание. В 1948 году Коминформ исключил Югославию из сообщества социалистических стран, обвинив ее руководителей в ошибках и грехах, которые впоследствии на XX съезде КПСС были признаны несправедливыми.

Мы, в том числе и я, в свое время резко критиковали в статьях и речах югославских руководителей...

Теперь мы ехали, чтобы извиниться перед Тито и другими югославскими товарищами. Так решило руководство нашей партии. Мы хотели восстановить дружбу с этими замечательными людьми, которых никто и ничто не смогло сломить.

Меня сопровождала в поездке Кармен Менендес, жена Сантьяго Каррильо. Мы путешествовали как мать и дочь в самолете по маршруту Париж — Дубровник.

Нам посчастливилось остановиться на пару дней в жемчужине Адриатики, именуемой Дубровник, древней Рагусе римских времен, превращенной в популярное место международного туризма.

Мы продолжили полет в обществе тогдашнего члена Политбюро Союза коммунистов Югославии и заместителя председателя югославского правительства товарища Ранковича, который, как оказалось, тоже летел до Аулы, а оттуда на пароходе до острова Бриони. Этот остров знаменит своей красотой и мягким климатом, которым его жители наслаждаются в течение всего года. В Бриони, резиденции Тито, мы встретились с другими членами нашей делегации.

Тито прибыл в отель, где мы остановились, и пред-

ложил нам совершить прогулку на его яхте в обществе других югославских товарищей. Встретившись лицом к лицу с югославским лидером, я поспешила выразить сожаление по поводу прошлых событий, но Тито не дал мне закончить: «Не унижайте себя, Долорес, не беспокойтесь. Я прекрасно знаю, как делаются такие дела в наше время. Незачем, поверьте, говорить об этом, скорее всего, я бы вел себя так же, как вы»...

Тито остался поужинать с нами в отеле, проявив искреннее дружелюбие. Все мы были очень довольны.

Во время ужина я, все еще находясь в состоянии нервного напряжения, — таков уж мой характер — вновь вернулась к затронутой ранее теме, хотела дать Тито новые объяснения...

Он снова прервал меня: незачем оправдываться. Он понимал наше положение, так как сам был коммунистом и знал, чем являлся для коммунистов Советский Союз... и добавил, что очень рад встретиться снова со своими испанскими товарищами.

Когда он ушел, чтобы отдохнуть, мы с югославскими друзьями — некоторые из них сражались в Испании в интернациональных бригадах — пели югославские и испанские песни.

Дружба между нашими народами была восстановлена. Искренняя, братская дружба, которая жива и поныне.

Впоследствии я еще несколько раз побывала в Югославии.

Моя подруга Вида Томсич помогала мне однажды пересечь границы, когда появилась возможность обменяться мнениями по современным международным проблемам с Тито и другими югославскими товарищами.

Слава Тито разнеслась по всем континентам. Он приобрел известность не только как революционер, но и как один из вдохновителей и организаторов наряду с Насером, Неру, Фиделем Кастро, Индирой Ганди важного движения — Движения неприсоединившихся стран.

Мы, испанцы, руководители и члены Коммунистической партии всегда встречали в Югославии братскую дружбу и солидарность.

Во время одного из моих последних посещений Югославии Иосип Броз Тито пригласил меня с дочерью Амайей, внучкой Лоли и Ирене Фалькон в свою резиденцию на Бриони. Мы позавтракали с его семьей без каких-либо

протокольных формальностей. Потом он сопровождал нас в поездке по замечательным местам, которыми природа наградила родину югославского народа.

Тито вошел в историю как легендарная личность.

Хулиан Гримау

Одним из самых тяжелых моментов, пережитых нами в эмиграции, была ночь 20 апреля 1963 года. Мы сидели у радиоприемника, надеясь на чудо.

Можно ли было спасти нашего дорогого Хулиана Гримау? В течение многих дней и ночей мы старались мобилизовать национальное и международное общественное мнение через радио «Пиренаика», через прессу, обращаясь к влиятельным людям различных стран, чтобы не допустить казни нашего дорогого товарища.

Все коммунисты, все наши друзья, демократы Испании, демократы всего мира подняли свой голос в защиту жизни испанского патриота.

В Мадриде, Барселоне, в горнорудном районе Астурии, в Галисии, Севилье и многих других городах и районах распространялись тысячи листовок, в которых рассказывалось о Хулиане Гримау и все испанцы призывались к активным действиям в его защиту.

В Париже Сантьяго Каррильо вместе со всей партией, со всеми демократами Испании, при активной поддержке французских товарищей, направляли свои усилия на то, чтобы помешать совершиться преступлению. «Пиренаика» регулярно вела передачи, проникавшие и в тюрьму в Карабанчеле, и даже в камеру нашего Хулиана. В них постоянно сообщалась информация о жизни Гримау. Отмены смертной казни требовали папа Иоанн XXIII, Дж. Кеннеди, Никита Хрущев. Они обращались непосредственно к Франко. В движении по спасению жизни Гримау участвовали — Рамон Менендес Пидаль, Теофило Эрнандес, Хавьер Субири, Гарсия Морено, Бергамин, Лаин Энтральго, Арангуэрен. Хоакин Руис Хименес посетил Муньоса Грандеса, Фрагу, Кастилью...

Я обратилась ко многим общественным деятелям и нашим друзьям с просьбой оказать содействие в спасении жизни Гримау...

«...К вам, Пилар Прима де Ривера, сестре Хосе Антонио; к вам также, господа из Национального совета дви-

жения, открыто выразившим свое недовольство положением в Испании, я обращаюсь с вопросом — неужели вы будете молчать перед готовящимся преступлением?

Странно, что коммунистка обращается к фалангистке? Да... это необычно... но на карту поставлена жизнь человека, которого необходимо спасти. Вы, Пилар,— позвольте мне эту фамильярность — можете сказать, что республиканцы расстреляли вашего брата. Это правда, тяжелая правда! Но тогда была война, и с тех пор пролито столько крови, столько совершено подлостей, столько причинено горя, столько нанесено ущерба теми, кто поднял восстание против республики!»

Я напомнила далее, что Компартия Испании отстаивает политику национального примирения, политику, которая открыла бы путь к гражданскому сосуществованию и демократии, которая сделала бы невозможным возвращение к новым войнам и новым крестовым походам.

В другом призыве я обращалась ко всем нашим нынешним друзьям и тем, кто сражался против нас в войне: «Жизнь Хулиана Гримау священна для нас — это добрый, благородный, простодушный, самоотверженный человек.

Спасти Хулиана Гримау от исполнения смертного приговора, продиктованного ненавистью,— значит вернуть людям веру в справедливость, в возможность сосуществования».

Надеясь, что он услышит мой голос, я обратилась к самому Хулиану:

«Ты, Хулиан Гримау, товарищ! Брат! Я хотела бы, чтобы мой сердечный, братский голос донесся до твоей камеры, где ты страдаешь, надеешься, где мысленно мы все с тобой...»

Вероятно, Хулиан нас услышал, ведь у него был маленький радиоприемник; иметь его — было последним желанием Хулиана Гримау.

Преступление

Известие было страшным: наш товарищ Хулиан Гримау расстрелян. Через «Радио независимой Испании» я сказала:

«Товарищи и друзья, незаконное свершилось. Наш друг, наш брат, наш самоотверженный и мужественный това-

рищ Хулиан Гримау убит по приказу Франко и его министров, лично на них лежит полная ответственность за это преступление, и испанский народ не простит им этого.

Каудильо решил бросить вызов миру, игнорируя гуманитарные призывы, обращенные к нему от имени всех народов, оказавших ему тем самым большую честь...

...Господа из франкистского правительства, мы хотим сказать вам то, чего вы заслуживаете. Вы, как мы и предполагали, подлы, трусливы, отвратительны. Мы наивно думали, что в вас еще остались, несмотря на ваше страшное прошлое, хоть какие-то остатки достоинства и гуманизма. Но нет. Вы таковы, какие есть: окрашенные гробы, о которых говорится в Евангелии. Но вы еще хуже: вы гробницы, издающие зловоние.

Хулиан Гримау и мертвый останется знаменем борьбы. Он среди нас, живет и будет жить в сердцах новых поколений, которые идут по пути к коммунизму, по пути к победе. Жизнь продолжается, продолжается и борьба. Хулиан Гримау убит по приговору фашистского суда. Он погиб за дело народа, за то лучшее, ради чего испанская молодежь идет с нами, вступает в ряды Компартии Испании, чтобы бороться, как боролся Хулиан Гримау, как борются сотни тысяч героев, следуя примеру революционных борцов, погибающих, но остающихся непобежденными.

Мы отомстим за это преступление, установив в Испании более гуманный режим, который покончит с духом гражданской войны, с кровавыми репрессиями и обеспечит всем испанцам, каковы бы ни были их идеи и верования, жизнь и свободу».

Я добавила:

«Франко ведет в настоящее время переговоры с американцами о предоставлении им баз для подводных лодок с ракетами «Поларис», поставив на карту безопасность и независимость Испании, при этом Франко, надеясь на компенсацию, хочет доказать янки, что он человек последовательный в своей фашистской реакционности и они могут рассчитывать на него во всем, включая преступления».

Наши дорогие Анхелита Гримау, жена Хулиана, и его дочери Кармен и Лолита мужественно участвовали в кампании по спасению мужа и отца.

Выступая перед представителями средств массовой информации из разных стран мира, Анхелита заявила:

«Я хочу во всеуслышание сказать, что мое самое глубокое желание, как и желание моих двух дочерей и моей матери, чтобы кровь, пролитая Хулианом Гримау, была последней. Чтобы генерал Франко был изгнан из рода человечества!..»

Я не хочу, чтобы другим матерям и другим детям пришлось страдать так, как страдали мы в эти дни...»

Манифестации протеста состоялись перед испанскими посольствами в Париже, Риме, Бонне, в столицах ряда других стран Европы, Латинской Америки, в США.

В различных городах мира теперь есть улицы, носящие имя Хулиана Гримау. Именем испанского героя названа одна из площадей Парижа.

В Мадриде в квартале Сан-Андрес — и кто знает во скольких кварталах других испанских городов — на одной из улиц утром прохожие увидели надпись: «Улица Хулиана Гримау».

С понятным волнением присутствовала я на установлении памятной доски с именем Хулиана Гримау на улице в новом квартале советской столицы «Новые Черемушки».

Прошу разрешения прибыть в Мадрид

«Моя смерть, — сказал Хулиан Гримау, — будет последней смертью по политическим мотивам при франкизме».

Два года спустя, 22 февраля 1965 года, над другим коммунистом, нашим товарищем Хусто Лопес де ла Фуэнте, нависла угроза быть расстрелянным по обвинению в «подпольной деятельности».

Хусто Лопес сражался в народной республиканской армии, боролся против фашизма, находясь в эмиграции в Советском Союзе, и продолжил борьбу во франкистской Испании.

Я находилась тогда в Москве.

Что делать? Опять посылать телеграммы, петиции, адресованные влиятельным лицам? Да, это надо делать, но этого недостаточно.

Я решила сама ехать в Мадрид, чтобы выступить в защиту Хусто Лопеса в качестве свидетельницы. Нельзя было допустить новые расстрелы: слишком много крови уже пролито в Испании.

С этой целью я отправила следующие телеграммы военному министру и министру иностранных дел правительства Франко:

«Его превосходительству сеньору военному министру генерал-лейтенанту Менендесу Толосе

Мадрид

Как активная участница и свидетельница высокого ранга, участвовавшая в 1936—1939 годы в республиканском народном сопротивлении фашистскому восстанию, обескровившему Испанию, я прошу допустить меня в качестве свидетеля на процесс, который начинается в настоящее время против коммуниста Хусто Лопеса де ла Фуэнте, которому предъявлено обвинение как одному из военачальников народной республиканской армии в участии в защите республики.

С уважением

*Долорес Ибаррури,
Председатель Компартии Испании».*

«Его превосходительству сеньору министру иностранных дел Фернандо Мариа Кастиелья

Мадрид

Поскольку я обратилась к военному министру с просьбой допустить меня в качестве свидетеля на процесс, который начинается против коммуниста Хусто Лопеса де ла Фуэнте, как одного из военачальников республиканской народной армии, прошу Вас разрешить мне въезд в Испанию.

С уважением

*Долорес Ибаррури,
Председатель Компартии Испании».*

Я позвонила также адвокату, защитнику Хусто Лопеса, дону Роблесу Ромеро Робледо, попросив его ходатайствовать о допущении меня, как свидетеля, на процесс, который начинался над его подзащитным.

На организованной мною пресс-конференции, на которой присутствовали многочисленные иностранные и советские журналисты, я зачитала тексты посланных мною телеграмм.

Я добавила следующее:

«Почему я это сделала? Вы знаете, что в начале декабря прошлого года в Мадриде состоялся суд над груп-

пой коммунистов, обвинявшихся в нелегальной деятельности и подрывной пропаганде. Они были приговорены к тюремному заключению на срок от 8 до 28 лет. Среди находившихся под судом коммунистов был Хусто Лопес. Его приговорили к 23 годам тюремного заключения. Теперь начинают новый процесс по обвинению его в активных действиях в защиту республики.

И поскольку начинаемый вопреки Закону и явно в духе мести, а не справедливости процесс может привести к расстрелу (достаточно вспомнить тяжелый конец Хулиана Гримау), я хочу присутствовать на этом процессе как свидетель защиты Хусто Лопеса де ла Фуэнте, защиты всех, кто боролись за республику.

Я без всякого колебания готова была принять на себя всю ответственность за народное сопротивление в защиту законного республиканского режима, сопротивление, в котором я активно участвовала и которому содействовала как руководитель Компартии Испании. Я уверена, что история воздаст по заслугам тем, кто пытается прикрыть видимостью законности свои самые одиозные покушения на жизнь, права и достоинство людей.

Я прошу вас всех проинформировать общественное мнение о новом чудовищном процессе, который готовится против Хусто Лопеса, прошу помочь нам спасти его и покончить с этим режимом крови и смерти, который франкистская юстиция старается увековечить, рассчитывая тем самым сдержать или с помощью террора воспрепятствовать неизбежным переменам, уже начинающим происходить в Испании».

Ответ франкистского правительства был дан необыкновенно быстро. Перед перспективой появления Пасионарии в Мадриде для защиты коммунистов, которым угрожает смерть, генерал-капитан Первого военного округа Мариано Алонсо Алонсо решил 26 февраля закрыть дело против товарища Хусто Лопеса.

«Нам трудно поверить в это после стольких тревожных дней,— заявила я представителям печати.— Мы обратились с запросом во все инстанции. Известие подтвердилось. Нам хотелось одновременно и плакать, и смеяться. Наш товарищ, который был приговорен к 23 годам тюрьмы, не будет судим военным трибуналом, не будет приговорен к смерти. Справедливость восторжествовала. Восторжествовало чувство гуманности над духом реванша.

В этот волнующий момент, когда нам удалось спасти жизнь честного, самоотверженного и стойкого борца, я хочу выразить глубочайшую признательность всем, кто проявил солидарность и выступил в защиту нашего товарища, которому угрожала смерть. Признательность адвокатам, которые так активно действовали, защищая жизнь Хусто Лопеса, мировой прессе, ежедневно разоблачавшей сообщение о новом процессе, как страшную несправедливость, политическим и религиозным деятелям всех стран, рабочим, различным демократическим организациям. Особую признательность мы выражаем генерал-капитану Первого округа, который своим справедливым и гуманным решением, отвечающим благородному стремлению испанского народа не допустить впредь пролития крови в нашей стране, вселил надежду на воцарение справедливости и сосуществования между испанцами в будущем.

Всем, всем я выражаю свою признательность, самые дружеские чувства».

Солидарность делает чудеса. «Пиренаика» сообщила: «Призыв Долорес Ибаррури получил широкий отклик.

Среди многочисленных выражений солидарности по этому поводу следует обратить особое внимание на солидарность, проявленную первым поднявшимся в космос человеком — Юрием Гагариным».

Гагарин написал для «Пиренаики»:

«Мы, космонавты, присоединяем наш негодующий голос к протесту тысяч голосов, прозвучавших в мире. Руки прочь от Хусто Лопеса! Свободу Хусто Лопесу!

Я желаю испанскому народу как можно скорее обрести снова свободу и счастье. Желаю больших успехов испанским борцам, прогрессивным силам в их священной борьбе за права испанского народа, за свободу и демократию».

Товарищ Хусто Лопес впоследствии скончался в тюрьме от рака. Как и многие наши друзья и товарищи, он умер в результате перенесенных пыток и страданий.

Путь к свободе в Испании усеян могилами и непреходящими воспоминаниями о наших мучениках.

Их имена бессмертны.

*Доктор
«Гонорис кауза»*

10 ноября 1961 года я, простая женщина из народа, университетами которой было участие в борьбе горняков в Стране Басков, в Астурии, в сражениях против фашизма, в героической подпольной деятельности коммунистов в течение десятилетий, оказалась в актовом зале Московского университета, где мне пришлось выступить с речью. В этом знаменитом культурном центре меня удостоили почетного звания доктора «гонорис кауза».

На трибуну до меня поднялся академик Иван Петровский, ректор Университета имени Ломоносова. Он вкратце, очень тепло рассказал о моей жизни, перечислил мои основные опубликованные работы.

«Учитывая выдающуюся роль товарища Долорес Ибаррури в развитии марксистской революционной теории,— сказал ректор,— ученый совет Московского университета по предложению деканата исторического факультета единогласно избрал товарища Долорес Ибаррури доктором исторических наук «гонорис кауза» Московского университета».

Меня поздравили декан исторического факультета профессор Иван Федосов, а также другие профессора и студенты.

В этот день в аудитории актового зала вместе с университетским начальством присутствовали сотни студентов — что обычно для таких торжественных актов,— советские друзья испанского народа и, конечно, много испанцев, живших в эмиграции в СССР. Я начала свою речь словами:

«Выражая глубокую благодарность за оказанную мне честь: присуждение почетного звания доктора «гонорис кауза» Московского университета, который носит славное имя великого русского ученого Ломоносова, разрешите мне, принимая эту почетную награду, считать ее братским выражением солидарности с испанским народом, первым оказавшим вооруженное сопротивление фашизму — врагу культуры и потерявшим в этой борьбе, длившейся около трех лет, более миллиона жизней.

Я принимаю это почетное звание как дань уважения рабочему классу моей страны, в рядах которого я выросла и стала коммунисткой.

Я принимаю это звание как дань уважения нашим крестьянам, нашей трудовой молодежи, которые, едва умея читать и писать, — не по своей вине — сумели, однако, написать своей кровью бессмертные страницы славы и героизма многострадальной истории нашей страны.

В эти дни отмечается 25-я годовщина обороны Мадрида, один из самых славных эпизодов национально-революционной борьбы испанского народа против фашистской агрессии, борьбы, выявившей высокое политическое сознание и чувство патриотической и исторической ответственности наших мужчин и женщин, которые предпочли достойную смерть в борьбе за жизнь и свободу — трусливому и постыдному подчинению фашистским агрессорам.

Своим героическим сопротивлением испанский народ показал, что можно сдержать и остановить наступление фашизма в то время, когда западные правители умышленно и вероломно капитулировали перед Гитлером, который готовил агрессию в Европе.

В течение веков эти самые державы, потворствовавшие гитлеровскому экспансионизму, начиная с эпохи Возрождения диктовали народам свой железный закон, представляли миру искаженную, одиозную историю нашей страны до 1936 года, в которой испанский народ изображался как отсталый и фанатичный, а Испания как бастион реакции, и вместе с французским историком Гизо заявляли, что можно объяснить, написать и изложить историю цивилизации, не упоминая Испанию.

Только люди, лишённые всякого чувства ответственности, способны дойти до такого крайнего пренебрежения к исторической правде и народу, который двести лет боролся против римских захватчиков и около восьми веков против арабского господства, усваивая в то же время их культуру и передавая ее европейскому Западу, обогащая латинскую культуру. Испания была первой страной, принявшей общий свод законов и заложившей основы современного парламентаризма. Открыв Америку, Испания открыла путь к мировой торговле и развитию капитализма.

Золотой век литературы в Испании подарил миру неувядаемые имена Сервантеса, Лопе де Вега, Кеведо, Кальдерона.

В живописи Испания дала миру замечательный реализм Веласкеса, Мурильо, Эль Греко, Риберы, Гойи.

Испания дала миру таких выдающихся гуманистов,

как Вивес и Уарте, как Луис де Леон и Бартоломе Лас Касас; таких известных физиологов, как Мигель Сервет, высказавший идею о существовании кровообращения, и многих других, которые внесли свой замечательный вклад во все отрасли человеческого знания.

Против тенденциозности и фальсификации истории соперниками Испании выступили все прогрессивные испанские историки, хотя им и не удалось достичь в своих трудах подлинной глубины анализа проблем из-за нежелания рассматривать исторические процессы с материалистических, диалектических позиций.

Поэтому многие проблемы испанского исторического процесса рассматривались без достаточного фундаментального обоснования; зачастую причины того или иного явления приписывались человеческой природе, деятельности королей или крупных полководцев, любимцев или фаворитов королей. При этом упускалась или не признавалась революционная, преобразующая роль развития производительных сил, игнорировался тот факт, что основным двигателем истории каждой страны является классовая борьба.

Компартия Испании постоянно стремилась разбудить в нашем замечательном народе сознание своей силы, используя реальную и подлинную историю нашей страны и знание законов, от которых зависели политические и экономические изменения, перемены в судьбах народов на пути человечества к коммунизму.

Мы действовали пером и словом в периоды мира и оружием в военное время. И без ложной скромности можем сказать, что трудились не зря, что наша работа не была напрасной.

Нас зачастую обвиняют в том, что мы вносим партийные, классовые элементы в философию и историю.

Это верно, но иначе и быть не может. Не существует ни нейтральных философов, ни нейтральных историков.

История, написанная буржуазными историками, пусть даже самая лучшая, пропитана классовым духом. И она имеет тенденцию не только прославлять руководящую элиту, но и исказить или замалчивать историческую правду, абсолютно пренебрегая ролью классовой борьбы, которая является подлинным двигателем истории.

Наш партийный подход к истории, напротив, имеет цель восстановить объективную истину, он основан на

анализе человеческого труда, деятельности масс и классовой борьбы, основных моментов в социальном развитии народов и в истории человеческого общества».

Заканчивая свою речь, я сказала:

«Мы хотим жить, чтобы помочь нашему народу покончить с фашистской диктатурой генерала Франко и заложить на прочной основе — воли народа и нации — фундамент демократической Испании, социалистической Испании».

Еще раз большое спасибо, товарищи и друзья!»

*Орден Ленина
и Международная
Ленинская премия мира*

Председатель Верховного Совета СССР вручил мне орден Ленина, который был для меня, коммунистки, самой высокой наградой.

Имя Ленина носит и Международная премия мира, которую я получила в Москве, в одном из самых краси-

*50-летие Коминтерна,
Москва, 1969 г.*

вых залов Кремля, в присутствии видных советских деятелей и моих друзей — эмигрантов, пришедших поздравить меня.

Золотой медалью и премией мира, присуждаемыми страной, которая понесла столько жертв во имя победы над силами фашистской агрессии, награждались мужчины и женщины из разных стран, достойно проявившие себя в защите мира, на поприще политики, науки, творчества. Великая честь оказаться среди тех, например, кого я помню сейчас: это мои великие сограждане — Пабло Пикассо и Рафаэль Альберти, а также ученые, государственные деятели, политические лидеры, поэты, художники — Фредерик Жолио-Кюри, Поль Робсон, Пабло Неруда, Бертольт Брехт, Николас Гильен, Луи Арагон, Фидель Кастро, Ласаро Карденас и ряд других известных людей, список имен которых все время растет.

В нарушение протокола

Немало всевозможных событий, подчас самых разных, хранит наша память. И не следует ожидать, что они всплывают в памяти в хронологическом порядке.

Однажды меня пригласили на торжество, связанное с какой-то памятной датой, не помню какой, в Георгиевский зал Кремля.

Со мною была Ирене. На нас произвели впечатление красота знаменитого зала и огромное количество людей, собравшихся со всех континентов.

Меня всегда смущали такие встречи, и, хотя по роду своей деятельности я должна была присутствовать на них, мне никогда не удавалось чувствовать себя свободно среди военных мундиров, парадных костюмов и всей протокольной торжественности.

Отыскивая знакомые лица, мы подошли к давней знакомой, которая работала вместе с нами в Коминтерне, а впоследствии вышла замуж за посла ГДР в Москве.

Мы оживленно беседовали, вспоминая прошлое и не обращая особого внимания на ход церемонии.

Неожиданно мы увидели приближающегося к нам главу Советского правительства, Первого секретаря ЦК КПСС Никиту Хрущева и сопровождавших его лиц. Мы осмот-

*Вручение Международной
Ленинской премии
«За укрепление мира
между народами»,
Москва, 1963 г.*

релись с удивлением и обнаружили, что сидим на местах, отведенных для дипломатического корпуса. Нам не оставалось ничего иного, как постараться остаться незамеченными. Никита Хрущев стал приветствовать дипломатических представителей разных стран.

Вдруг он увидел меня и с очаровывающей непосредственностью, характерной для него, подошел ко мне и громко воскликнул: «Здесь находится истинная представительница Испании!» Фраза вызвала естественное удивление и оживление среди присутствующих послов.

СССР не имел тогда дипломатических отношений с Испанией.

Тем не менее Никита Хрущев нарушил протокольный этикет.

Первое разногласие

Впервые вблизи я увидела Леонида Брежнева в Риме. Он возглавлял советскую делегацию на похоронах Пальмиро Тольятти.

Брежнев занимал в то время пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Ранее я видела его по телевидению или на фотографиях, опубликованных в пе-

*С Н. С. Хрущевым
в его кабинете
в Кремле.*

чати, поэтому меня удивил яркий голубой цвет его глаз, контрастирующий со смуглым цветом лица.

Леонид Брежнев был известен в СССР не только как государственный деятель, но и как участник борьбы советского народа против гитлеровской агрессии, а впоследствии — своими заявлениями в защиту мира.

У него был открытый, простой характер, с ним можно было обсуждать любую общечеловеческую или политическую тему.

Вспоминаю наш с Каррильо разговор с ним, состоявшийся в Карловых Варах, на чехословацком курорте, во время проходившей там в 1967 году конференции европейских коммунистических и рабочих партий по вопросам безопасности в Европе.

Испанская делегация, в которую, если не ошибаюсь, входили также Мендесона и Аскарате, договорилась с другими делегациями, после оживленных дебатов, о том, что в политическую резолюцию будет включен раздел с осуждением фашистских и реакционных диктатур, таких, как в Испании, Португалии и Греции, и с выражением солидарности и поддержки коммунистическими партиями Европы борьбы испанских демократических и рабочих сил...

Достичь согласия по этим и другим проблемам было нелегко. Полагаю, что это понятно, учитывая различные точки зрения на некоторые проблемы у коммунистических партий, находящихся у власти, и тех, кто работает в нелегальных условиях или ведет борьбу за демократию и социализм.

Мы были заинтересованы, чтобы эта резолюция как можно быстрее была предана гласности, и это понятно.

Представители печати, находившиеся в Карловых Варах, ожидали ее с нетерпением. Однако по давней традиции подобные документы публиковались сначала в печати социалистических стран, а это значило многие часы ожидания...

Лучше было бы для всех, считали мы и другие делегации, отказаться от такой ненужной традиции и сразу же информировать о наших международных совещаниях печать, радио и телевидение.

Наши доводы не были приняты во внимание. Во время одного из перерывов между заседаниями Каррильо и я подошли к Брежневу и предложили, чтобы социалистические страны сразу передали по радио содержание упомянутого документа, нарушив тем самым известное «первенство», в то время практиковавшееся.

Брежнев выслушал нас внимательно, утвердительно кивая головой, затем проконсультировался с Гомулкой и еще с одним из государственных деятелей, и текст резолюции вечером того же дня был передан журналистам.

В своем выступлении на указанной конференции я подчеркнула:

«В настоящее время в нашем движении никто не представляет и не допускает возможности применения таких методов и практики, которые могли бы затрагивать самостоятельность каждой партии в разработке ее политической линии...

Подлинная независимость сейчас проявляется в борьбе каждой партии внутри своих рядов против рутинерской узости, ограничения марксизма-ленинизма рамками мертвых формул, оторванных от действительности, в борьбе за глубокое познание этой действительности, за творческое, мобилизующее применение нашей теории».

К слову, в этом совещании в Карловых Варах, как и в других подобного рода, активное участие принимал товарищ Борис Пономарев, который руководил в те времена Международным отделом Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Я имела возможность беседовать с Леонидом Брежневым на различных собраниях, советских торжествах, международных или двусторонних встречах.

Следует сказать о горьком моменте в наших отношениях с советскими руководителями в августе 1968 года.

Причиной его было вступление частей вооруженных сил стран Варшавского пакта в Чехословакию. Факты известны. Заявление руководства нашей партии тоже.

Сантьяго Каррильо, Симон Санчес Монтеро, Игнасио Гальего, Франсиско Ромеро Марин и я встречались в связи с этим с товарищами Сусловым и Пономаревым, выразив им свою глубокую озабоченность и несогласие.

Это было в первый раз, когда мы выразили свое несогласие товарищам из КПСС. С товарищем Суловым, к которому я испытывала большое уважение, я сотрудничала долгие годы, то же самое могу сказать и о Борисе Пономареве. Братская дружба между нашими двумя партиями была общеизвестна, имела долгую историю.

Несмотря на все это, считаем, что поступили правильно, честно изложив свое мнение. Хотя это и было тяжело.

Мосты с Испанией

Мне всегда очень нравилась зимняя Москва. Снег расстилал над городом покров чистоты и очарования. Будучи родом из Страны Басков, холода я не боюсь, поэтому с наслаждением разгуливала по красивому белому огромному ковру в подмосковном лесу.

И вот в один из таких великолепных снежных дней в Москву прилетели около трех десятков испанцев. Не эмигрантов, нет. Они прибыли из Испании для участия во Всемирном конгрессе мира, проходившем в Москве.

Моя радость была огромна. Сколько друзей! Близких и родных. И все они прибыли с моей родины, чтобы принять участие в борьбе за мир.

Мы обнялись. Я была знакома лично с карлистскими «принцессами» Марией Тересой и Сесилией Бурбон Пармой, юристом Томасом Лакалье и двумя юношами, тоже карлистами; с художниками Хеновесом и Аренильясом, писателем Аррабалом, с адвокатами Хайме Сарториусом и Эмилией Гранья, с Теодульфо Лагунеро, с Мигелем Хорда. Я обнялась с моими товарищами Хуаном Антонио Бардемом и Армандо Лопесом Салинасом... и многими другими, имена которых сейчас не могу вспомнить.

Такая многочисленная испанская делегация привлекла к себе внимание участников этого важного конгресса.

Когда зазвучал записанный на магнитофонную пленку голос Сальвадора Альенде, члены испанской делегации встали и один из них провозгласил: «Да! Альенде присутствует здесь, среди нас!» И сотни делегатов хором подхватили этот возглас.

Много раз я завтракала с моими друзьями в гостинице «Россия», где они жили. Я пригласила их к себе домой, где мы дружески беседовали. Аррабель подарил мне свое «Письмо Франсиско Франко». Мария Тереса и Сесилия показали себя вдохновенными борцами за мир и прогресс, завоевав всеобщую симпатию своим умом и простотой. Спустя некоторое время Мария Тереса, проезжая через Москву, посетила меня как-то вечером с Антонио Бардемом и мы вместе приготовили на ужин омлет по-испански.

Каждый раз, когда меня посещали друзья, приезжавшие из Испании, я чувствовала большое удовлетворение, мне казалось, что наводятся мосты между моей страной и нами, эмигрантами, мосты, которые я так хотела пройти как можно скорее.

Вспоминаю посещение Антонио Менчаса Кареаги, моего земляка, моряка и писателя, племянника Хосе Мариа де Арейльса.

Мне было очень приятно принять архитектора Фисака и его симпатичную супругу. Она имела мужество написать и опубликовать в Испании статью обо мне и моей внучке Лолите. Я имела также удовольствие видеть у себя Карлоса Бустело, бывшего ректора университета в Комплутенсе, и его жену, которая хотела познакомиться со мной, Карлоса Кастилью дель Пино и Энкарну, Висенте Рохо, Муньоса Суаи... У меня была встреча и с директором издательства «Планета» Хосе Мануэлем Лара Эрнандесом, который предложил мне написать эту книгу... В то время, когда Франко еще находился в Эль Пардо¹, идея издать мою книгу в Испании казалась мне неосуществимой.

Испанские артисты, совершавшие турне по Советскому Союзу, часто приветствовали меня: Антонио, знаменитый танцор, звезда балета; певец Мигель... Я старалась, как и сотни испанцев, живших в Москве, не пропустить выступ-

¹ Дворец, где находилась резиденция Франко.

ления Антонио Гадеса, Сары Монтиель, Масиэля. Успех артистов нашей страны у советской публики всегда был огромным.

С Рафаэлем Альберти

Для меня было праздником, когда ко мне приходили Рафаэль Альберти и Пабло Неруда. Я присутствовала на церемонии награждения Рафаэля Альберти Международной Ленинской премией мира, акте, который явился одним из ключевых моментов в развитии испано-советских дружественных отношений и в признании нашего великого поэта.

Они приходили ко мне, чтобы информировать меня и испанцев, находящихся в эмиграции,— товарищей из руководства партии во Франции и в Испании — Сантьяго Каррильо, Игнасио Гальего, Хайме Бальестероса, Санчеса Монтеро, Ингуансо, Маурисио, Рамона Тамамеса.

Однажды приветствовать меня пришел один молодой астуриец, недавно вышедший из тюрьмы. Его имя было Херардо Иглесиас. Он рассказал мне, что у него есть сын-ишка, которому они с женой дали имя Рубен — имя моего сына.

В испанском центре в Москве мы проводили конференции, семинары, «круглые столы» по политическим и культурным проблемам Испании.

Одно из этих мероприятий было посвящено ученому-гистологу Сантьяго Рамону-и-Кахаль. Выступили доктора Плanelьес и Омбрадос с анализом научного труда Кахаля и Энрикеты Леви Родригес, которая была последним секретарем ученого.

Огромный успех имела выставка Пабло Пикассо, организованная испанскими эмигрантами в нашем центре.

Мои товарищи подарили мне замечательные репродукции с картин гениального художника. Эти репродукции передал в распоряжение центра Ариас — друг и парикмахер Пикассо. Илья Эренбург предоставил нам несколько оригинальных произведений художника, среди которых — его портрет, написанный Пабло Пикассо.

Я не знаю, как распространилась по Москве весть об этой выставке. Но на улице Жданова, напротив нашего центра, выстроилась очередь вдоль всего квартала. Приш-

лось ограничить доступ публики, ибо неподходящее для этой цели помещение от наплыва посетителей могло обрушиться. Вдохновительницей наших выставок была Клара Санча — дочь художника Санча и жена Альберто Санчеса.

Грустное прощание

Имена наших героев и мучеников — одни известные, другие большей частью неизвестные — это дорогая память о высоких моральных качествах наших товарищей. Сколько могил дорогих людей оставляем мы на долгом пути борьбы за свободу!

Это и генерал Игнасио Идальго де Сиснерос, командующий республиканской авиацией, бывший дворянин, перешедший на сторону трудящихся; генерал Антонио Кордон, профессиональный военный, заместитель министра обороны...

Горькие мысли охватили меня, когда я отправилась на самолете проститься с очень дорогим для меня товарищем по борьбе — Хуаном Модесто, рабочим и генералом; это звание он получил за мужество, знания и преданность в борьбе за свободу своего народа.

«Сегодня с болью в душе, — сказала я над его могилой, — мы собрались здесь, чтобы отдать последнюю дань уважения нашему товарищу и другу Хуану Модесто Гильото, одному из выдающихся героев нашей национально-революционной войны, члену ЦК Компартии Испании и первому генералу испанской республиканской народной армии.

Велики заслуги товарища Модесто как мужественного и самоотверженного, умного и способного военачальника, но не меньшими были его достоинства как коммуниста. Вся его жизнь была исполнена чувства долга перед партией, перед народом. Коммунистическая партия всегда могла рассчитывать на него, как на одну из самых крепких своих опор, и во время войны, и в условиях мира.

Имя Модесто связано со всеми важными битвами нашей войны: Навасеррада, Сомосьерра, Альто-дель-Леон, Пегеринос, Талавера, оборона Мадрида, Харама, Гвадалахара, Брунете, Бельчите, Теруэль, Арагон, успех на Эбро, Каталония.

Жизнь товарища Хуана Модесто, его активная политическая и военная деятельность, как коммуниста и как бойца народной армии, неотъемлемая часть истории нашей страны».

Парик и темные очки

VII съезд нашей партии предстояло провести в одном из городов Франции. Я в это время находилась в Румынии, работая на радиостанции «Пиренаика». Нужно было подготовиться к тому, чтобы пересечь границу неузнанной.

Сопровождать меня в очередное тайное путешествие прибыла из Парижа Леонор Борнао, умная и заботливая подруга, член ЦК нашей партии. Я знала Леонор уже много лет: будучи еще совсем молодой, она участвовала вместе с моей дочерью Амайей в пропагандистской деятельности Объединенной социалистической молодежи в различных департаментах Франции.

Леонор приехала в Бухарест и привезла с собой парик и шляпу.

Моя румынская подруга Гизела Вас взялась заказать мне у хороших портных элегантное платье коричневого цвета и плащ. Как мне сказали, они работали до самой ночи, чтобы одежда была готова к утру того дня, когда я должна была уезжать.

Я оделась во все новое, надела парик, темные очки, шляпу, туфли на высоких каблуках...

Нет, правила конспирации не могли требовать от меня невозможного...

Нет, нет... Я быстро сняла с себя все эти замечательные вещи и оделась так, как сама придумала, чтобы можно было остаться неузнанной.

Ужасный парик, шляпа и темные очки превратили меня в почтенную американскую туристку.

Я попросила тысячу извинений у моих добрых румынских подруг и поднялась на самолет с Леонор Борнао, которая летела со мной в качестве моей дочери.

Должна признаться, что я довольно плохо переношу эти маскарадные переодевания. Но иногда нет иного выхода. Это был период «холодной войны». Французские власти уже в 1950 году выслали из Франции сотни испанцев,

многие из которых были активными борцами движения Сопротивления. Другие были вынуждены вернуться к жизни на нелегальном положении, вне Испании, в эмиграции.

Путешествие прошло хорошо. Никто не обратил на нас внимания.

Когда мы подлетали к Франции, я сняла шляпу. Леонор побледнела, опасаясь, что от ветра при выходе из самолета парик слетит у меня с головы.

Но ничего такого не случилось. Я надела на голову косынку. Когда мы прошли паспортный контроль и уселись в автомобиль, я быстро сняла парик, спрятала его в сумку и... вздохнула свободно.

Когда я почувствовала себя спокойно в своем привычном темном платье, мы отправились к месту проведения съезда — за город. Ехали долго, петляя по каким-то сельским дорогам. Наконец подъехали к дому со стеклянными дверьми.

Этот съезд представлял для меня огромный интерес, так как мне предстояло познакомиться с руководителями нашей партии, прибывшими из Испании.

Я вошла в большое помещение. Здесь были молодые товарищи, которых я увидела впервые, а также ветераны — я не видела их уже много лет. Все они сердечно приветствовали меня. На таких подпольных собраниях аплодисменты строго запрещены, но тут, взволнованные встречей, мы тихо, почти бесшумно зааплодировали друг другу.

Затем был восстановлен порядок и началась нормальная работа съезда.

Свое выступление на съезде я посвятила 45-й годовщине нашей партии.

Неожиданная встреча

Мы жили в Париже в вынужденном подполье, что было довольно трудно для моего темперамента. Я привыкла работать среди народа, открыто, поэтому жизнь в заточении, без возможности свободно выйти на улицу, участие в собраниях, проходивших в помещениях с плотно занавешенными окнами, — все это было для меня невыносимо. Но иного выхода не было. В условиях «холодной войны» власти не согласились бы на мое легальное пребывание во Франции.

Чтобы облегчить немного мое заточение, товарищ Госнат из руководства Французской компартии пригласил нас однажды, нарушив строгие правила конспирации, позавтракать в одном хорошем ресторане в окрестностях Парижа. Конечно, мы согласились на это с большим удовольствием.

Мы заняли стол, где нас отлично обслуживали. Кроме меня, там были товарищ Госнат и его жена, Кармен Менендес, Ирене Фалькон и др. Мы все были настроены весело, наслаждались этим маленьким праздником, и вдруг — вот это сюрприз! — увидели входящим в ресторан хорошо известного всем нам человека. Это был Андре Мальро — в то время министр культуры французского правительства. Он уселся за столиком неподалеку от нас вместе с молодым человеком, который явно его ждал.

Мы застыли в оцепенении.

Что делать?

Надо было срочно принимать решение.

Уйти незаметно, покинув эту приятную компанию? Или же остаться и продолжать спокойно сидеть за столом?

Да, Мальро был сейчас министром, но вместе с тем он являлся нашим большим другом, который добровольцем сражался на нашей стороне в войне против франкистов. Нам было бы приятно поздороваться с ним и пригласить его к нашему столу. Однако обстоятельства этого не позволяли.

Мы решили довериться дружбе, гуманизму Андре Мальро.

Я не знаю, заметил ли нас Мальро или сделал вид, что не узнал, но он даже не взглянул на нас. Так или иначе он быстро позавтракал и ушел из ресторана. К счастью, министры обычно торопятся.

Мы вздохнули облегченно, вдвойне наслаждаясь этим днем «свободы».

Помнится, ресторан этот назывался «Красный петух».

Я не могла не думать о тех писателях и художниках, которые ощущали необходимость бороться рядом с теми, о ком они писали.

Так поступил английский поэт Байрон, когда смело вступил в борьбу и погиб рядом с греками, сражавшимися за свое национальное освобождение, более двух веков назад.

Так поступили солидарные с нашим народом венгр Мате Залка, англичане Ральф Фокс и Фелисия Браун, француз

Луи Делапре, кубинец Пабло де ла Торриенте, наш Эмилиано Баррал, погибшие в Испании.

Вместе с нами боролись Мальро и Хемингуэй, Людвиг Ренн и Густав Реглер, Эрих Вайнерт, Вилли Бредель, Эрнст Буш, Михаил Кольцов, Роман Кармен, О. Савич, Стив Нельсон, Альва Бессие; с нами были Луи Арагон, Илья Эренбург, Поль Робсон и сотни представителей интеллигенции из многих стран мира, как, например, доктора Барский и Норман Бетхуне. Настанет день, когда все эти имена станут символами самого высокого выражения дружбы и солидарности, символами борьбы против несправедливости, за свободу. Лучшие представители мировой интеллигенции стали на нашу сторону.

Немецкий писатель-антифашист Эрнст Толлер, автор «Трагедии Хинкеманна», находясь в Нью-Йорке, собирал подписи под воззванием в поддержку испанских республиканцев. Узнав о победе Франко, он повесился в номере своего отеля. Его друг Пискатор писал, что Толлер не смог вынести того, что беззаконие завладело властью в Испании.

На Курильские острова?

Вынужденные жить на нелегальном положении, мы сняли в парижском пригороде Шелле домик, ничем не отличавшийся от тех, что выстроились вдоль узкой и скромной улочки. Но я могла прогуливаться лишь около дома по небольшой треугольной площадке, укрытой от любопытных взглядов соседей. По улице редко проезжали машины. В общем, это заточение во Франции с ее свободой, равенством и братством казалось мне очень похожим на домашнюю тюрьму.

Положение не улучшалось, скорее, наоборот.

Однажды вечером — это было, кажется, 1 июня 1958 года — французские товарищи сообщили, что де Голль собирается произвести государственный переворот фашистского толка.

Я поднялась с Ирене в свою комнату, мы погасили свет и стали наблюдать в окно за тем, что происходит на улице.

Что случилось?

Еще один фашистский переворот?

Неужели свастика или нечто подобное будет преследовать нас всю жизнь?

Де Голль — фашист? Не преувеличение ли это?

Так мы вполголоса обменивались мыслями. До нас доносились аккорды «Прощальной песни», исполняемой группой музыкантов, шедшей во главе манифестации, направлявшейся на площадь Монумента в этом пригородном районе. Там они остановились, и мы слышали песни, крики «ура».

Нас мучили всякого рода мрачные предчувствия. Неужели придется снова эмигрировать?

Конечно, наше положение и сейчас было трудным, иногда просто невыносимым. Но что будет с нами, если во Франции будет установлен фашистский режим?

Мы вспомнили нашего незабвенного Педро Чека. Когда началась вторая мировая война, он шутил, что в конце концов мы окажемся на Курильских островах.

Вскоре пришли французские товарищи и сообщили, что речь идет о государственном перевороте, совершенном генералом де Голлем для установления своей «личной власти»...

«Муж» с дурным характером

Монтрёй — один из самых памятных для испанцев парижских районов. Здесь проходили митинги и собрания нашей партии, всегда поддерживаемые французскими коммунистами.

В июне 1971 года мы готовились к проведению большого митинга с целью рассказать о политике нашей партии.

Я находилась тогда в Бухаресте, работая все время в «Пиренаике». Французские власти упорно продолжали отказывать мне в разрешении на въезд в их страну, что вынуждало меня без конца прибегать к конспирации, чтобы пересечь границу. И мне это удавалось благодаря изобретательности и ловкости наших товарищей. Особенно хочу отметить мастерство товарища Доминго Малагона, отличной работе которого мы, испанские коммунисты, обязаны удачным пересечением многих границ, и в первую очередь границ Испании.

На этот раз сам Доминго взялся организовать мой приезд в Париж. Я встретила с ним в Югославии, в Любляне, близ итальянской границы. Он приехал не один: привез мне ни много ни мало французского «мужа», статного мужчину, который как раз подходил мне по росту. В качестве «супруги» этого господина, с соответствующими документами мой въезд во Францию должен был пройти без всяких затруднений.

Так мы думали...

Нас сопровождали и другие товарищи, ехавшие в четырех автомобилях.

Первая задержка произошла из-за страшного водяного смерча, застигшего нас на автостраде Триест — Милан, что вызвало аварию одной из машин.

Любопытно, что ливень оказался роковым для моего «мужа», или, возможно, ему не по вкусу пришлась моя персона. Во всяком случае месье продемонстрировал невыносимый характер.

В Генуе мы остановились, чтобы перекусить. Я, как обычно, осталась сидеть в машине. Мой «муж» вышел на улицу и исчез. Возможно, он не хотел больше видеть нас. Доминго с товарищами искали его повсюду, в самых невообразимых местах, наконец беглец был найден и тут же заявил, что не хочет ехать дальше. Благодаря исключительному таланту Доминго восставший «муж» был усмирен и его снова усадили ко мне в машину. Пришлось терпеть его фокусы до пересечения французской границы. Зато какое облегчение испытали мы, когда распрощались с ним! Мерси, месье! До свидания, мадам! И все. Авантюра с «мужем» окончилась в общем благополучно.

Мы прибыли в Ниццу в четыре часа утра вместо десяти вечера, как планировали. По вине капризного месье. Нас терпеливо ждали испанские товарищи и отвезли в спокойное место, где мы смогли отдохнуть с дороги.

Встреча с молодежью и красные флаги

Меня привезли в Обервиль, еще один гостеприимный для испанцев район. Одна французская чета, из тех, что в годы диктатуры оказывали нам поддержку и бескорыстную помощь и чье великодушие мы никогда не забывали,— эта семья устроила меня на ночлег.

Ночь была для меня долгой и беспокойной. Спать? Я не могла и думать об этом. Ведь на следующее утро мне предстояло произнести речь на большом митинге. А я всегда чувствовала себя очень плохо перед выступлением... Стала перечитывать уже готовую, написанную мною заранее речь... и она мне совершенно не понравилась, абсолютно.

Поскольку мне не спалось, я стала исправлять ее и в конце концов переписала заново. Не отдавая отчета в том, что делаю, я ее совершенно изменила, от начала до конца.

Самое худшее произошло на следующее утро. Когда за мною пришли товарищи и я вручила им эти написанные вчерне листки, они с ужасом посмотрели на меня. Как успеть перепечатать все это до начала митинга?!

И все же они сумели устроить так, что моя речь, перепечатанная начисто, попала мне в руки как раз перед самым моим выступлением. Я была им очень благодарна и признательна, понимая, как это было трудно сделать, учитывая, что мы находились на нелегальном положении. Сантьяго уже три года вынужден был жить с вымышленным именем, кажется, Гискар, отдельно от семьи. В таком же положении находились и другие наши товарищи.

А сейчас в присутствии пятидесяти тысяч человек мы свободно говорили на митинге в парке Монтрёй. Он вылился в грандиозную манифестацию братской поддержки нашей партии и нашего народа. Французская компартия провела неделю солидарности с борьбой испанского народа и организовала сбор подписей. Первыми поставили свои подписи товарищи Жорж Марше, Этьенн Фажон, Жак Дюкло, Бенуа Фрашон, Мадлен Винсент, Луи Арагон, Роланд Фаваро, Роль-Танги, Мари Клод Вайян-Кутюрье, Жозе Норман и Шарль Ледерман.

Были получены приветствия от ЦК Французской компартии, от испанских коммунистов, томящихся в заключении в тюрьмах Карабанчели, Кадиса, Сеговии, Торреро, приветствия от бывших заключенных коммунистов.

В теплом послании из Рима, которое зачитал Этьенн Фажон, открывая митинг, Луиджи Лонго вновь выразил «безоговорочную поддержку Итальянской компартии Коммунистической партии Испании и борьбе испанского народа».

Наш друг Жак Дюкло обратился к нам со словами: «Мы с вами! Миллионы французов и француженок про-

тягивают вам руку дружбы, мы разделяем ваши трудности и ваши надежды!»

Сантьяго Каррильо произнес блестящую речь, в конце которой изложил программу демократического решения испанской проблемы:

«Образование демократического правительства широкой коалиции.

Амнистия для политических заключенных и изгнанных. Восстановление политических свобод для всех партий и течений, существующих в стране, без каких-либо исключений.

Проведение выборов в Конституционную ассамблею, которая решит вопрос о будущем политическом устройстве Испании».

В своем выступлении я поблагодарила Коммунистическую партию и народ Франции за их постоянную братскую солидарность с нами:

«Приветствуя от всей души это представительное собрание солидарности с борьбой нашего народа за восстановление демократии в Испании, мне трудно удержаться от волнующих воспоминаний.

Тридцать пять лет назад — целая жизнь! — летом 1936 года я приехала сюда в Париж, в Париж Великой революции, Парижской коммуны, героической борьбы рабочих и демократии, с просьбой о помощи и солидарности с Испанской республикой, против которой вспыхнул преступный фашистский мятеж.

Народ Франции, его прогрессивная интеллигенция и особенно рабочий класс с незабываемым великодушием откликнулись на призыв наших бойцов, решивших защищать республику не на жизнь, а на смерть.

По всей Франции была организована помощь республиканской Испании, причем во время манифестаций народ требовал от тогдашних французских правителей предоставить Испании оружие и самолеты. И это было здесь, в этой Франции, которая традиционно поддерживала борьбу всех народов за свободу, где организовывались первые бригады добровольцев, отправлявшихся в Испанию и воевавших в окопах республики как настоящие герои.

Вдохновителем этого волнующего движения солидарности с испанским народом в 1936 году была Французская компартия, которой руководил наш большой, незабвенный друг — Морис Торез.

Позднее, когда для Франции настали мрачные дни гитлеровской оккупации, испанцы, как до этого у себя на родине, героически сражались — уже зная, что несет фашизм народам — в рядах французского движения Сопротивления.

Братские могилы французских и испанских бойцов в посёлках и городах — это волнующее свидетельство вечного братства двух наших народов в борьбе за свободу против общего врага.

Сегодня снова наши французские товарищи возглавляют кампанию солидарности с нашим народом, долгая и неравная борьба которого против вчерашних победителей ведет к разложению ненавистной кровавой диктатуры генерала Франко.

И мы собрались здесь не для того, чтобы оплакивать, как дочери Иерусалима, нашу долгую разлуку с родиной, и не для того, чтобы ворошить пепел братоубийственной ненависти, и не для того, чтобы поднять, как знамя борьбы, саваны наших погибших товарищей.

Мы, коммунисты, собрались, чтобы, как всегда, сказать о жизни и о борьбе, о наших надеждах и мечтах, о вере в светлое будущее нашей родины...

Приглашая молодых людей, полных боевого духа, следовать за нашим поколением, бороться с нами за демократию и социализм, мы не обещаем им ни благ, ни си-некур.

Повторяя слова Сенеки, нашего философа из Кордовы, который тоже долгое время жил страдая, в эмиграции, мы говорим: «Не поддавайся чуждому тебе влиянию. И каковы бы ни были трудности, которые тебе приходится переживать, держись твердо и уверенно, чтобы по крайней мере о тебе всегда можно было бы сказать: «Ты — человек»...

Мы, коммунисты, можем с гордостью сказать вслед за Унамуно, тем Унамуно, который в университете Саламанки гневно бросил франкистским мятежникам: «Вы побеждаете, но не убеждаете», что испанские коммунисты проявили себя как герои из легенд в ходе повседневной борьбы против франкистской диктатуры, в тюрьмах, под пытками и перед расстрелом.

Многие наши товарищи были подвергнуты пыткам и расстреляны, в числе которых наш незабвенный Хулиан Гримау, а таких героев — легион.

И каждый из них — это пример, на котором люди учатся жить и умирать с достоинством.

Закрывая тот памятный митинг, товарищ Жак Дюкло сказал в заключение:

«Мы, французские коммунисты,— с Испанией Федерико Гарсии Лорки, с Испанией Хулиана Гримау, с Испанией Пасионарии, и народу этой Испании мы хотим помочь выйти из мрака рабства, чтобы занять место под солнцем свободы.

Мы с прекрасной Испанией, которая страдает, борется не только за себя, но и за нас.

Мы с вами, трудящиеся, все демократы Испании, ибо знаем, что победа демократии по другую сторону Пиренеев — это и победа трудящихся, всех демократов Франции».

Говоря об этой благородной и мужественной Испании, которая страдает и надеется, Жак Дюкло напомнил прекрасные стихи Поля Элюара:

*Если есть в Испании дерево, залитое кровью,
это дерево свободы.*

*Если есть в Испании уста, которые говорят,
эти уста говорят о свободе.*

С Фиделем Кастро

Однажды Фидель Кастро прислал мне приглашение посетить Кубу, я приняла его с удовольствием. Это было зимой 1963 года. Мы совершили путешествие с остановкой в Мурманске, где теплая встреча советских моряков несколько смягчила холод, которым встретил нас этот северный порт.

Мне хотелось бы посетить Кубу в качестве обычной туристки, без всяких формальностей, без протоколов, без шума в прессе. Познакомиться с опытом осуществления социалистической революции в стране, где говорят на родном нам испанском языке.

Но это было невозможно. В аэропорту имени Хосе Марти меня встречал Фидель Кастро, который принял меня как представительницу сражающейся Испании. Во время нашего посещения Кубы мы повсюду ощущали солидарность кубинского народа с нашим народом. В дни моего

*Прибытие в Гавану,
1963 г.*

визита отмечалась пятая годовщина кубинской революции. Вместе с кубинским народом, который так по-братски относился к нам, я испытывала в эти дни волнение и радость.

В сопровождении кубинских товарищей я побывала на равнинах провинции Камагуэй, у отрогов гор Сьерра-Маэстра, посетила горняков и металлургов никелевого комбината Никаро, трудящихся сахарных заводов, учебные заведения Гаваны, Сантьяго-де-Куба. На меня произвело огромное впечатление яркое пробуждение человеческих и интеллектуальных способностей народа, освободившегося от столь долго длившегося гнета.

В течение всей нашей поездки кубинцы принимали меня как близкого человека, своего друга. Помню, в Сантьяго ко мне подошел высокий негр и, дружески обняв, сказал: «Долорес, я тоже родом из Страны Басков».

Я познакомилась со многими мужчинами и женщинами, строителями нового общества на Кубе. Самое большое впечатление, оставшееся от этой поездки, — личное общение с Фиделем Кастро, с человеком, который в условиях жестокой тирании сумел понять, что пробил час Кубы, и он

вступил в трудную борьбу, которая открыла его стране путь к свободе и социализму.

Во время моего пребывания на Кубе я слышала несколько выступлений Фиделя. Они представляли собой диалог с народом, он умел так говорить, что его чувства становились чувствами народа, который верил в своего революционного руководителя.

Куба дала народам свой опыт, отвергающий концепции догматиков. Кубинская революция — это неотъемлемая часть борьбы народов Латинской Америки за свою свободу и национальную независимость.

В гаванской газете «Мундо» я прочла такую фразу о себе: «Мы уверены, что, когда Долорес Ибаррури вступила на кубинскую землю, она почувствовала себя здесь в какой-то степени как на своей далекой родине, ибо нашла в сердце каждого кубинца любовь, которую мы все испытываем к ее народу».

Братство, солидарность с кубинским народом были скреплены нашей кровью и кровью кубинцев, погибших за нашу свободу, таких, как Пабло де ла Торриенте Брау, Кордон, Альберто Санчес и многие другие, помнить о которых мы будем всегда. Об этом хорошо сказал известный кубинский поэт Николас Гильен:

*Вижу тебя, Испания,
истекающей кровью,
но жизнь всегда возвращается к тебе — любовью...*

*...Я, сын Америки,
навстречу тебе шагаю, за тебя умираю,
я тот, кто любит свободу всей душой...*

Мы отпраздновали Новый, 1964 год в сельском доме недалеко от столицы, на вольном воздухе, где ели жареных поросят и много других лакомств. С нами были Рауль Кастро, Рамиро Вальдес, Вильма Эспин, Хайде Сантамария и другие кубинские и испанские товарищи, наши сограждане, которые работали на Кубе. Мы пели и болтали до позднего вечера в дружеской и теплой обстановке.

Уже рассветало, когда прибыл Фидель поздравить с наступлением Нового года своих испанских друзей.

В испанском центре имени Хулиана Гримау я по приглашению Хосе Марии Гонсалеса Хереса, возглавлявшего тогда испанскую эмиграцию на Кубе, встретилась со

своими земляками, которые с энтузиазмом трудились на Острове Свободы.

Кубинские товарищи, участвовавшие в актах солидарности с антифашистской Испанией во время нашей войны, подарили мне бронзовую статуэтку, копию бюста, который сделал с меня в Мадриде американский скульптор Джо Давидсон. Меня поразило, что бюст был продырявлен выстрелами из пистолета. Мне рассказали, что однажды в годы правления диктатора Батисты, когда жестоко преследовались все, кто симпатизировал республиканской Испании, в помещение, где собрались наши друзья, ворвались полицейские и, не найдя ничего предосудительного, расстреляли мое бронзовое изображение. Кубинские друзья сохранили израненный бюст, как талисман, который я до сих пор с благодарностью храню.

После пяти недель активного знакомства с Кубой мы начали готовиться к возвращению в Советский Союз. Фидель Кастро пригласил меня остаться на Кубе. «Здесь,— сказал он мне,— ты сможешь работать для Испании и чувствовать себя как на своей земле». Я вспомнила, что в наших поездках по кубинскому острову мы проезжали через селения, которые носили баскские названия, названия моей родной земли... Я от души поблагодарила Фиделя за приглашение.

— Но ведь у меня в Москве дочь и внуки.

— Это мы уладим,— ответил Фидель.— Привезем их всех сюда.

Не сумев убедить меня, он в характерном для него шутилом тоне добавил: «Тогда мы отвернем какой-нибудь болт в самолете и у тебя не останется иного выхода, как остаться».

В аэропорту имени Хосе Марти мы простились с кубинскими руководителями. Фидель дружески обнял меня, сказав на прощание: «Ну вот мы и едем!» Подрулил самолет.

Через несколько минут, к нашему изумлению, вновь появился Фидель в сопровождении двух товарищей, одетых в светло-зеленую форму. Фидель подошел ко мне и спросил улыбаясь: «Долорес, хорошо ли я одет для русских холодов?» Я заверила его, что хорошо. Фидель вошел вместе со мной в салон самолета и сел рядом. В течение всего долгого полета мы говорили о Кубе, об Испании, о Галисии, где, по его словам, жили его родственники, о кубинских крестьянах и о многом другом...

Кстати, мы везли с собой в черной сумке две клетки с подаренными нам молодыми кубинцами попугайчиком и канарейкой, которых принесли в самолет, минуя, как я полагаю, существующие на этот счет правила. Откровенно говоря, мы испытывали известное беспокойство, как бы попугайчик не подал голос, к счастью, этого не произошло: птица, видимо, чувствовала необычность своего положения.

В Москве Фиделю была оказана торжественная встреча. Советские руководители, многочисленные трудящиеся сердечно приветствовали популярного кубинского лидера.

Несколько дней спустя у меня в квартире раздался телефонный звонок. Каково же было мое удивление, когда я услышала характерный голос Фиделя: «Есть ли у тебя овощи?» Я поняла, что он хочет приехать к завтраку, что меня крайне обрадовало. Мы начали всей семьей готовиться к встрече. Вскоре Фидель появился вместе с пятью или шестью сопровождавшими его кубинцами. Первое, что он сделал, — отправился на кухню: «Вот это да, пахнет испанской пищей». Это был поистине радостный для нас день.

Мой внук Федор, которому тогда было восемь лет, украсил лентой спинку кресла, на котором сидел Фидель.

Поверенный в делах опасается Пасионарии

Несколько месяцев спустя Хосе Мариа Гонсалес Херес рассказал мне о некоторых любопытных «дипломатических последствиях» моего посещения Кубы.

В ознаменование пятой годовщины кубинской революции в президентском дворце был устроен прием. Как обычно, на нем присутствовали члены дипломатического корпуса, аккредитованные на Кубе, деятели культуры и искусства, руководители революции, иностранные гости. Я тоже получила приглашение и прибыла точно в назначенное время. Через несколько минут подъехал поверенный в делах Испании: в то время в Гаване не было испанского посла. Не выходя из машины, он спросил ответственного за протокол сотрудника, встречавшего его:

— Сеньора Ибаррури уже прибыла?

— Да, сеньор, она приехала несколько минут назад.

Испанский дипломат недовольно захлопнул дверцу машины и велел шоферу возвращаться в посольство. Судя по тому, что произошло несколько недель спустя, он получил из Мадрида строгое указание: не присутствовать на приеме, если там буду я.

После возвращения Фиделя из Москвы поверенный в делах Испании попросил принять его. Кубинский премьер был очень занят и все время откладывал встречу. При новом обращении испанский дипломат объяснил, что встретиться нужно срочно, ибо вызван в Мадрид и уезжает в ближайшие дни.

Договорились о встрече в полдень. Представитель испанского правительства приехал точно в назначенное время. Подходя к президентскому дворцу, он с удивлением увидел выходящего оттуда своим широким, торопливым шагом Фиделя Кастро. При виде испанского дипломата Фидель извинился, сказав, что забыл о свидании, а сейчас вынужден непременно куда-то ехать. «Но всегда можно найти выход,— заметил он.— Если вы не слишком торопитесь, поедemте со мной, по дороге мы сможем переговорить».

Испанский дипломат принял приглашение. Вместе с Фиделем он побывал в окрестностях Гаваны на птицеферме и в скотоводческом хозяйстве, однако поговорить на дипломатические темы не удавалось. Фидель с воодушевлением рассуждал о проблемах птицеводства и скотоводства, рассказывал о различных сельскохозяйственных проектах, намекнув, что Куба не прочь развивать экономические отношения с Испанией: «Эти корзины для сбора яиц мы могли бы импортировать из вашей страны...», «Такие машины и инкубаторы наверняка имеются в Испании...», «Можно было бы заняться акклиматизацией некоторых хороших пород свиней...», «И кур...».

Возвращаясь в Гавану, Фидель продолжал говорить об увиденном, о планах Кубы. На прощание он заметил: «Наверное, вы хотели поговорить со мной о чем-то срочном, а мы беседовали на самые разные темы, забыв о причине вашего посещения...»

Испанский дипломат, поблагодарив Фиделя за оказанное ему внимание, объяснил, что в Мадриде очень недовольны моим недавним посещением Кубы. Там считают, что меня встречают как главу государства, выразив тем самым пренебрежение к испанскому правительству, и это в то

время, когда велись переговоры о расширении и улучшении отношений между Испанией и Кубой.

Фидель внимательно выслушал его.

«Недовольство вашего правительства лишено оснований,— заявил он.— Я принял Долорес Ибаррури как влиятельного коммунистического деятеля, Председателя Компартии Испании, ведь я тоже коммунист. И принял я ее именно как руководитель Компартии Кубы. Это не должно вызывать недовольство испанского правительства. Мне тоже не нравится, когда в Мадриде принимают деятелей, враждебно относящихся к Кубе, но я считаю, что ваше правительство вправе само выбирать себе друзей. Такое же право имеем и мы, кубинцы. Кстати, хочу заметить: приглашение Долорес было сделано не недавно, как считает ваше правительство. Приглашение было направлено несколько месяцев назад, в чем вы можете убедиться, здесь нет никакого секрета: сообщение об этом было опубликовано в кубинской прессе, в газете «Гранма».

Испанский дипломат успокоился. У него не нашлось возражений. «Вы сняли с меня большую заботу,— сказал он.— Теперь я вспоминаю, что действительно приглашение сеньоре Ибаррури было сделано несколько месяцев назад. Я отвезу в Мадрид экземпляр «Гранмы» с сообщением об этом приглашении. Вы мне представили,— добавил он,— достаточно убедительные аргументы. Я вам очень благодарен».

Прощание было вполне сердечным. Поверенный в делах Испании, добавил Херес, не сказал при этом о том, о чем наверняка подумал: чтобы представлять должным образом Испанию на новой Кубе, хороший дипломат должен разбираться в механике, птицеводстве, скотоводстве, генетике, ибо в противном случае трудно вести разговор с Фиделем, который мог затронуть самые неожиданные темы.

Пабло Неруда в сердце

Мы были знакомы с ним со времен национально-революционной войны в Испании. Были друзьями. Приезжая в Москву, он всегда навещал меня. Мне запомнился его замечательный чилийский акцент, его выразительное индейское лицо.

Когда родилась моя внучка Лоли, Неруда сделал ей подарок — замечательный плетеный стульчик, изготовленный руками русских кустарей. Он отыскал его во время путешествий по просторам Советской страны и подарил со словами: «Привет тебе, наша подруга!»

Мы разговаривали об Испании, о Чили, о нашей борьбе и о наших надеждах.

Потом мы увиделись с ним в Париже. Он пригласил нас на завтрак в свое посольство. Это было время, когда Неруда, при Альенде, был представителем Чили во Франции. В тридцатых годах он работал консулом в Испании.

Неруда рассказывал мне о трудностях, о провокациях, организуемых против него на каждом шагу реакционными элементами. Он страдал, ибо был поэтом и революционером и любил свой народ больше всего на свете...

И вот пришло страшное известие... Пабло Неруда не смог пережить свою трагедию и трагедию всего чилийского народа — смерть Альенде, гибель свободы на чилийской земле.

Я написала тогда:

«ПАБЛО НЕРУДЕ, НЕЗАБВЕННОМУ ТОВАРИЩУ И ДРУГУ

Ты ушел от нас, оставив нас сиротами, лишенными твоего искреннего и сердечного участия.

Ты великодушно оставил нам свои бессмертные творения и пример своей жизни. В них твоя жизнь, твои песни и в них твоя любовь к своему народу, любовь ко всем народам, борющимся за справедливость.

Погиб Пабло Неруда, смертельно раненный видом ужасных страданий своего народа, разбитого, поверженно-го, обескровленного бандой выдрессированных империализмом скотов в форме, которые с яростью задушили свободу и суверенитет его Чили, его родины, превратив его Чили, Чили Рекабаррена и Элиаса Лаферте, Альенде и Корвалана, которую эти героические люди хотели видеть суверенной, независимой и демократической, в зависимую страну.

Ты живешь, товарищ и друг Неруда, в нашей памяти, затуманенной слезами. Ты воспевал наш народ и нашу бессмертную Испанию в кровавые дни ее героического сопротивления фашистской военной агрессии.

И ты не мог тогда представить себе, что твой народ история обречет на такую же трагическую участь, как и нашу Испанию-мученицу, что и тебя, наш дорогой Пабло Неруда, постигнет та же трагическая судьба, что и нашего Мачадо, Мигеля Эрнандеса и Гарсия Лорку, замечательных поэтов, которые, как и ты, были исполнены патриотизма, политической честности, непримиримости ко всякому злу и несправедливости. Тобой, наш товарищ и друг, поэт, восхищаются Испания и Чили, ты поэт всех говорящих по-испански народов, всех народов, которые борются за свободу и человеческое достоинство, верный друг нашего великого Альберти и Марии Тересы.

Ты однажды написал так, как умел только ты:

*Я родился на Юге, в глуши, где меня
сопровождал галоп коня
последнего каудильо.*

*Но партия опустила меня на грешную землю
и сделала человеком, и вот я внемлю
пустыням и кордильерам,
открывая любовь и веру.*

*Народ мой, правда ли, что по весне
слышишь ты обо мне
и узнаешь меня,
как если бы я мог*

стать рекой, текущей через твой чертог?

Да, Пабло Неруда! Твой народ признал тебя своим поэтом навсегда. И мы тоже, те, с кем ты был рядом в дни траура и крови. Твое имя живет в нашей борьбе, в нашей памяти и в нашей будущей победе. Говоря — Испания, мы говорим — Чили, говоря Гарсия Лорка, мы говорим — Пабло Неруда! Ты жив, наш товарищ и друг, и всегда будешь жить в памяти нашего народа и твоей Чили, страны, которая сейчас истекает кровью от нанесенных ей ран, но которую пиночетовские палачи, подлые агенты врагов твоей родины, никогда не поставят на колени.

Из далекого, но столь близкого нам прошлого мы слышим святую клятву Неруды коммунисту Рекабаррену, человеку, пронесшему через ненависть и тюрьмы свою клятву, которую сегодня повторяет чилийский народ, когда хоронит своих погибших товарищей, когда останавливает кровь на своих ранах и смотрит в будущее с надеждой и верой:

*Клянемся, очистим раны,
что родину искалечили.
Клянемся, что свобода
поднимет цветок свой вечный
над землей изувеченной.
Клянемся свой путь продолжить
до победы народа».*

Митинг в Женеве

Весною 1974 года появились признаки больших перемен. В воздухе повеяло: настает час Испании.

Наша партия организовала в Женеве большой митинг, получивший широкий международный резонанс.

Из Швейцарии Игнасио Гальего от имени комиссии по подготовке митинга сообщил мне по телефону: энтузиазм исключительно велик. Собираются десятки тысяч испанцев. Но швейцарское правительство, опасаясь давления со стороны франкистского правительства, колеблется дать разрешение на проведение этого митинга.

Поедем мы в Швейцарию или нет? С чем связано такое необычное оживление вокруг нашего митинга?

Причины для этого были.

В Португалии только что произошла «революция гвоздик», встреченная с величайшим энтузиазмом. Накануне краха находилось правительство «черных полковников» в Греции. Публично было объявлено о создании в ближайшее время в Париже Демократической хунты с участием деятелей рабочего движения нашей страны, национальных движений Каталонии и Галисии, народной социалистической партии, карлистской партии, партии правой демократии, монархистов и республиканцев, реалистически мыслящих предпринимателей и независимых деятелей.

Какие перемены ждут Испанию? Все задавали себе этот вопрос...

В конце концов товарищи предложили мне: «Поезжай в Женеву, мы поможем».

И мы отправились в Швейцарию. Со мной поехали Мендесона, Ирене, Амайя и моя внучка Лолита.

Когда мы приземлились в Женеве, швейцарские товарищи и Гальего сообщили нам, что митинг состоится,

но по решению правительства этой страны руководители КПИ должны сидеть в президиуме митинга молча. Прямо как в музее восковых фигур! Выступать разрешено только швейцарским подданным.

Швейцарские товарищи успокаивали нас. Ваш голос будет услышан, заверяли они.

Нас отвезли в радиостудию, записали наши речи и смонтировали достаточно мощные громкоговорительные установки, чтобы нас могли услышать тридцать — сорок тысяч испанцев, которые соберутся в спортивном комплексе Лэ Вернэ.

Сказав о широком международном интересе к нашему митингу, я нисколько не преувеличила.

Прибыли журналисты и фотокорреспонденты со всей Европы. Было представлено швейцарское телевидение, итальянское, нидерландское и испанское, замаскированное под «колумбийское».

Исполненные подлинного энтузиазма, испанская молодежь, рабочие, эмигрировавшие из различных стран, пожертвовали свои сбережения на организацию нашего митинга. Кстати, из Испании должны были прибыть, пойдя на большой риск, около тысячи человек.

Зал представлял собой море плакатов, флагов. Крики: «Свобода, свобода!», «Испания — да, фашизм — нет!».

Митинг проходил под председательством товарища Винсента и секретаря Швейцарской партии труда товарища Магнина.

Кто-то сообщил, что автобусы с испанцами уже пересекли границу и приближаются к Лэ Вернэ. Нас попросили подождать их. Но чем заполнить это время?

Я встала, подошла к трибуне — все были страшно удивлены, ведь нам было запрещено говорить (Сантьяго сказал мне потом, что очень испугался).

«Товарищи, — сказала я, — нам запрещено говорить, но никто не запрещал нам петь. Я спою вам революционную песню моей молодости». И запела:

*Юные рабочие,
позабудьте страх!
Обретете счастье вы
в наших рядах.
С новым, лучшим миром
мы связаны судьбой.*

*Ради человечества
мы идем на бой!*

*Красное знамя социализма —
в ваших отважных руках.
Юные рабочие,
вас зовет отчизна!
Братья-пролетарии,
позабудьте страх!
Всего мы добьемся,
чего мы хотим.
Под ним мы сражаемся
и победим!
Это — как свобода:
пока человек взаправду живет,
неважно, который ему год.*

*И пока огонь души не погас,
неважно, какой он сейчас,
даже если совсем седой,
пылает жизни костер молодой.*

Неожиданное — незапрограммированное исполнение этой песни взволновало публику, которая возобновила крики: «Победа!», «Победа!».

Тем временем подъехали автобусы с прибывшими из Испании, и стадион всколыхнулся от новых проявлений энтузиазма.

Начался митинг. Твердо и громко зазвучал голос Сантьяго Каррильо, записанный на магнитофонной ленте.

Он начал с того, что отметил интерес в Испании и во всем мире к этому митингу. И хотя, продолжал он, еще не было произнесено ни слова, присутствие на митинге такого количества людей — это «мощный голос тех, кто выступает не против Испании, в чем нас обвиняют глашатаи фашизма, а за Испанию, за нашу родину, за наш великий народ, безусловно, достойный того, чтобы обрести свободу и демократию!».

Затем Каррильо кратко остановился на том, какой мы хотим видеть Испанию:

«Испанию демократическую, Испанию, в которой все без исключения имеют право на свободу слова и действий.

Испанию без мести и реванша, без пыток, без поли-

цейских, нарушающих закон, без продажных политиков, без смертных приговоров.

Гуманную Испанию.

Из этой Испании, о которой мы мечтаем, не нужно будет эмигрировать в поисках куска хлеба. Мы боремся также за политические, экономические и социальные права испанцев, вынужденных трудиться за пределами Испании».

Сантьяго вновь подтвердил, что мы будем уважать правила демократической игры. Что только в том случае прибегнем к насилию, если против демократического правительства будет использовано насилие. Тогда мы не будем колебаться. Мы будем сражаться. Мы не подставим другую щеку.

Затем он сказал: «То, к чему мы сегодня стремимся — это не социализм, а демократия, восстановление свободы. Хотя мы никогда не упускаем из виду наши социалистические идеалы. Тем, кто спрашивает, будет ли свобода при социализме, еще раз отвечаем: социализм немыслим без свободы; мы предлагаем для Испании социализм с плюрализмом; с соблюдением всех прав человека; со свободой для оппозиции».

Последние слова Сантьяго, записанные на магнитофонной ленте, возвестили: «Колокола звонят по фашистской диктатуре. Свободная Испания ближайшего будущего рождается и здесь, в ходе забастовок и митингов, в протестах, в демократических диалогах. Да здравствует свобода! Да здравствует социализм! Да здравствует Испания!..»

По окончании пленки Сантьяго Каррильо, вдохновленный энтузиазмом собравшихся, вскочил со своего места и, подойдя к микрофонам, воскликнул: «До сих пор вы слышали мой голос в записи. Теперь... Никто не в состоянии заглушить голос Коммунистической партии Испании! До встречи в Мадриде!»

Мы тогда еще не знали, что всего лишь год отделяет нас от смерти каудильо. Но мы уже ощущали близкое дыхание свободы.

Мое выступление:

«Голоса и звуки митинга волнуют нас до глубины души, напоминают нам о сражавшейся Испании, о непокоренной Испании, о бессмертной Испании. Об Испании Сервантеса и Гойи, Унамуно, Гарсии Лорки, Мигеля Эрнандеса и Пикассо. О республиканской, демократической Испании,

Испании президента Компаниса, Агирре и Негрина.

Об Испании, которая обессмертила себя стихами Рафаэля Альберти, чьи песни «расправляли крылья на фронтах народного сопротивления, среди грохота орудий, чтобы лететь потом над всей землей», как сказал другой великий поэт Пабло Неруда, жертва ненависти чилийского Франко — генерала Пиночета.

Об Испании Гримау и всех убитых франкистами. Об Испании Пиуга Антича, задушенного в тюрьме в родной Каталонии, об Испании Санчеса Монтеро и Камачо, рабочих руководителей, осужденных на долгое тюремное заключение, единственным преступлением которых является борьба в защиту прав трудящихся.

Об Испании наших героев и мучеников, партизан и безымянных бойцов, крестьян Эстремадуры, Андалусии и Кастилии, трудящихся Виго и Эль-Ферроля, Мадрида, Астурии, Каталонии, Страны Басков и Наварры.

Мы все еще страдаем от вынужденной эмиграции, которая, говоря словами одного португальского друга, такого же эмигранта, как и мы, «дает нам право умереть, но мы не свернем с избранного пути, потому что мы испытываем законную гордость, революционную гордость оттого, что боролись за справедливое дело, и уверены, что утро демократии уже встает сегодня над нашей родиной».

Волнующим и ободряющим примером для испанцев, собравшихся на эту дружескую встречу за пределами Испании, может служить братская Португалия, где фашистская диктатура, господствовавшая более полувека, пала в течение нескольких часов практически без какого-либо насилия, благодаря единству и борьбе народных масс и движению военных, благодаря политическому чутью и патриотизму мужественных офицеров. Португалия превратилась в демократическую страну, страну, которая идет (не без страданий,— потому что роды никогда не обходятся без страданий,— но с верой в свою силу и в свое право) по пути демократии, поднимаясь все выше, как маяк надежды, справедливости и свободы для нашего народа, нашей страны, на западных границах нашей родины.

Приветствуя с величайшим волнением португальский народ и его руководителей, будучи уверена, что передаю и ваши чувства и ваши надежды, хочу сказать от всей души: до скорого свидания, португальские товарищи, друзья и братья, — в СВОБОДНОЙ И ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ИСПАНИИ, в

которой станет возможным политическое сосуществование всех испанцев!

...Мы, коммунисты, не думаем, что можно механически перенести революционный опыт из одной страны в другую, потому что политические, социальные и экономические условия в них не всегда тождественны. Каждая страна следует по своему собственному демократическому и революционному пути. Наша партия, говоря о своем понимании политических, демократических и национальных условий в стране, неустанно борется за пакт свободы, за конвергенцию мнений и целей, что позволит совершить переход от франкизма к демократии без кровавых столкновений и большого насилия...

Длительной и тяжелой была наша борьба и героическое сопротивление нашего народа. Но на пути истории, как и по течению больших рек, невозможно установить глиняные плотины. И франкизм уже выглядит сегодня, как куча глины, затвердевшей, но ломкой, смешанной с кровью и жизнями более миллиона испанцев и размываемой постоянным народным сопротивлением и, прежде всего, борьбой новых поколений, вашей борьбой, товарищи и друзья, которые являются выразителями стремления всего нашего народа жить на свободной и демократической родине.

В этом движении, новом, боевом, выдающуюся роль играют Рабочие комиссии, которые здесь, в Женеве, официально признаны — вместе с другими испанскими профсоюзными и демократическими организациями — международным профсоюзным движением и Международной организацией труда.

Разрешите мне публично выразить им нашу благодарность за проявленную солидарность с нашим рабочим классом и предложить, если это осуществимо, развернуть еще интенсивнее свою солидарность, ибо она является ценной помощью для испанских трудящихся.

Не только рабочие борются против закостенелого законодательства, это делают и крестьянские массы; их протесты против антинародной политики правительства выражаются в многочисленных действиях. Объединения трудящихся, занятых в сельскохозяйственном и скотоводческом секторе, которые в течение долгих лет были лишь исполнителями распоряжений правительства, теперь выступают против этих распоряжений и требуют установ-

ления справедливых цен на сельскохозяйственные продукты.

Испанский университет и его боевая молодежь при поддержке наиболее квалифицированных преподавателей выступили против проекта закона об отборе, направленном на усиление элитарного классового характера образования. День 9 мая в Барселоне, Мадриде, Сантьяго (Галисия) и в других городах, являющихся центрами высшего и среднего образования, стал ярким свидетельством размаха и мощи студенческого движения.

Испанская интеллигенция в лице своих самых авторитетных представителей восстает против диктатуры, требует свободы творчества.

Столкновение церкви с режимом стало постоянным явлением, и его не смягчил визит в Мадрид монсеньора Касароли. Явная тенденция к обновлению в испанской церкви была закреплена на епископальной конференции, что значительно затрудняет заключение нового конкордата, в котором церковь выражала бы поддержку франкистскому режиму.

В то же время такие события, как в Памплоне, где архиепископ вступил в противоборство с гражданским губернатором, приказавшим полиции изгнать из собора собравшихся там забастовщиков фабрики Аути, показывают, что существующий режим несовместим с самыми элементарными правами человека. В нашей стране наблюдается новое явление, которое необходимо выделить, учитывая его значение для нашего демократического будущего. В отличие от 1936 года мы имеем сегодня обновленную церковь с иерархиями, придерживающимися не застывших, а прогрессивных позиций, тысячи священников своей деятельностью содействуют процессу примирения народа с церковью.

В ходе развернутой организацией «Справедливость и мир» кампании за амнистию, в результате которой были собраны уже сотни тысяч подписей, национальное примирение приобретает реальные и конкретные очертания.

Наша партия, которая еще в 1956 году подняла знамя национального примирения, хотя нам пришлось при этом столкнуться с непониманием и сектантством, приветствует сегодня эту инициативу, цель которой — погасить тлеющий жар гражданской войны и сделать возможным демократическое сосуществование.

В последнее время выявился новый феномен, активно способствующий росту самосознания масс. Это деятельность прессы, которая очень умело помогает понять неприемлемость позиции крайне правых сил. Отстаивая идеи диалога, идеи свободы, журналисты выражают, как они считают, мысли и чувства «огромного большинства» испанцев. Это открывает доступ в «зоны», которые мы считаем если не враждебными, то по крайней мере нейтральными.

Мы, коммунисты, которые больше всего пострадали от жестокой, кровавой агрессии, убеждены, что возврат к демократии уже совсем близок, что политическое решение сегодня не может быть иным, как восстановление свободы...

Посвятившие свою жизнь защите благородных идеалов свободы в тюрьмах Испании томятся сотни коммунистов, демократов и революционеров, руководителей Рабочих комиссий, приговоренных к длительным срокам заключения. Сегодня с этой грандиозной манифестации в защиту свободы Испании мы шлем им наше горячее послание солидарности и обещаем упорно продолжать борьбу за освобождение всех политических заключенных и ссыльных.

Прощаясь с вами, товарищи и друзья, я заверяю вас, что Коммунистическая партия Испании будет со всей энергией и политической активностью продолжать борьбу, не страшась жертв, с тем чтобы положить конец нынешнему политическому положению в нашей стране; но мы будем бороться не одни, а вместе со всеми политическими силами, готовыми взять на себя историческую ответственность — сделать Испанию родиной всех испанцев.

До скорого свидания, товарищи и друзья, соотечественники, до свидания в демократической Испании, в новой, свободной и демократической стране, созданной с вдохновением и любовью всеми испанцами!»

Последнюю фразу я произнесла, подойдя к микрофону, нарушив тем самым запрет швейцарских властей. Кто может устоять перед энтузиазмом масс?!

Митинг в Женеве прошел с огромным успехом.

Мы нарушили некоторым образом распоряжение швейцарского правительства, и оно довело до нашего сведения, что «отныне нам запрещен въезд в страну».

Так швейцарское правительство использовало свое право.

Я хотела, чтобы моя внучка, помимо Женевского

озера, познакомилась еще с некоторыми достопримечательностями Швейцарии. Два-три дня мы путешествовали в качестве туристов, обедали на вольном воздухе с испанскими эмигрантами, живущими в Швейцарии и своими эффективными действиями способствовавшими успеху митинга.

Со своей семьей и друзьями я решила выехать в Цюрих — немецкую Швейцарию, чтобы покинуть «гостеприимную страну» без шума.

При прохождении таможенного контроля одна служащая несколько недружественным жестом предложила мне войти в ее кабину. Открыла мою сумочку и, не увидев ничего интересного, позволила мне выйти. Вслед за мной наступила очередь Ирене, которая, по своему пристрастию сохранять разные бумаги, несла большую сумку, наполненную пропагандистскими материалами с митинга. Служащая занялась тщательным обследованием всего содержимого сумки, пока ей не попала моя фотография — она стала рассматривать ее.

— Послушайте,— сказала она Ирене,— это та сеньора, что пела на митинге, я видела ее по телевидению?

— Да, конечно.

— Правда? Но ведь это было замечательно, а я ее не узнала. Вы не подарите мне эту фотографию?

— Конечно, с большим удовольствием.

И служащая, уже вежливым жестом, позволила Ирене пройти контроль без всяких осложнений.

Мы обсудили между собой столь сюрреалистический инцидент и пришли к заключению, что благодаря телевидению моя песня стала тем посланием, которое оказалось понятным швейцарцам.

Друзья из Индии

Среди выражений солидарности, получаемых нами во время различных политических акций, я вспоминаю братский привет из далекой Индии. Его прислала отважный боец и государственный деятель Индира Ганди.

Я не забыла приезда в Испанию Джавахарлала Неру и Кришны Менона много лет назад, в 1938 году. Они посетили места боев, беседовали с бойцами и политическими деятелями, с симпатией относясь к нашей борьбе.

Я имела тогда удовольствие принять Неру в Барселоне. Состоялась очень приятная беседа. Его сопровождала молодая и красивая индийская девушка. Говорили, что это его дочь Индира. Однако Индира находилась в то время в Англии, где училась в университете. Она очень симпатизировала испанскому народу, борвавшемуся за свободу, и — как я узнала позднее — записалась добровольцем в числе многих молодых людей, которые хотели сражаться на нашей стороне. Индира и ее отец, неутомимые борцы за независимость своей родины, понимали нас и чувствовали себя соратниками в деле, которое отстаивал наш народ.

В своих мемуарах Джавахарлал Неру упомянул о том, как он познакомился со мной в Барселоне:

«Я беседовал с Пасионарией в маленьком помещении около часа с помощью переводчика. Меня удивила ее живость. Я вскоре понял, что беседую с одной из самых необыкновенных женщин, которых знал в своей жизни. Ее приятное и открытое лицо с легкой улыбкой, казалось, принадлежит счастливой женщине, но за этой улыбкой угадывалась безграничная боль за судьбы своего класса, своего народа. За внешним спокойствием проглядывала глубокая тревога; когда она говорила, из ее уст вылетали страстные слова, а лицо ее выражало внутренний огонь...

Если на меня, довольно сдержанного человека, она все же произвела такое глубокое впечатление, я теперь понимаю ее влияние на массы своих соотечественников».

Эти сердечные слова Неру не были данью вежливости. В течение долгих лет нашей борьбы мы ощущали дружбу и солидарность наших друзей в Индии.

*«Пусть земля
будет ему пухом»*

20 ноября 1975 года мне сообщили новость: Франко умер! «Пусть земля будет ему пухом» — был мой ответ многочисленным представителям средств массовой информации, которые меня осаждали.

Мы не откупили бутылки шампанского.

Через радиостанцию «Пиренаика» я выразила свое волнение и свою озабоченность.

Как будто очнувшись от тревожного кошмара, наш народ узнал о смерти Франко...

...Франко умер, но Испания вечна, Испания демократии и свободы, Испания, которая дала жизнь новому миру, которая живет в своем замечательном народе, способном на любые подвиги; и Испания, которая через демократичные хунты, платформу конвергенции объединила вокруг демократической альтернативы все основные политические силы, стремящиеся жить на родине мира и демократии, эта Испания начинает прокладывать новые дороги, преодолевая немалые трудности, и она уверена в восстановлении мира между всеми испанцами, что было невозможно при франкизме.

В Испании сегодня начинается рассвет, и этот рассвет, разрывающий тенета прошлого, — это рассвет Испании, в которой снова будут признаваться права человека и права народов нашей многонациональной и многорегиональной страны.

В этот волнующий момент моя первая мысль была о наших узниках, о всех политических заключенных, которые должны быть немедленно выпущены на свободу; это должно стать главной целью всех, кто борется и требует восстановления демократического режима в Испании.

*Празднование
восьмидесятилетия
в Риме*

Всем, кто меня знает, известно, что я противница всяких чествований. Таков мой характер: меня отпугивают гиперболы. Таков и мой опыт: я пережила уже столько чествований, воздававшихся высоким личностям, слышала столько цветистых речей, которые впоследствии превращались в репейники...

Но мне исполнилось восемьдесят лет... Жизнь, долгая жизнь... И мои товарищи и друзья сказали мне: твоя жизнь, твоя борьба, которой ты отдала всю себя, принадлежит партии, народу, всем народам. Потому что им ты посвятила более шестидесяти лет. Чествование Пасионарии — это чествование коммунистов, демократии, свободы...

Более того. В Риме готовился большой митинг солидарности с нашей партией в связи с моим юбилеем. И в Моск-

ве советские товарищи и жившие там испанцы решили отметить мой день рождения. Ведь я была «москвичкой» в течение долгих лет.

Как поступить?

Я решила согласиться с предложением моей партии и моих друзей.

А решение было простое: отпраздновать юбилей дважды — в Риме и в Москве.

Сказать откровенно, мои восемьдесят лет не слишком тяготили меня. Календарь отмечал годы пунктуально, но я не чувствовала себя старой, древней. Я вспомнила Георгия Димитрова, который утверждал, что возраст определяется не годами, а бодростью, боевитостью, мятежностью сердца...

Наш Рафаэль Альберти прекрасно сказал, когда обсуждались «проблемы возраста»:

*Как и свобода,
человек, пока он активно живет,
для него нет возраста.
И пока горит огонь души,
черны или белы у него волосы,
молодость в нем будет пылать.*

Итак, я снова оказалась в Риме. И не как реликвия, а как боец. Я приехала с дочерью, внучкой, с Ирене, и меня встретило много друзей.

Я была принята в Риме как гость города, а не только Компартии. В аэропорту Фьюминчино меня провели в зал для приема почетных гостей. В смежном помещении, сказали мне итальянские товарищи, посол Испании ждет какую-то важную персону.

Алькальд Рима, христианский демократ, принял нас — Сантьяго Каррильо и меня в мэрии Камподолье. В присутствии политических деятелей из различных партий, в том числе Пьетро Ненни и Сарагата, он приветствовал нас на чистейшем испанском языке и вручил нам медаль Рима.

Я поблагодарила нашего гостеприимного хозяина за его сердечный жест и выражение солидарности и дружбы по отношению к нашему народу.

Мое волнение, мое удивление были безмерны, когда при входе в Римский спортивный дворец меня приветствовали двадцать тысяч друзей...

Меня приветствовали по-итальянски, по-испански, не знаю на скольких языках. С флагами, с лозунгами солидарности с Испанией, борющейся за свободу...

А затем я почувствовала себя как бы сроднившейся с этой людской массой. Моя робость пропала. Я оказалась здесь среди своих, в своей среде...

Это было 14 декабря 1975 года. Франко уже умер. Вся Испания пришла в движение, свобода была видна на горизонте, она уже ощущалась... Однако предстояла еще борьба, чтобы завоевать свободу...

Одна французская газета написала, что будущее Испании полностью зависело от того, кто умрет раньше — Франко или Пасионария. Прочтя это, я улыбнулась. Все было гораздо сложнее...

Франко умер. Пасионария продолжала жить в эмиграции, имея восемьдесят лет за спиной, пройдя длинные, бесконечные дороги борьбы и надежды. И я не имела возможности отметить свой юбилей у себя на родине, со своим народом.

Итальянские товарищи и друзья, мои товарищи из Компартии Испании прекрасно организовали эту дружественную испанско-итальянскую встречу. На стенах Рима пестрели плакаты с моим портретом — дань уважения моей партии.

На этом памятном собрании, носившем весьма интернациональный характер, выступали представители коммунистических партий Австралии, Австрии, Бельгии, Западного Берлина, Болгарии, Чили, Кореи, Франции, ГДР, Японии, Греции (от двух партий), Великобритании, Югославии, Польши, Португалии, Румынии, Сан-Марино, Швеции, Швейцарии, Венгрии, Советского Союза.

Представители социалистических партий: Социалистической партии Чили, Итальянской социалистической партии (Пьетро Ненни и Пьетро Леццо), Португальской социалистической партии, Французской социалистической партии (она прислала послание).

Нас сопровождали, проявив высокие дружеские чувства, антифашистские представители Демократической хунты, руководители Испанской социалистической рабочей партии и других левых партий. Политические деятели, мастера искусства и культуры.

Присутствовали делегации Коммунистической партии Испании — из Мадрида, Каталонии, Эускади, Галисии,

Арагона, Андалусии, Кастилии, Наварры, Валенсии, Бальеареса.

Из тюрьмы Карабанчель пришло послание: «Мы, коммунисты и активисты рабочего движения и симпатизирующие тебе заключенные, хотим этими строками внести свою лепту в празднование твоего восьмидесятилетия». Подписали это послание, в частности, Хуан Муньис Сапико, П. де ла Мота, Х. Отаньо, Басаусте, Марселино Камачо, Николас Сарториус, Рафаэль Пильядо, Карлос Альварес, Хосе Унануз, Франсиско Ромеро Марин...

Энрико Берлингуэр открыл собрание, поблагодарив Компартию Испании за то, что она избрала Рим местом проведения юбилея: это «честь для стольких собравшихся здесь людей, которые выражают чувства горячей привязанности к Долорес Ибаррури и ее товарищам по борьбе, ко всем патриотам, которые борются за свободу испанского народа».

Берлингуэр отметил важное значение успеха антифашистских сил в Испании для демократии и прогресса Западной Европы.

«В Испании,— подчеркнул он,— не может быть демократии без признания важной роли Коммунистической партии. Сегодня, более чем когда-либо, мы подтверждаем товарищам из Компартии Испании обещание усилить битву, нашу борьбу за свободную и демократическую Испанию, и она примет на себя в Европе функции, которых ожидают от этой жизнеспособной и прогрессивной нации»...

Когда Берлингуэр выразил горячее приветствие коммунистам и антифашистам Испании и испанским эмигрантам, тысячи людей, поднявшись со своих мест, устроили овацию своим испанским друзьям и товарищам. Это был боевой привет римских коммунистов и других левых сил, адресованный Испании, борющейся за свободу.

Тысячи голосов повторяли: «Свободу Испании!», «Долорес, Сантьяго в Мадрид!».

Каррильо поздравил меня как соратницу в борьбе и обрисовал участникам собрания положение в нашей стране и борьбу, которую ведет коммунистическая партия.

«В сущности,— сказал он,— эти торжества должны были проводиться в Мадриде. И если мы проводим их в Риме, то это потому, что, хотя Франко умер и погребен, с франкизмом еще не покончено».

Он добавил:

«Пока Долорес не сможет выступать в Мадриде, франкизм не исчезнет.

Самая большая заслуга в том, что наша партия сумела сохранить единство, несмотря на 36 лет фашистских преследований, дезертирств, интриг и нападков, которым она подвергалась, принадлежит товарищу Долорес Ибаррури, ее уму, политическому и моральному мужеству.

Долорес, Испания ждет тебя! Испания знает, что она обретет подлинную демократию лишь тогда, когда ты и Коммунистическая партия вместе с другими политическими, демократическими и национальными силами смогут действовать свободно».

С волнением слушала я также вдохновенные слова Председателя Итальянской компартии, моего товарища в стольких битвах Луиджи Лонго, главного комиссара интернациональных бригад, который передал нам приветствие гарибальдийцев и тех, кто участвовал в изгнании из Италии немецких оккупантов.

«Дружба и солидарность между нашими двумя партиями,— сказал он,— между нашими двумя народами имеет глубокие и крепкие корни. Они зародились в годы тяжелых сражений.

Я приветствую Пасионарию, ее дух самопожертвования, ее скромность, ее революционную силу, которая была знаменем, была самым громким и благородным голосом в этой битве».

Надо было выступить и мне. Меня охватило чувство радости, и вместе с тем я была немного удручена похвалами в свой адрес.

Я говорила о том, кто я: внучка, дочь, сестра, жена шахтера. Рассказывала о своей родной Гальярте, о своих товарищах по борьбе. Говорила об Испании, о моей Испании, о борьбе, которую ведет моя партия, чтобы покончить с франкизмом, о героизме моего народа...

«И сегодня мы находимся здесь среди вас, итальянских товарищей, в вашем и нашем бессмертном, вечном Риме, в вашем замечательном гостеприимном Риме, в вашем современном Риме, где множество римлян голосуют за Коммунистическую партию. Я приветствую от всей души товарищей, представителей всех партий, которые участвуют в этом представительном митинге, мужчин и женщин, которые борются и голосуют за демократию.

Я приветствую людей, представляющих здесь различные

социалистические партии, которые проявили братскую готовность поддержать этот митинг.

Мое сердечное и искреннее приветствие — это выражение признательности моей партии и моего народа Итальянской компартии. Той братской партии, которая в драматические моменты нашей национально-революционной войны поддержала нас, пополнив ряды героев, сражавшихся в бригаде имени Гарибальди вместе с нашим дорогим товарищем Галло (Луиджи Лонго), с команданте Карлосом, с Де Витторио, с Пьетро Ненни, с Джанкарло Пайеттой, с Росарио, с Эдо, с Де ла Росой, многие из которых пали в борьбе за свободу Испании и Италии и память о которых постоянно живет в нашем сердце, исполненном благодарности».

И закончила словами:

«Товарищи, друзья! Я не говорю вам — прощайте, я говорю — до свидания в Мадриде!»

...И в Москве

Несколько дней спустя мы собрались в Москве по случаю моего восьмидесятилетия. Это было очень теплое собрание, проведенное в актовом зале Дома ученых. Здесь были мои соотечественники, которые разделяли со мной эмиграцию в СССР. Здесь находились и сотни советских друзей, всегда проявлявших солидарность с нами. Игнасио Гальего прибыл в Москву вместе со мною. Присутствовал на собрании советский руководитель — ветеран Компартии Советского Союза товарищ Пельше. Борис Пономарев зачитал послание от имени ЦК КПСС и вручил мне орден Октябрьской Революции:

«...Борьба испанского народа против фашизма, за свободу и демократию вступает в решающую фазу. Становится реальной возможность ликвидации последнего фашистского режима в Европе.

Желаем Вам, дорогая Долорес Ибаррури, доброго здоровья, долгих лет жизни и дальнейших успехов в борьбе за установление подлинно демократического строя в Испании, за мир и дружбу между народами, за социализм».

Меня сердечно приветствовали представители ВЦСПС, советских женщин, комсомола, бывшие бойцы, сражавшиеся в Испании и во второй мировой войне, боевые товарищи моего Рубена.

Я выразила признательность за теплые приветствия и сердечные слова, высказанные в связи с моим днем рождения:

«Хочу напомнить сегодня о давней дружбе, которая объединяет наши народы и наши партии. Сердечными отношения между Компартией Испании и КПСС были всегда, но был один момент, запечатленный в истории, который наш народ никогда не забудет: помощь, оказанная правительством и Коммунистической партией Советского Союза испанскому народу в драматические и славные дни его сопротивления национальной и международной агрессии в период с 1936 по 1939 год...

Не лишне напомнить, что, несмотря на географическую отдаленность двух наших народов, есть много общих черт, которые нас объединяют. Народы, перенесшие тяжелые испытания, пылкие и героические в борьбе, безжалостные перед предательством и трусостью, великодушные в дружбе.

Возможно, потому, что обоим нашим народам выпало много страданий? Трудно сказать. Но я знаю, что, как и я, все испанцы, проживающие в Советском Союзе, чувствуют себя здесь как в своей собственной стране. Приближается момент, когда мы покинем эту землю и этот дорогой нам народ, но мы оставим здесь часть своей души...

Товарищи! Отметить восьмидесятилетие в качестве коммунистки с почти шестидесятилетним стажем революционной борьбы еще не значит чувствовать себя старой, не значит остаться вне борьбы. Это значит аккумулировать долгий опыт, который может стать полезным для новых поколений коммунистов.

Тому, кто активно борется за освобождение рабочего класса, за демократию и свободу, за социализм, некогда чувствовать себя старым, в особенности когда приближается момент освобождения нашего народа и нашей страны.

Новые поколения коммунистов, полные энтузиазма и боевого духа, вступают на арену борьбы за демократию и социализм в моей стране с верой в победу. Значит, наша борьба была не напрасной, мы распахивали не бесплодную землю...

Это сердечное и братское чествование, которое сегодня вы оказываете мне в столь дорогой нам Москве, эта высокая награда, которой я удостоена руководством КПСС, принадлежит не только мне, но и всему моему героическому народу, горнякам и металлургам моей родной Бискайи,

*Вручение ордена
Октябрьской революции,
Москва, 1975 г.*

трудящимся Астурии, известным своими крупными восстаниями, рабочим, крестьянам и представителям интеллигенции моей страны, женщинам Мадрида и Барселоны, Севильи, Валенсии, Виго, Страны Басков, всей моей дорогой Испании.

Это награда руководству моей партии, моим товарищам, которые в труднейших условиях франкистского режима являлись вдохновителями и руководителями большой народной и национальной битвы за окончательное уничтожение ненавистного режима.

Это награда и моим заключенным товарищам, всем мужчинам и женщинам моей страны, которые во франкистских тюрьмах и перед палачами с достоинством держали и держат звание коммунистов и борцов за дело мира и демократии в Испании.

Советские товарищи и друзья! Я с уверенностью смотрю в настоящее и будущее моей родины. Физическая смерть Франко открывает новые перспективы борьбы за свободу.

Начинается новая страница в книге истории моей роди-

*Встреча
с Яношем Кадаром.*

ны. И все, как один, испанцы покончат с последними остатками кровавого франкистского режима и обеспечат мир и свободу».

Выйти на свет

Это случилось в 1976 году. Я снова в Риме. В последний раз собрался расширенный пленум нашего Центрального Комитета в эмиграции. Но проходил он не так, как мы привыкли, не в подполье, не под боевыми кличками, а без маскировки. Мы все участвовали в нем открыто, под своими подлинными именами, в присутствии представителей испанской и зарубежной прессы, множества друзей.

Это было открытое, публичное собрание. В чем еще нам пока отказывали на нашей родине. Но изгнание не должно было продолжаться долго.

Я вспоминаю удивление журналистов и друзей, которые увидели среди присутствовавших здесь в качестве членов ЦК Компартии Испании видных политических деятелей, деятелей рабочего движения, интеллигенции, искусства.

Здесь никто уже не выступал под вымышленными именами — Педро, Элиас, Хосе, Кармен. Просили слова известные лица, которые до этого скрывали, что они коммунисты.

Это было смелое мероприятие, которое вызвало в стране большой отклик и которое, несомненно, помогло ускорить легализацию нашей партии.

На этом памятном собрании в качестве приглашенных присутствовали руководители левых партий и испанские прогрессивные деятели, которые сердечно приветствовали его участников.

Я не забыла, — возможно, потому, что речь шла о моем земляке, — слова Хосе Мариа Бенегаса, члена Исполнительного комитета Испанской социалистической рабочей партии:

«Коммунистическая партия Испании и Испанская социалистическая рабочая партия, несмотря на имеющиеся между ними разногласия, едины сегодня в борьбе за свободу нашего народа, за завтрашний день, который объединит наши ряды в борьбе за социализм и освобождение рабочего класса».

Мы получили братские приветствия от итальянских политических деятелей: от Кракси, позднее генерального секретаря Итальянской социалистической партии и главы правительства, от руководителей Христианско-демократической партии, от Итальянской социал-демократической партии, от Итальянской республиканской партии, от Пьетро Ненни.

Наш большой друг Энрико Берлингуэр передал нам приветствие от Луиджи Лонго и всех итальянских коммунистов, которые «с гордостью и глубоким волнением приветствуют это большое политическое событие — проведение в Риме первого открытого совещания Компартии Испании...».

Это действительно было большое политическое событие. У всех, кто участвовал в нем, в глазах светилась надежда и радость.

С политическим докладом выступил Сантьяго Каррильо. Он говорил о политике, организации и деятельности партии в новых условиях.

Было принято решение о членском билете Компартии Испании и вручении его всем коммунистам.

В речи при открытии собрания в Театре искусств я снова заявила о «неотъемлемом праве компартии действовать легально и свободно в нашей стране»:

«Как известно, другие политические партии и оппозиционные организации проводят свои съезды в Испании — факт, который мы приветствуем, ибо он свидетельствует об определенном прогрессе, и наша Коммунистическая партия как национальная, демократическая партия с

глубокими народными традициями имеет право на легальную деятельность и ее мнение необходимо учитывать при решении всех важных политических и социальных проблем испанского государства.

Мы — интернационалисты, мы поддерживаем все народы, которые борются за свое национальное и социальное освобождение. Но мы — испанская партия, которая не подчиняется никакой международной дисциплине, и на этом мы безоговорочно настаиваем.

Хорошо известны жертвы, понесенные испанскими коммунистами в борьбе за развитие марксистской теории в конкретных условиях нашей страны.

Говоря о жертвах, хочу напомнить, что как раз сейчас лишены возможности присутствовать на нашем пленуме находящиеся в тюрьме в Карабанчеле члены нашего Исполнительного комитета — Симон Санчес Монтеро, Франсиско Марин и Сантьяго Альварес, освобождения которых, как и всех политических заключенных, требуют народные массы на проходящих по всей стране манифестациях протеста.

С трибуны этого собрания мы приветствуем нашего дорогого товарища Луиса Лусио Лобато, члена Исполкома нашей партии, который только что вырвался из тюрьмы благодаря выступлениям масс.

Здесь, на нашем пленуме, присутствуют, оказывая нам честь, представители различных партий, групп и секторов испанской оппозиции. От имени руководства нашей партии и всех присутствующих здесь товарищей я сердечно приветствую их и хочу выразить пожелание, чтобы такие встречи стали привычными, ибо они помогут нам лучше узнать друг друга и установить дружеские отношения между всеми демократическими силами.

Мы, бойцы-ветераны, испытываем гордость при виде представителей нашей молодежи, которая сменит нас и продолжит борьбу. В ней, в этой молодежи, — сила, которая заставит изменить политический облик нашей страны, открыв двери демократии, которые франкизм считал запертыми навсегда и на которых сегодня рушатся железные запоры под натиском борьбы, разворачивающейся во всех районах нашей многонациональной и многорегиональной родины.

Ни для кого не секрет, что мы, коммунисты, подверглись самым жестоким и кровавым, чудовищным преследованиям

со стороны диктатуры. Но эти репрессии не смогли сломить волю нашего народа к борьбе и его веру в демократическое будущее своей родины, которое уже грядет. Без преувеличения можно сказать, что альма матер этой веры в значительной степени — Коммунистическая партия, которая поддерживала героическое сопротивление народа в течение сорока лет и теперь является силой, на которую можно рассчитывать, даже не соглашаясь со всеми ее постулатами, силой, без которой невозможно установление демократии в Испании.

Сознавая свою ответственность перед Испанией и перед историей, мы, коммунисты, первыми выдвинули перед нашим народом идею необходимости национального примирения, которое, не будучи классовым примирением, открыло бы путь к мирному сосуществованию различных политических сил, действующих в стране.

В Испании создается новый климат, который облегчит деятельность различных сил, стремящихся сделать нашу страну родиной для всех испанцев, родиной, открытой для демократии и социального прогресса.

В последние годы в Испании возник феномен исключительной важности, и мы не были бы марксистами, если бы не пытались изучить, понять и использовать его. Я имею в виду появление нового течения в католическом движении, которое, оставаясь в рамках своего миропонимания, тяготеет к идеалам социализма, признает гуманистическую направленность принципов марксизма.

В такой стране с давними католическими традициями, как наша, это течение приобретает уже значительное влияние, придает новый импульс деятельности партии, укрепляет борьбу за социализм.

Мы относимся к этой действительности без догматизма, убежденные — практика это доказывает, — что найдем в этом течении поддержку многих активистов, готовых к эффективным действиям ради осуществления идеалов и решений, содержащихся в программе нашей партии.

Все говорит о том, что это — последний пленум Центрального Комитета, который мы проводим за пределами нашей страны. Требования амнистии и свободы, с которыми миллионы манифестантов, прошедших по улицам многих испанских городов, свидетельствуют, что народ готов к борьбе. И это гарантия того, что Испания обретет демократию. Легальность завоевывается нашим народом на

улицах. И нет силы, способной воспрепятствовать этому, так как развитие демократии — это гарантия участия народных масс в решении всех проблем, касающихся сегодняшнего положения и демократического будущего нашей страны».

Процесс 1001

Микрофоны «Пиренаики» позволили донести мои слова протеста против террора агонизирующего, но все еще остающегося жестоким франкизма и мою братскую солидарность с товарищами из Рабочих комиссий, судимых по делу 1001¹, до Карабанчеля:

«Завтра, 20 сентября, накануне 40-й годовщины знаменитого процесса, затеянного гитлеровцами против героического болгарского коммуниста Георгия Димитрова, состоится в Испании суд над группой руководителей Рабочих комиссий, обвиняемых в организации борьбы за профсоюзные свободы, за восстановление демократии и свободы в нашей стране.

Их десять человек — в самом высоком значении этого слова, — которые с достоинством и революционной твердостью представляют в Испании труд и культуру перед кровавой франкистской диктатурой.

По иронии судьбы судят не палачей, которые потопили в крови испанскую республику, а группу людей, преступление которых состоит в том, что они защищали права трудящихся против нарушений законов, установленных властью имущими.

О справедливости и благородстве дела, за которое были заключены в тюрьму «десять узников Карабанчеля», как называет народ этих людей, и которые завтра предстанут перед судом, свидетельствуют симпатии и солидарность с ними не только рабочего класса, но и всех политических, демократических и прогрессивных сил нашей страны.

Самые влиятельные лица испанского общества, среди них — известные католические деятели, будут защищать «десятку» перед трибуналами.

Крупные профсоюзные центры, коммунистические, социалистические, радикальные партии, массовые организации стран Европы, Америки, всего мира поднимают свой

¹ Процесс проходил в 1973 году.

голос, требуя освобождения испанских руководителей рабочих.

Свидетельством этой широкой гуманной солидарности является приезд делегаций наблюдателей и юристов из Англии, Италии, Франции и других стран, которые будут присутствовать на процессе, чтобы оказать поддержку и выразить симпатию своим братьям по классу.

И хотя это серьезная поддержка, но недостаточная. Мы все должны участвовать в этой кампании защиты, ибо это священная обязанность всех трудящихся, всех представителей интеллигенции, всех, кто мечтает о свободной, демократической и независимой родине.

Противоборство режиму прогрессивных сил нашей страны на политическом и религиозном фронте, на всех уровнях достигло уже беспрецедентных масштабов.

В этом противоборстве участвует не только рабочий класс, привыкший вести постоянную тяжелую борьбу за свои экономические или политические требования. В нем принимают участие университетские студенты и преподаватели, служащие, женщины, самые известные представители интеллигенции нашей страны.

В нем участвуют священники и церковные иерархи. И — это знамение времени — средние слои. Это национальные силы Каталонии, Эускади и Галисии. Это Наварра, древняя Наварра с боевыми традициями, которая присоединилась сегодня к тем, кто борется за свободу и справедливость.

Это рабочая и студенческая молодежь, которая не знала войны, но которая восстает против диктатуры, потому что реальная действительность разоблачает всю ложь франкизма.

Между франкистским режимом и народом существует непреодолимая пропасть.

В этот тяжелый момент, накануне чудовищного процесса, я призываю, глубоко веря в международную солидарность, которая всегда поддерживала нас в борьбе, помочь нам добиться справедливости — освобождения руководителей рабочих Испании: Камачо, Гарсия Сальве, Сарториуса, Сото, Саборидо, Маркоса, Акосты, Сан-Себастьяна и Фернандеса Костильи.

Да здравствует международная солидарность с испанскими трудящимися!

Свободу для «десяти узников Карабанчеля!»

Битва «возвращение»

Путь в Испанию был для меня долгим, осложнявшимся волнениями, тревогами, которые временами казались мне непреодолимыми, и томительным ожиданием, что я особенно тяжело переношу.

Для Каррильо этот переезд был несравненно более быстрым, хотя и опасным.

В феврале 1976 года Сантьяго надел парик и очки и с помощью нашего друга Теодульфо Лагунеро проник в Испанию. Благодаря мужеству и эффективной помощи товарищей Сантьяго и раньше посещал и покидал Испанию, присутствовал на важных встречах, политических собраниях, заседаниях руководства партии... Не смог Сантьяго — это мое предположение — противиться соблазну проникнуть в Испанию и через Малагу, о чем он мечтал еще в 1944 году. Теперь он это сделал в сентябре 1976 года. Конечно, на этот раз с ним не было шестидесяти партизан, которые готовились вместе с ним к высадке тридцать лет назад, однако ему все же пришлось рисковать, но помогли хладнокровие и помощь друзей.

План ускорения легализации КПИ, разработанный ее руководителями, осуществлялся смело и целенаправленно: это встречи с крупными политическими деятелями, интервью, даваемые в Мадриде представителям французского и швейцарского телевидения, это представительная пресс-конференция Сантьяго и других руководителей партии, устроенная в мадридской квартире. Все это, понятно, делалось нелегально.

Несколько дней спустя, накануне рождества 1976 года, Каррильо и большинство членов Исполнительного комитета КПИ, находившихся в Мадриде, были арестованы при выходе с одного из собраний и заключены в тюрьму Карабанчель.

Я немедленно послала телеграмму с выражением солидарности с арестованными товарищами. По радио «Пиренаика» сделала следующее заявление:

«В то время, когда испанский народ, все испанские демократы ждут и требуют легализации Коммунистической партии, одной из самых влиятельных политических сил нашей страны, когда они требуют предоставить генеральному секретарю нашей партии возможность для свободной и нормальной деятельности в Испании, правительство

Суареса решило арестовать нашего товарища Каррильо и других руководителей Компартии.

Как и следовало ожидать, тотчас в стране и за рубежом последовали протесты против этого антидемократического акта, а также выражения солидарности с коммунистическими руководителями всех сил оппозиции и требования их освобождения и легализации Компартии.

Теперь, когда начинается избирательная кампания, вопреки заявлениям правительства об уважении избирательных прав всех испанцев, совершается акт насилия и произвола, который затрудняет примирение всех испанцев, осуществление демократической нормализации жизни страны.

Наша партия вместе с другими демократическими силами высказалась за проведение свободных выборов конституционного характера, которые вернули бы испанскому народу суверенитет, узурпированный в течение сорока лет. В этих целях необходимо предоставить политические свободы всем без исключения политическим партиям, немедленно освободить Сантьяго Каррильо и обеспечить гарантии для политической деятельности в Испании.

Уже нельзя править в нашей стране, нарушая закон, лишая испанцев политических и гражданских прав.

Нельзя править сегодня в Испании, не признавая той большой рабочей, народной, демократической силы, какой является Коммунистическая партия.

Немедленно освободить Сантьяго Каррильо и других арестованных товарищей!»

И не в качестве новогоднего послания я произнесла следующие слова. Они были вызваны угнетающей мою душу большой тоской по родине, тем, что я все еще была обречена оставаться в изгнании. Мое приветствие, переданное «Пиренаикой», было записано в Испании на пленку и затем оглашено в помещении, где узники Карабанчеля отмечали Новый год и где собрались многие коммунисты и друзья:

«Друзья и товарищи!

Мы находимся на пороге Нового года.

Пение петуха в эту последнюю ночь 1976 года объявило о возрождении Испании в условиях свободы и справедливости, где мужчины и женщины смогут выражать свои идеи, не опасаясь преследований и тюремных заключений.

Мы идем вперед с поднятой головой, не склоняясь

ни перед репрессиями, ни перед авторитарными, незаконными и несправедливыми действиями правительства Суареса.

Я тешила себя иллюзией отпраздновать Новый год у себя на родине вместе с моим народом, с товарищами из моей партии, с нашим генеральным секретарем Сантьяго Каррильо. И это, думаю,— человеческое и законное желание после сорока лет франкистской диктатуры, эмиграции и тяжелых испытаний.

Но разочаровывающая действительность такова, что восемь членов Исполкома Компартии Испании находятся в тюрьме Карабанчель. А я нахожусь еще за много тысяч километров от Испании, потому что испанское правительство продолжает отказывать в выдаче мне паспорта, на который я имею право как испанская гражданка.

Надеюсь, что, мобилизовав свои силы, наша партия, вся демократическая оппозиция, поддержанные международной солидарностью, добьются освобождения всех арестованных товарищей, как и легализации нашей партии и всех демократических организаций.

Никакая репрессивная или авторитарная мера не сможет остановить ход истории.

Объединенная оппозиция, боевой рабочий класс, все народные массы добьются установления демократии в Испании. Все усилия парализовать деятельность народа, внести разлад в ряды оппозиции потерпят провал.

Мы вступаем в новый год с решимостью продолжать борьбу до тех пор, пока в Испании не будет установлен режим подлинной демократии, при котором было бы возможным сосуществование всех испанцев и в национальном, и в региональном отношениях.

Издаю свое взволнованное приветствие всем моим товарищам, заключенным в тюрьму, братское приветствие коммунистам и всем демократам моей дорогой родины.

От души желаю вам, товарищи и друзья, счастливого Нового года и надеюсь, что мы скоро встретимся на нашей земле».

Из тюрьмы Карабанчель моя телеграмма была возвращена мне в Москву: Каррильо был уже на свободе. Какая радость! Наша партия продвигалась к легализации. Генеральный секретарь уже получил официальное разрешение на жительство в Мадриде.

Решить вопрос о моем возвращении оказалось труднее.

Фрага Ирибарне заявил одной французской газете, что предпочтительнее держать Пасионарию вне испанских границ, иначе он вынужден будет постоянно охранять ее, а у него нет для этого достаточного числа полицейских...

Был опубликован список из шести человек, в котором фигурировала и моя фамилия, которым было отказано в выдаче паспортов.

Преемники Фраги продолжали повторять абсурдное «нет!» в ответ на мою просьбу о выдаче паспорта для возвращения на родину.

После легализации нашей партии — историческая святая суббота! — все еще продолжал действовать необоснованный отказ предоставить паспорт Пасионарии.

Конечно, такая ничем не объяснимая позиция, в результате которой испанская гражданка в возрасте восьмидесяти двух лет не может вернуться на родную землю, вызвала реакцию протеста в моей стране и во всем мире.

«Да, да, да! Долорес в Мадрид!» — требовал народ на улицах, на митингах.

Ко мне пришли послания солидарности из многих стран, от друзей, от товарищей.

В Москву приезжали журналисты, кинороботники, писатели. Меня снимали на пленку, фотографировали. Короткие импровизированные интервью быстро превратились в книги о моей жизни.

Мой дом в те дни был чем-то вроде информационного бюро. Днем и ночью звонил телефон: Мадрид, Париж, Цюрих, Бонн, Лондон... различные люди на разных языках пытались выяснить, когда уезжает Пасионария, что думает Пасионария, что будет делать в Испании Пасионария... Откуда я знаю?! Мои внуки уже не подходили к телефону. Дочь «защищала» меня как могла.

То же самое происходило в доме Ирене: представители прессы знали все наши телефоны. Среди ночи Ирене отвечала мадридским журналистам: «Отложите это, пожалуйста, на завтра! Простите, но ведь разница во времени»...

Так мы прожили несколько дней. Поддерживали постоянные контакты с нашими товарищами в Испании, во Франции.

По радио пришло трагическое известие, вновь заставившее нас испытать скорбь и страдание: пять наших товарищей — четыре адвоката и администратор — убиты подлыми

*С К. М. Симоновым,
Москва.*

руками ультраправых. Их имена: Луис Хавьер Бенавидес Ордас, Энрике Вальдевира Ибаньес, Франсиско Хавьер Саукильо Перес дель Арко, Серафин Ольгадо, Антонио и Анхель Родригес Леаль. Преступление было совершено в помещении Рабочих комиссий на улице Аточа.

Пять молодых благородных жизней были жестоко погублены, когда над Испанией вставал рассвет свободы.

Преступление на улице Аточа всколыхнуло всю Испанию, взволновало мировое демократическое общественное мнение.

Народ Мадрида, объединенный горем, вышел на улицы, чтобы проводить пятерых своих товарищей к месту их последнего пристанища. Это была грандиозная манифестация, которая останется в истории как пример самопожертвования и борьбы нашего народа и нашей партии за демократию.

Наконец-то!

Вечером 9 апреля мне сообщили важную новость: Коммунистическая партия Испании легализована. Историческая победа демократии в Испании была встречена народом с огромным удовлетворением. Наконец-то мы будем располагать всеми гражданскими правами после долгих тридцати восьми лет подполья, эмиграции, переездов из страны в страну, постоянного ожидания света свободы на нашей родине.

Мы были уверены, что скоро окажемся на родине.

*На Красной площади в Москве
незадолго до возвращения
в Испанию, 1977 г.*

Тем не менее упорный отказ Мадрида продолжал действовать.

Почему меня так боялись?

Через несколько месяцев, когда я была избрана в кортесы депутатом от Астурии, председатель кортесов сеньор Эрнандес Хиль с исключительной вежливостью сказал мне, что я — часть истории Испании. Я согласилась с тем, что принимала участие в борьбе вместе с моим народом, с рабочим классом, то есть была частью определенного периода истории Испании.

Но разве это причина отказывать испанской женщине в праве вернуться на родину? Может быть, им хотелось снова закрыть двери истории?

В конце концов руководство моей партии, с моего согласия, решило положить конец столь нелепому положению.

Если я прилечу в Мадрид в аэропорт Барахас без паспорта, осмелится ли кто-нибудь преградить мне путь?

Было принято решение. Ирене и моя дочь Амайя поедут со мной на тех же условиях. Кармен Менендес прилетела в Москву, чтобы сопровождать нас. Это было в первые дни мая 1977 года.

И вдруг нам сообщили из испанского посольства, что получены паспорта для Долорес Ибаррури и Ирене Фалькон.

Дошло ли до правительства Суареса наше «партизанское» намерение? Не знаю, но все произошло именно так.

12 мая нам выдали паспорта.

А 13-го мы были уже пассажирами самолета, летевшего по маршруту Москва — Мадрид.

Мне не хватало Испании

Прощание было нелегким. В аэропорту Шереметьево собралось множество друзей, товарищей. Здесь были мои внуки. Мне было тяжело расставаться с ними и со всеми, с кем я вместе жила и работала столько лет.

От руководства КПСС прибыли товарищи Суслов и Пономарев, чтобы еще раз высказать мне свое расположение и пожелать успехов и удачи. Я выразила им и народам Советского Союза благодарность за дружбу, за помощь нашему народу и нам — изгнанникам своей страны.

Я поднялась в самолет, сердце сжалось. Ведь почти половину жизни я провела среди героического, замечательного советского народа, на далеких и холодных землях, однако теплых и гостеприимных для друзей.

Даже не заметив, как быстро пролетело время, мы приземлились... но не в Испании, а в Люксембурге. Это, оказывается, была обычная остановка.

Очередным сюрпризом для нас было появление десятков журналистов из разных стран, которые столпились у трапа самолета. Они требовали устроить для них пресс-конференцию.

Я решила не трогаться с места. Ирене, Амайя и Кармен старались убедить журналистов оставить меня в покое. Те возмутились.

— Чего же ради мы прибыли сюда? Ну ладно, сообщим, что она летит совершенно больная!

— Говорите, что хотите! Но у Долорес великолепное здоровье.

Наконец мы продолжили полет. Что произойдет в Баррахесе?

Я сообщила товарищам, что мне хочется прибыть в Испанию спокойно, без шума, без многолюдных встреч, как

любая испанская гражданка. Это было мое искреннее желание.

Я интуитивно чувствовала, что того же желают и испанские власти, которые так опасались прибытия Пасионарии...

И вот наконец Барахас, Испания. Моя Испания. Невозможно сдержат волнения. Наконец-то! Наконец я ступлю на родную землю, окажусь вместе с моим народом, с трудящимися моей земли!

У подножия трапа нас ожидали Игнасио Гальего и Хуан Антонио Бардем. Вдалеке, на террасе, мы увидели флаги и услышали возгласы приветствий. Но довольно сдержанные. Нас пригласили подняться в маленький автобус компании «Иберия» в сопровождении наших товарищей и полиции — я вспомнила Фрагу, — чтобы незаметно отвезти нас в наше новое жилище в Баррио-дель-Пилар.

— Никто не знает твоего нового места жительства, — заверили они меня.

Но не учли профессионализма журналистов. Наше жилище — на втором этаже в доме на улице Санхенхо — оказалось быстро окруженным фотокорреспондентами, журналистами, кинооператорами.

Федерико Мельчор сумел добиться, как мне казалось, невозможного: убедить своих коллег по прессе не слишком утомлять меня. Они вошли в дом, сфотографировали меня, поприветствовали. И посыпались вопросы.

— Что я могу сказать вам? Что приветствую вас всех. Что мне доставляет огромную радость оказаться снова на родине. Что я прибыла, чтобы мирно жить и трудиться в партии, в своей стране, не ворошить прошлое. Я прибыла отстаивать наши идеи, распространять их. А народ должен сам высказать мнение, как разрешить существующие проблемы...

Меня спросили, что я чувствую в этот первый час пребывания в Испании.

— Волнение, радость... а также ностальгию. Я очень довольна и вместе с тем мне грустно. Потому что там остались мои внуки... и часть моей жизни. Это — понятное человеческое чувство, не правда ли? Мы, коммунисты, хотим, чтобы люди жили счастливо, без тревог.

Пришли мои товарищи: Санчес Монтеро и Кармен, Ромеро Мартин и Антониа и еще многие, молодые и ветераны, которых я сердечно приветствовала.

Я в Испании!

Моим первым желанием было поехать в Страну Басков. А потом в Астурию, включиться в избирательную кампанию. Потому что астурийские товарищи хотели во второй раз избрать меня своим депутатом.

В этот день мы совершили поездку по Мадриду. Проехали по некоторым улицам, которые вызвали у нас столько воспоминаний,— улице Франко Родригеса, где формировался Пятый полк, улице Галилео, где я жила и работала в «Мундо обреро», улице Бласко де Гараи, старой улице, где я жила со своими детьми на первом этаже... И затем Пуэрта дель Соль, площадь Испании, Ретиро... Какое чудо ходить по улицам Мадрида, быть в Испании!..

Потому что в течение сорока лет моей жизни мне не хватало Испании!

*«Бат, би, иру, лау,
Долорес в Бильбао!»*

Я выполнила свое обещание: мой первый митинг состоялся в Бильбао.

Сейчас мне трудно описать это грандиозное собрание, на котором произошла новая встреча баскской женщины-бойца со своей любимой Эускальеррией. Трудно и потому, что меня охватило волнение, в котором отразились все мои чувства, накопившиеся за столько лет.

Меня окружили на площади Фериа де Муэстрос тысячи моих земляков — говорят, их было пятьдесят тысяч,— все лица казались мне родными. Красные платки, цветы, плакаты: «Ончи эторри!» («Добро пожаловать!»). Молодежь запела гимн «Эуско Гудариак».

Блас де Отеро, незабвенный друг и замечательный поэт, прочитал свои стихи:

*Родом из Страны Басков,
она сражалась, как ветер Кантабрил,
любила шахтеров, рабочих и крестьян;
крепкая, как железо Гальярты, и
достойная уважения, как дуб моей родной
долины, Ороско.*

Я встретилась с соратниками по борьбе — Рамоном Ормасабалем, Томасом Туэросом и другими товарищами, которые выступили на этом большом митинге.

*Первые свободные выборы
в Испании.*

«Более сорока лет прошло с тех пор, как я рассталась с Эускади,— сказала я прерывающимся от волнения голосом.— Но всегда — и в горестях и в радостях — Эускади, несмотря на расстояние, оставалась в моем сердце. За Эускади мы боролись в великой Советской стране, за Эускади мы отдали наших сыновей, которые пали как герои в борьбе против немецких агрессоров...»

В Астурии

Из моей Страны Басков мы помчались в Астурию: у нас была назначена встреча в Авилесе; по дороге мы любовались деревушками, зелеными долинами, холмами и горными склонами, которые напоминали мне о моем детстве, о моей молодости и, конечно, о тяжелых и мрачных днях жизни на шахте.

Коммунисты, трудящиеся Астурии избрали меня в 1936 году своим депутатом в парламент республики. Через сорок лет и один год они снова выдвинули мою кандидатуру на этот пост уже в демократической Испании.

Их решение взволновало меня, но показалось чересчур смелым. Ведь мне исполнилось 82 года.

В толпе, которая слушала меня в Авилесе, кто-то крикнул:

— Все ясно! Долорес — депутат!

И я ответила:

— Партия может предложить мою кандидатуру, но решать должны вы.

Во время этой незабываемой избирательной кампании я побывала в Авилесе, Хихоне, Сама-де-Лангрео, Мьересе...

Печать сообщала о многотысячных собраниях рабочих, приходивших послушать нас, о Фернандо Ингуансо, «Земляке», замечательном коммунисте, который сопровождал меня на все митинги и который заменил меня на депутатской скамье через два года — в 1979 году. И о многих других известных ораторах нашей партии.

Самое большое впечатление на меня произвело то, что после столь долгого отсутствия, насыщенного исключительными событиями, астурийцы не забыли меня. И что молодежь, которая никогда не видела, знала, что я открыла двери тюрьмы в Овьедо в 1936 году, спускалась в шахту Кадавио в знак солидарности с бастовавшими горняками, а в 1936 году отправилась в Астурию, чтобы помочь моим арестованным товарищам и привести их к себе, чтобы приютить в надежных местах сотни астурийских ребят, сирот или детей заключенных шахтеров...

Откуда они об этом узнали? Очень просто — в семьях трудящихся от дедов и отцов передаются детям революционные традиции.

Один товарищ из Кавите послал мне текст известной астурийской песни:

*Астурия, дорогая родина,
Астурия, сколько было пройдено.
Где, сорок лет, ваша горесть?
Ведь снова с нами Долорес.*

И одна астурийка из Рианьо сказала мне:

*Мы, соседи Рианьо,
мы тоже здесь опять,
чтобы сказать тебе, Долорес,
что будем за тебя голосовать.*

*У тебя отняли место депутата,
но ты душою чиста,
ты снова займешь свое место
пятнадцатого числа.*

Астурия приняла меня как своего человека, годы не смогли разорвать узы, которые нас объединяли. Неразрывные узы. Я сказала астурийцам, что во время изгнания Астурия никогда не уходила из моего сердца, потому что думать об Астурии означало думать об Испании.

Я встретила многих старых друзей по борьбе, мы обнимались, плакали, распевали старинные народные песни, пили некое подобие сидра, а я надела подаренные мне новые деревянные башмаки.

С Херардо Иглесиасом

Я с волнением встречалась с молодыми руководителями, такими, как Херардо Иглесиас, шахтер, бывший тогда секретарем Рабочих комиссий, который привел ко мне своего сына Рубена, чтобы познакомить с ним.

Я сказала «молодых», но я знаю, что Херардо вел активную деятельность в Коммунистической партии с пятнадцатилетнего возраста, отсидел шесть лет в тюрьме за то, что был коммунистом.

Ни Херардо Иглесиас, ни я не могли тогда представить — ведь невозможно предвидеть события, — что через шесть лет он будет избран Генеральным секретарем нашей партии.

Брат Херардо сопровождал меня во время всей предвыборной поездки.

«У вас, трудящихся Астурии, я научилась быть твердой, быть революционеркой. Вы всегда останетесь для меня примером», — сказала я в ответ на аплодисменты участников одного из митингов.

Депутат от Астурии

И вот настал день 15 июня 1977 года. С радостью и признательностью я узнала о результатах выборов. Трудящиеся Астурии избрали меня вторично, через сорок с лишним лет, депутатом кортесов.

*Долорес Ибаррури
и Рафаэль Альберти
в президиуме кортесов,
Мадрид, 1977 г.*

Товарищ Венеслао Росес, преподаватель римского права, которой был заместителем министров по народному образованию в правительстве республики, известный как переводчик на испанский язык «Капитала» Карла Маркса, был избран сенатором от Астурии.

В аббатстве Монсеррат

Если не ошибаюсь, это было во время моей первой поездки в Барселону, когда я попросила аббата Монсеррата, дона Кассиа Хуста, принять меня.

Когда я была еще в далекой эмиграции, до меня дошли вести о покровительственной деятельности этого аббата по отношению к преследуемым антифранкистам.

Из Москвы, воспользовавшись представившимся случаем, я отправила ему с товарищем Лопесом Раймундо русскую икону как выражение моего восхищения и в знак признательности. В ответ получила от аббата керамическую голубку мира, изготовленную в мастерских Монсеррата.

Теперь я направлялась приветствовать аббата и выразить ему свое уважение. Встреча действительно была самая сердечная. Меня сопровождали наш незабвенный Альфонсо Карлос Комин, известный писатель и коммунист, председатель Социалистической объединенной партии Каталонии Лопес Раймундо и другие друзья. На мои слова благодарности аббат ответил просто: он выполнял свой долг. Мы вспомнили с восхищением и признательностью старого аббата Монсеррата Аурели Эскаррэ, который за свою благородную позицию покровительства жертвам франкизма был выслан в Рим в 1965 году, где некоторое время спустя скончался. Мы вспомнили также общих друзей, борцов за демократию и справедливость. Битва, долгая и трудная, не была бесполезной. Мое посещение аббатства Монсеррата свидетельствовало о том, что мы стали жить в условиях свободы.

Известен мой интерес к возникновению и развитию христианского движения за демократию и социализм. На эту тему мною было написано немало работ, учитывая ее важность и значение в такой традиционно католической стране, как наша.

В докладе, который я сделала в 1968 году в Москве в Институте международного рабочего движения, я отмечала:

«Хочу вкратце коснуться вопроса, важного сегодня для борьбы за социализм. Думаю, мы совершили бы ошибку, которая обернулась бы против нас, если бы не уделили должного внимания одному из новых феноменов, который происходит в наше время и является следствием побед социализма и освободительного движения народов.

Этим новым феноменом являются изменения, которые наблюдаются в отношении католической церкви к социализму. И пусть товарищи меня простят за то, что я возвращаюсь к этому вопросу, которого уже касалась не раз, потому что считаю его очень важным для нас. В католических массах и у части духовенства наблюдается тяга к политической, экономической и социальной демократии, к социализму.

Даже некоторые высокопоставленные церковные деятели в различных странах не безразличны к переменам, происшедшим в мире после 1917 года, особенно после победы Советского Союза над гитлеризмом, когда они поняли, что история не пойдет вспять.

Сейчас марксистов уже не отлучают от церкви и не осуждают. Вступают с ними в диалог. И иногда борются вместе с ними.

Мы, марксисты-ленинцы, можем и должны содействовать развитию этого демократического и прогрессивного движения католиков и христиан.

Если мы этого не сделаем, то вступим в противоречие с диалектическим материализмом; подобные явления свидетельствуют: ничто не может быть статичным и неизменным, все меняется, все развивается. Мы вступили бы также в противоречие с нашим утверждением, что социализм оказывает влияние на развитие и изменение всей современной жизни, в том числе на политику этой крепости реакции, которой всегда была католическая церковь и которая сегодня теряет свое могущество.

Необходимо отказаться от прежних взглядов на церковь.

Сегодня мы не можем, как раньше, рассматривать католическое движение масс как чисто реакционное движение.

Правда, эти массовые движения возникают как социал-демократические, стремящиеся изменить капиталистическую систему с помощью реформ. Внутри этих движений наиболее последовательные и прогрессивные группы открыто проявляют свою симпатию к социализму как режиму в

техническом и экономическом отношении более эффективному и социально более справедливому, чем капитализм.

С другой стороны, — и в этом мы убеждаемся ежедневно в нашей стране — уже не только католические деятели, но и некоторые священнослужители заявляют, что религия не должна быть опиумом для народа, они участвуют вместе с рабочими в манифестациях протеста и, подобно рабочим, их преследуют, арестовывают и отдают под суд как под-
рывные социальные элементы».

С Таррадельясом в Барселоне

Высокоуважаемый Жозе Таррадельяс, бывший в прежние времена председателем Хенералитета Каталонии, оказал любезность принять вместе со своей супругой меня во дворе на площади Сан-Хайме в Барселоне.

Со мною прибыл Грегорио Лопес Раймундо, депутат и председатель Объединенной социалистической партии Каталонии.

*Депутаты-коммунисты
приветствуют в кортесах
президента Мексики
Лопеса Поргильо.
Мадрид, 1977 г.*

Это была сердечная встреча старых друзей, бойцов-ветеранов, которые пережили долгое и горькое изгнание.

Мы оба снова были на родине, заряженные оптимизмом, сознавая вместе с тем, какому риску подвергается новорожденная демократия.

На меня произвели впечатление ясность ума и энтузиазм Таррадельяса, готового продолжать работу, начатую столько лет назад в автономной Каталонии, которая пользовалась теперь всеми национальными правами в новой, демократической Испании.

Мы попрощались очень дружелюбно. Я пожала ему руку с уважением и почтением, которые всегда испытывала к Жозе Таррадельясу как видному деятелю Каталонии.

Во время моей первой поездки в Барселону после возвращения из эмиграции я с радостью посетила и обняла моих товарищей и друзей — Рафаэля Видиэлью, доктора Хосе Бонифаси и его жену Эльвиру.

Многие годы мы работали и жили вместе в разных странах и в разных условиях. Бонифаси, талантливому медику, я была обязана не раз сохранением здоровья.

Мы с Бонифаси были ровесниками. И хотя он живет несколько уединенно, мы вспоминаем и храним взаимную привязанность, связывающую нас настоящую дружбу, которая выдержала испытания в трудные моменты.

Мне пишет одна миссионерка

В своих воспоминаниях «Единственный путь» я писала, как во время гражданской войны, узнав, что в квартире на мадридской улице Веласкес прячутся, опасаясь нападения хулиганствующих элементов, несколько верующих женщин, я отправилась проведать их и оказать им покровительство и помощь.

Спустя сорок три года я получила в Мадриде следующее письмо:

«Дорогая моя сеньора!

Вас удивит получение письма от одной верующей женщины, которую вы не знаете. Кроме того, когда вы прочтете эти строки, я уже буду далеко от Мадрида, так как уезжаю за границу. Почему я вам пишу?

Я молилась в монастыре... в помещении, которое я занимала, висела очень красивая картина Скорбной девственницы (Вирхен Долороса). Вы уже слышали об этой картине в Севилье от одной из монахинь, прятавшихся в октябре 1936 года на улице Веласкес. Эта монахиня рассказала мне, как хорошо вы отнеслись к ним, оградив от опасных и неуместных посещений...

Они никогда не забывали вашу доброту и просили милости для вас у Скорбной девственницы.

Мне показалось, что вам будет приятно узнать не только то, что сестры-монахини помнят о вас, но и что на обороте картины вашей покровительницы — Скорбной девственницы прикреплена ваша фотография.

Пусть покровительствует вам наша Небесная мать, охраняет и направляет, дает советы, надежду и оказывает помощь в моменты тревог или страданий.

С искренней любовью к Иисусу Христу,
господу и спасителю нашему

Подпись

(которую я опускаю, поскольку не уполномочена открывать ее)».

Могу добавить, что некоторые монахини, из тех, кому в 1936 году наша партия оказывала покровительство в Мадриде, позднее помогли нашим товарищам, заключенным в тюрьмах Франко.

Новогодний рассказ

Я получила книгу из ФРГ. Ее опубликовало издательство протестантской церкви. Это был сборник рождественских рассказов, озаглавленный «Голос в рождественскую ночь».

Похоже, это рассказ обо мне, воспоминание солдата «Голубой дивизии», находившейся зимою 1942 года на Восточном фронте на позиции, расположенной к северу от озера Ильмень:

Он рассказал следующее:

«На фронте было спокойно. Все покрыто снегом: бескрайняя белая равнина. Сорок градусов ниже нуля. Нам, не привыкшим к подобным морозам, казалось, что жизнь прекратилась на нашей планете, что наша старая земля погибла.

Мы включили маленький радиоприемник и услышали ясный и звучный голос женщины. Она говорила по-испански, на родном нам языке, который мы понимали и любили. Это была Долорес Ибаррури, Пасионария, которая через московскую радиостанцию обращалась к нам, испанским солдатам. Мы знали, что она принадлежит к лагерю наших врагов. Но это не имело для меня никакого значения. Она говорила о рождестве, о далекой родине, о красотах Испании и о том, что в один прекрасный день в ней воцарится мир. Говорила о наших семьях, собравшихся сейчас в своих домах, празднуя рождество.

Голос этой женщины, говоривший нам о рождестве на нашем языке, языке нашей родины, был единственным счастливым моментом во время моего пребывания в России».

Рассказ этого солдата «Голубой дивизии» был опубликован в Испании на одном из литературных конкурсов.

Прошли годы, солдат возвратился к своим воспоминаниям, добавил, что «этот голос способен был разрушить границы, границы ненависти, которые разделяют людей», и далее: «Разрушать границы ненависти — это самое важное, что могут делать люди доброй воли».

Этот рассказ был написан немецким антифашистом Хейнцем Красчутским, эмигрировавшим в Испанию в 1932 году и просидевшим девять лет в тюрьме.

Кто-то рассказал мне, что поезд, который вез добровольцев «Голубой дивизии» на Восточный фронт, был «украшен» виселицей с повешенной Пасионарией.

Но это — в прошлом, прошлом ненависти и мщений. А то, что осталось, — это туманность.

*В кортесах...
41 год спустя*

Было утро 13 июля 1977 года. Четверть одиннадцатого. К чему такая подробность?

Потому что мне было страшно снова оказаться в том самом амфитеатре того самого дворца кортесов спустя сорок один год. Сорок один год истории: Народный фронт, гражданская война, эмиграция, вторая мировая война, победа над нацизмом и бесконечная франкистская диктатура, поддерживаемая мировой реакцией.

Франко уверял, что он покончит с коммунизмом. Сажал в тюрьмы, пытал, убивал сотни коммунистов и патриотов, боровшихся за свободу. Но он не смог покончить с Компартией. Это пытались сделать до него и другие фашисты и реакционеры. И никому это не удалось. Потому что коммунисты и народ — это одно целое, а народ бессмертен.

История имеет свои любопытные стороны. Пасионария, одна из тех, кого франкистская пропаганда поносила в течение стольких лет, поднялась в этот день, 13 июля, в президиум первых демократических послепранкистских кортесов и по возрасту заняла место вице-председателя на этой конституционной сессии. Это место вице-председателя по возрасту занял вместе со мной Рафаэль Альберти, мой постоянный друг и товарищ, необыкновенный поэт нашего века.

Мы с Рафаэлем участвовали в открытии новых испанских кортесов в 1977 году. Тишина была впечатляющей. Мое волнение трудно передать.

Я наблюдала за амфитеатром. Да, он был таким же, как в 1936 году. Но вместе с тем и другим. И не только потому, что был модернизирован. Я искала знакомые лица... Но здесь не было ни Хилья Роблеса, ни Мануэля Асаньи, ни Негрина, ни Луиса Компаниса, ни Ларго Кабальеро, ни Прието, ни Бестейро, ни Гонсалеса Пеньи, ни Хосе Диаса, ни Антонио Михе, ни Висенте Урибе, ни Хуана Хосе Мансо... Их не было. Скамьи занимали другие лица, женщины и мужчины, по большей части молодые... Слева от меня сидели мои товарищи из коммунистической группы.

Я была одним из оставшихся в живых депутатов. Одним из них был и мой земляк Мануэль Ирухо из ПНВ...

Мы вновь заняли свою скамью, чтобы защищать свои идеалы... никогда не идя на соглашательство.

Председатель кортесов сеньор Эрнандес Хиль сердечно поздравил меня с благополучным прибытием. Мне пожал руку и тогдашний председатель правительства сеньор Суарес. Я пожелала ему удачи. «Мы будем делать еще много ошибок», — ответил он, улыбаясь. И он оказался прав.

Рафаэлю Альберти, сегодня награжденному премией Сервантеса, парламент сразу показался слишком тесным, и он скоро вернулся на свой пост, пост «уличного поэта», «блуждающей кометы», уступив свое место земляку-крестьянину. Его поразительный талант продолжал воодушевлять всех нас. Голос его продолжал воспевать народ, дружбу, справедливость нашего дела, мир.

В один из октябрьских дней кортесы принимали со всеми почестями тогдашнего президента Мексики Лопеса Портильо. Поскольку он был первым иностранным президентом, приветствовавшим новый испанский парламент и являлся другом испанской демократии, депутаты аплодировали стоя и с искренним энтузиазмом. И тут произошло нечто неожиданное. Лопес Портильо послал мне братский воздушный поцелуй.

Спасибо, друг! Это был знак любви к моему народу, свободе, демократии.

В период первой сессии работы кортесов были моменты особенно волнующие, исполненные гражданской ответственности. Таким, в частности, было голосование по утверждению демократической конституции, которая, на мой взгляд, являлась важнейшей в истории установления демократии в Испании.

«Да», которое я произнесла, вызвало множество комментариев в прессе и в коридорах. Говорили, что оно прозвучало особенно твердо и отчетливо. «Пасионария,— написал Пилар Урбано из АВС,— почти продекламировала свое утвердительное «да», чего я пожелал бы для «да» Нурии Эсперта».

Когда два года спустя были назначены новые выборы в кортесы, я попросила свою партию не выставлять больше мою кандидатуру на выборах. Мое место должен занять более молодой человек. И, разумеется, астуриец. В 1979 году депутатом от Астурии был избран Орасио Фернандес Ингуансо, человек любимый и уважаемый астурийским народом.

Что касается меня, я продолжала свою деятельность в Компартии Испании, участвуя в решении сложных проблем, с которыми приходится сталкиваться на каждом шагу в поисках лучшего пути, ведущего к нашей цели — социализму.

Как писал Николас Гильен:

*Вот так мы идти должны,
сурово, упрямо, увлечены
днем, рождающимся всему вопреки.
Стучат наши крепкие башмаки,
говорят лесу, что трепетно ждет:
«Пусть будущее идет!»*

*Открытие XI съезда КПИ.
Долорес Ибаррури
и Херардо Изгlesiас.*

«Пусть будущее идет!»

Виктор Гюго отмечал, что секрет таланта государственного деятеля состоит в том, чтобы предвидеть, когда будущее может стать настоящим.

Разгадать этот секрет трудно, сколь бы велико ни было наше желание... Как помочь найти пути, чтобы приблизить это будущее.

Долог и труден избранный мною путь. Это путь постоянной борьбы и постоянных надежд.

В часы грусти, когда горизонт туманен и сер, когда душа полна сомнений, сознание обращается к героическому прошлому — это освежает душу, освобождая ее от скорби и тревог.

В жизни, в судьбе, которую мы избрали и которую каждый день, каждый час создаем своими усилиями, мы теряем какие-то иллюзии, подобно овцам, которые, меняя пастбища, оставляют клочки своей шерсти, зацепившись за кусты и колючки на крутых горных тропах.

Мысль возвращается к местам, где прошли дни детства, которое если и не было счастливым, то было невинным и

чистым, к мятежной молодости, когда в моем сознании еще неосознанно рушились старые вера и представления.

Но в этом возврате к прошлому нет отрицания настоящего. Это, скорее, еще одно подтверждение смысла существования и справедливости нашей долгой борьбы с ее успехами и отступлениями, с ее победами и тяжелыми поражениями. Это как бы чтение с новой увлеченностью замусоленных страниц книги жизни. Восстановление в памяти стольких событий, которые были и которые могли бы быть.

Я собиралась посвятить себя церкви, но оставила веру. Хотела быть сельской учительницей, а стала революционеркой, мечтала о счастье, а жизнь тяжело ударила по самому близкому для меня, по самому дорогому...

Я верила в победу и тяжело переживала поражения, продолжая верить в справедливость нашей борьбы.

Когда мы хотим критически осмыслить причины, приведшие к поражению наш народ, способный на великие дела, то ставим действительность выше всех паллиативов, выше всех оправданий гибели республики, гибели, несмотря на героизм республиканских бойцов и волю к борьбе демократических политических групп, стремившихся поддерживать в Испании режим демократии и свободы; эта действительность — отсутствие национального сознания у реакционных сил, которые не колебались использовать оружие иностранных держав против собственного народа, против демократически установленных в Испании порядков.

Прошло несколько десятилетий.

Моя партия, Коммунистическая партия Испании, выстояла, пережив невероятные пытки, тюрьмы, подполье.

Вряд ли какая-либо другая политическая сила выдержала бы столь длительную проверку временем, грубую жестокость репрессий, географическую разобщенность и много, много другого. Но Компартия Испании выдержала. И она снова вышла на политическую арену нашей страны, легализованная и еще более окрепшая.

Мы живем сейчас в Испании в условиях демократии и свободы, завоеванных ценою многих лет борьбы, начатой в 1920 году в моем шахтерском поселке в Гальярте. Звание коммуниста обязывает ко многому в наших отношениях с народом, с рабочим классом, со всеми прогрессивными силами Испании. Как коммунисты, как интернационалисты, мы провозглашаем нашу солидарность с коммунистами и рабочим классом всех стран и всех народов, которые борются

*Тодор Живков
вручает Д. Ибаррури
Орден Димитрова,
София, 1982 г.*

за свою свободу. Наша искренняя и открытая дружба с социалистическими странами, с Советским Союзом, где руководимая Лениным Коммунистическая партия свергла власть капитализма и открыла для всех народов путь к социализму. Наша сердечная дружба не исключает — это очевидно — наличия разных мнений, разных точек зрения на те или иные проблемы, которые борьба за демократию и социализм выдвигает в той или иной стране.

И сегодня перед нами стоит, как самая важная проблема, волнующая все народы, проблема сохранения мира.

Мне довелось пережить в течение этого века три невероятно жестокие, кровавые, опустошительные войны. Десятки миллионов погибших, разрушенные города и села, развалины, страдания, страдания...

И тем не менее война, которая угрожает нам сегодня, не может сравниться ни с чем из того, что было известно до сего времени.

Какое же мое самое горячее желание в восемьдесят два года?

Без всякого сомнения — мир во всем мире. Ликвидация военных блоков, уничтожение атомного оружия. Борьба за то, чтобы избежать любой ценой гибели в атомной войне, за выживание человечества.

Когда я вернулась в Испанию после почти сорокалетнего изгнания, меня спрашивали о многом, и в частности: «Почему я в своем преклонном возрасте продолжаю участвовать в политической борьбе, вместо того чтобы отдохнуть, жить спокойно?»...

Я всегда отвечала — это не для меня. Всю жизнь проведя в борьбе, посвятив себя столь замечательной идее —

*С генеральным секретарем
Компартии Испании
Хулио Ангита,
Мадрид, 1988 г.*

идее коммунизма, могу ли я уйти «на отдых», если нам предстоит пройти еще такой длинный путь?

Меня не раз спрашивали, поскольку я в молодости училась в католической школе, — не чувствую ли я сейчас, в старости, ностальгию и желание вернуться снова «на правильный» путь?

Мой ответ известен: вернуться к прошлому — никогда, при этом я неизменно уважаю чувства верующих. Моя цель — идти вперед, к избранному нами будущему.

В своей книге «Мир в восемьдесят лет» Сантьяго Рамон-и-Кахаль написал, что в таком возрасте «мозг окончательно кристаллизовался в неизменные структуры и идеологию».

Кахаль научно выразил мою мысль.

Я хорошо знаю, что долг, сложен и тяжел путь, который нам еще предстоит пройти. Мы стараемся освободиться от цепей, которые иногда нас удерживают, привязывают к прошлому. Прошлое, история, труд людей — это вечные ценности, без которых мы — ничто. Но жизнь не останавливается. Она постоянно меняется. Все движется, все преображается. Вещи и мир.

*С дочерью Амаей,
внуками Лолитой и Федором,
Москва.*

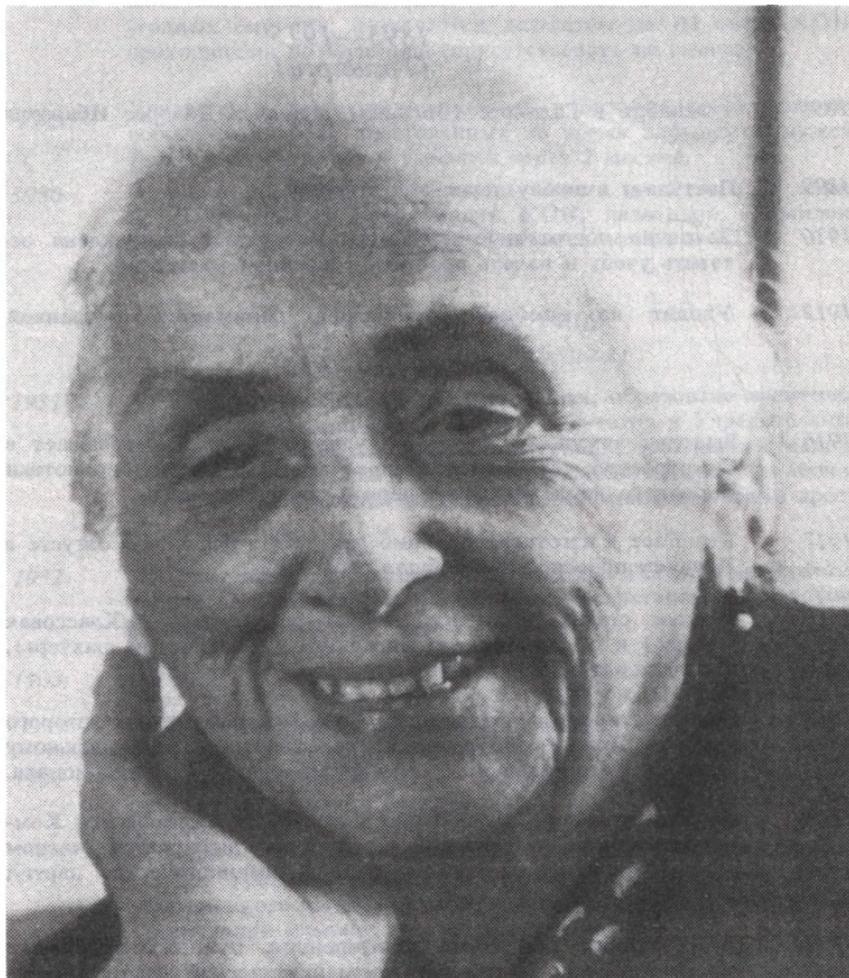
Уметь уловить нынешний ритм жизни, двигаясь к будущему, отбросив то, что уже устарело, уточняя маршрут; идти с уверенностью к избранной нами цели, коммунистической цели, — это, конечно, нелегко. Это — дело, которое мы, коммунисты, призваны довести до достойного конца, действуя с ясным сознанием и сообщая, исходя из новых условий того мира, который нас окружает и в котором мы живем сегодня. И избегая, что особенно важно, разобщения наших рядов. В течение всей своей долгой жизни я всегда отстаивала единство нашей партии. Я имела в виду не формальное единство и дисциплину. Нет. Сегодня нужно ответственное, сознательное единство, выкованное в ходе дискуссий, в сопоставлении идей, предложений, в поисках решений, в тщательном изучении науки, политического смысла марксистской науки.

Разъединение, раскол — порождают недружелюбие между товарищами и друзьями. В результате ослабевает влияние, падает авторитет коммунистов в обществе. Нарушается равновесие, что не только ослабляет рабочее движе-

ние, но и все силы демократии в нашей стране. Наша разобщенность полезна только реакционным силам.

Как я сказала, наш путь нелегок.

Но это благородный, возвышенный путь, достойный того, чтобы пройти его.

Основные даты жизни и деятельности

1895—1915

(Гальярта)

- 1895* 9 декабря в Гальярте (Бискайя) родилась Долорес Ибаррури Гомес.
- 1899* Поступает в школу начальной ступени.
- 1910* Закончив подготовительный курс магистрата, вынуждена оставить учебу и начать работать в швейной мастерской.
- 1912* Уходит из швейной мастерской, занимается служанкой.

1916—1930

(Соморростро)

- 1916* Выходит замуж за шахтера Хулиана Руиса и переезжает в Соморростро; знакомится с марксизмом по книгам библиотеки Народного дома; рождение первой дочери — Эстер.
- 1917* Помогает в изготовлении бомб для забастовщиков; в августе в Испании происходит всеобщая забастовка.
- 1918* Первые статьи в газетах «Луча де класес» («Классовая борьба») и в «Эль Минеро Бискайно» («Бискайский шахтер»), подписанные «Пасионария».
- 1919* Социалистическое объединение Соморростры, членом которого является Долорес Ибаррури, присоединяется к Национальному комитету сторонников Коммунистического Интернационала.
- 1920* Социалистическое объединение Соморростры становится Коммунистическим объединением, Долорес избирается членом первого провинциального комитета Коммунистической партии Бискайн.
- 1921* 7—14 ноября состоялась конференция, принявшая решение об объединении Испанской коммунистической партии и Испанской коммунистической рабочей партии и создании Коммунистической партии Испании (КПИ); рождение сына — Рубена.
- 1922* 14 марта избирается делегатом на I съезд КПИ; пишет первые статьи в издававшуюся в Бильбао газету КПИ «Бандера роха» («Красное знамя»).

- 1923 Установление диктатуры Примо де Риверы. Рождение тройни: Амайи, Амагойи, Асусены.
- 1924 В качестве делегата представляет шахтерскую зону на местных и провинциальных собраниях КПИ, выполняет рискованные, ответственные задания.
- 1927 Активно участвует в организованной КПИ всеобщей забастовке в Бискайе в ответ на созыв 10 октября Примо де Риверой Консультативной национальной ассамблеи, состоявшей из угодных ему лиц; назначается делегатом на III съезд КПИ, проходивший во Франции (присутствовать не смогла).
- 1928 Участвует в демонстрации женщин в Бильбао, требующих освобождения своих арестованных во время забастовки мужей. Рождение дочери Евы, умершей через 2 месяца.
- 1930 В январе падение правительства Примо де Ривера; в марте на Национальной конференции КПИ, названной «Памплонской», избирается членом Центрального комитета КПИ.

1931—1936
(Республика)

- 1931 14 апреля — провозглашена республика, образовано временное правительство, проводятся выборы депутатов в Учредительные кортесы, в декабре одобрена конституция. Переезжает в Мадрид в качестве редактора газеты КПИ «Мундо обреро» («Рабочий мир») и ответственной за работу среди женщин; первый арест.
- 1932 На состоявшемся 17 марта IV съезде КПИ в Севилье избирается членом Политбюро ЦК, Генеральным секретарем избран Хосе Диас; второй арест и суд.
- 1933 Всеобщие выборы в Испании, на которых побеждают правые силы. В ноябре первая поездка в СССР в качестве делегата на XIII пленум Исполкома Коминтерна.
- 1934 Участвует в первом съезде национальной Организации женщин против войны и фашизма; в августе едет во главе испанской делегации на Всемирный конгресс женщин против войны и фашизма в Париже; принимает активное участие в борьбе против кровавых репрессий, развязанных правыми против вооруженного восстания рабочих в Астурии; едет в Астурию для организации помощи арестованным и их семьям.
- 1935 Нелегальная поездка в Париж для участия в Международной конференции помощи трудящимся Астурии; присутствует на VII конгрессе Коммунистического Интернационала в Москве, избирается кандидатом в члены Исполкома Коминтерна.
- 1936 15 января подписан пакт о создании Народного фронта; третий арест; 16 февраля на выборах в парламент (кортесы) Народный

фронт одерживает победу; Ибаррури избрана депутатом от Астурии; 16 июня в ходе парламентских дебатов выступает с разоблачением политики правительства и предупреждением об опасности фашизма.

1936—1939

(Война)

- 1936 18 июня — начало вооруженного путча против Республики; 19 июля на митинге на площади Пуэрта дель Соль призывает народ к сопротивлению, произносит знаменитые слова: «Но пасаран!» («Они не пройдут!»); в составе официальной делегации Народного фронта едет в Париж, где на митинге на Зимнем велодроме заявляет: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»; 18 ноября в Университетском городке выступает перед одной из интернациональных бригад. «Бороться за Испанию,— сказала Ибаррури,— это значит бороться за мир и свободу всего мира».
- 1937 Избирается вице-председателем кортесов; выступает на митинге, организованном КПИ в Валенсии 9 февраля в связи с потерей Малаги (8 февраля); 5 марта выступает с речью на открытии расширенного пленума ЦК КПИ, 17 июня на пленуме ЦК КПИ в Валенсии; в августе — сентябре поездка на фронт в Бельчите; 1 октября — участие в сессии кортесов в Валенсии; 13 ноября на пленуме ЦК КПИ в Валенсии делает доклад «Народная армия — армия победы»; в декабре вместе с Хосе Диасом посещает фронт под Теруэлем.
- 1938 1 февраля на сессии кортесов республики в монастыре Монсеррат призывает к укреплению единства Народного фронта; 11 ноября выступает со словами огромной благодарности на митинге по случаю отъезда из Испании интернациональных бригад.
- 1939 5 января из Каталонии переезжает в Мадрид, чтобы подготовить проведение Национальной конференции КПИ; в январе посещает фронт в Эстремадуре; 11 февраля выступает на провинциальной конференции КПИ в Мадриде; в феврале — марте переезжает в Эль Пальмар, Мурсия; 6 марта в связи с восстанием полковника Касадо и хунты обороны Мадрида против правительства республики покидает Испанию; 31 марта присутствует в Париже в качестве вице-председателя кортесов на первом заседании Постоянной депутатской группы кортесов в изгнании; 1 апреля — падение республики.

1939—1977

(В изгнании)

- 1939 Поездка в Москву для участия в работе Коминтерна; вместе с Хосе Диасом включается в работу Секретариата Коминтерна.
- 1940 Активно участвует в устройстве детей, приехавших из Испании в СССР.

- 1941 22 июня — нападение гитлеровской Германии на Советский Союз; сын Долорес Рубен вступает в ряды Красной Армии; участвует в создании «Радио независимой Испании» — радиостанции «Пиренаика», руководит ее работой. 18 июля обращается с речью в Москве к 4-й роте добровольцев, состоящей преимущественно из испанцев; 16 октября вместе с руководством Коминтерна переезжает в Уфу; продолжает руководить радиостанцией «Пиренаика».
- 1942 В марте назначается Генеральным секретарем КПИ; 3 сентября погибает, смертельно раненный при обороне Сталинграда, гвардии старший лейтенант Рубен Ибаррури.
- 1943 В феврале возвращается в Москву.
- 1944 Делает доклад на собрании трудящихся Москвы в Колонном зале Дома союзов на тему «Франкистская Испания — сателлит Гитлера».
- 1945 В феврале—марте поездка через Иран и Египет во Францию; обосновывается в Тулузе, где находится руководство КПИ; участвует в Париже в создании Международной демократической федерации женщин, избирается ее вице-председателем; в декабре выступает с докладом на первом пленуме ЦК КПИ после второй мировой войны; участвует в митинге солидарности с испанскими республиканцами на Зимнем велодроме в Париже, выступает с речью; встречается с Ф. Ларго Кабальеро.
- 1946 23 марта Долорес Ибаррури присутствует на похоронах Ларго Кабальеро; переезжает в Париж вместе с руководством КПИ; в апреле делает доклад на втором пленуме ЦК КПИ в Париже.
- 1947 В марте участвует в конференции ЦК Компартии Испании и Социалистической объединенной партии Каталонии; выступает на собраниях и митингах в Швеции и Норвегии, на первом крупном митинге, организованном КПИ после войны в «Парк де Спортс» в Тулузе.
- 1948 В декабре едет в Москву для лечения.
- 1948—
1955 Пишет первую книгу воспоминаний «Единственный путь»; возглавляет редакционную комиссию по подготовке истории КПИ, работает на радиостанции «Пиренаика».
- 1955 Вместе с «Радио независимой Испании» переезжает в Бухарест.
- 1956 В феврале присутствует во главе испанской делегации на XX съезде КПСС; в августе на пленуме ЦК КПИ выступает с докладом о политике национального примирения; поездка в Пекин на VIII съезд Коммунистической партии Китая.
- 1960 На VI съезде КПИ, проходившем в Праге, избирается председателем КПИ.

- 1961—
1962 Получает международную Ленинскую премию «За мир и дружбу между народами»; Московский университет присваивает ей звание доктора «гонорис кауза».
- 1963—
1964 Посещает Кубу по приглашению Фиделя Кастро.
- 1965 Поездка в Югославию; нелегально едет во Францию для участия в VII съезде КПИ; награждается орденом Ленина в связи с 70-летием со дня рождения.
- 1966—
1967 Работает над подготовкой четырех томов книги «Война и революция в Испании. 1936—1939», возглавляя редакционную комиссию.
- 1975 В июле выступает на второй Национальной конференции КПИ, проходившей во Франции, где был одобрен манифест—программа КПИ; в декабре — чествование в Риме и в Москве по случаю 80-летия со дня рождения.
- 1977 9 апреля легализация КПИ в Испании.

1977—1988 (Возвращение)

- 1977 13 мая возвращается в Мадрид после 38 лет изгнания; избирается в парламент депутатом от Астурии.
- 1980 В апреле участвует в большом митинге, посвященном 60-летию создания КПИ.
- 1983 На XI съезде КПИ вновь избрана председателем партии; направляет участникам съезда послание с призывом к единству.
- 1984 Публикует вторую книгу воспоминаний «Мне не хватало Испании».
- 1985 Выходят одним изданием две книги воспоминаний «Единственный путь» и «Мне не хватало Испании». 9 декабря — чествования по случаю 90-летия со дня рождения.
- 1988 В феврале участвует в работе XII съезда КПИ.

К читателю	7
Изгнание	10
Операция предательства	12
Марсель — Париж	14
Начинается новый этап	16
Постоянный депутатский совет кортесов	—
Встреча в Москве	17
Совсем другая столица	18
Снова со своими детьми	20
Коминтерн	22
Беседы с Георгием Димитровым	23
Объединительные тенденции	25
Если бы Интернационалы смогли договориться	27
Большой друг испанского народа Мануильский	30
Пальмиро Тольятти	33
С Тольятти в Италии	37
Встречи с руководителями социалистов и христианских демократов	38
Вильгельм Пик	42
Морис Торез	44
Товарищ Жак	46
Хо Ши Мин	48
Клемент Готвальд	50
Черногорец Велко Влахович	51
Борец из далекой Финляндии	52
Андре Марти	53
«Салют молодости революционеров-ветеранов»	54
Васил Коларов	56
Моя подруга Стелла	—
Изучать русский язык	57
Вспоминая Клару Цеткин	58

Агрессия гитлеровской Германии против СССР	60
Рождение «Пиренайки»	—
Москва во время войны	61
Испанцы	62
Замаскированный под «голубого»	63
Те, кто никогда не будет забыт...	64
Политика национального единства — путь к примирению всех испанцев	66
В Башкирии	68
Потерявшиеся в татарской деревне	71
Мой Рубен	72
Мы потеряли Хосе Диаса	78
Его последнее письмо	79
Таким был Хосе Диас	80
Молодые руководители КПИ	84
Мигель Эрнандес	87
Генеральный секретарь КПИ	88
Победа цивилизации над варварством	90
Ленинград: 900 дней и ночей	91
Самороспуск Коммунистического Интернационала	92
В Колонном зале Дома союзов в Москве	96
И в Стокгольме	97
Операция Малага	—
Сантьяго Каррильо	98
Беседа со Сталиным	102
Бесконечное путешествие	104
Рождается атомная эра	107
В освобожденной Франции	109
Период большой активности	110
Солидарность с испанским народом	114
Глаза Пикассо	117
«Макй»	119
«Люди, как гимны пламенной жизни»	120
Истоки КПИ	122
С Генри Уоллесом, вице-президентом США	124
Варшава: развалины и флаги	125
Женщины объединяются	128
Скандинавская солидарность	130
Испанки в своей стране и за рубежом	132
Космонавтка Валя	134
«Тринадцать роз»	136
Моя последняя беседа с Франсиско Ларго Кабальеро	139
Мы вернемся в свободную Испанию!	142

Сталин назвал нас леваками	145
Сочетать легальную работу с подпольной	147
Чудо огурчики	148
Сталин навещает меня	151
Свободное время: вспомнить историю	—
Воспоминания об Индалесио Прието. Парламентарии, и в Москве?	153
Федерико Гарсия Лорка и моя грусть	156
«Пиренаика» переезжает	158
Бухарест меня очаровал	160
В Народном Китае	161
Астурия — это борющаяся Испания	167
Драгоценная кровь Испании	169
XX съезд	173
Национальное примирение	176
Историческое значение Дня национального примирения	177
Председатель партии	179
Молодежи — зеленый свет	181
Новая встреча с Тито. Исправление ошибок	187
Хулиан Гримау	190
Преступление	191
Прошу разрешения прибыть в Мадрид	193
Доктор «гонорис кауза»	197
Орден Ленина и Международная Ленинская премия мира	200
В нарушение протокола	201
Первое разногласие	202
Мосты с Испанией	205
С Рафаэлем Альберти	207
Грустное прощание	208
Парик и темные очки	209
Неожиданная встреча	210
На Курильские острова?	212
«Муж» с дурным характером	213
Встреча с молодежью и красные флаги	214
С Фиделем Кастро	218
Поверенный в делах опасается Пасионарии	222
Пабло Неруда в сердце	224
Митинг в Женеве	227
Друзья из Индии	235
«Пусть земля будет ему пухом»	236
Празднование восьмидесятилетия в Риме	237
...И в Москве	242
Выйти на свет	245
Процесс 1001	249

Битва «возвращение»	251
Наконец-то!	255
Мне не хватало Испании	257
«Бат, би, иру, лау, Долорес в Бильбао!»	259
В Астурии	260
С Херардо Иглесиасом	262
Депутат от Астурии	—
В аббатстве Монсеррат	264
С Таррадельясом в Барселоне	266
Мне пишет одна миссионерка	267
Новогодний рассказ	268
В кортесах... 41 год спустя	269
«Пусть будущее идет!»	272
Основные даты жизни и деятельности	278

Ибаррури Д.

И13 Воспоминания: Борьба и жизнь. В 2 кн. Кн. 2. Мне не хватало Испании: Пер. с исп.— М.: Политиздат, 1988.— 286 с.: ил.

ISBN 5—250—00050—9 (кн. 2)

«Мне не хватало Испании» — вторая часть (на русском языке издается впервые) выпускаемых Политиздатом в двух книгах воспоминаний Долорес Ибаррури — председателя Компартии Испании. Вторая книга охватывает период с 1939 года — с момента вынужденного отъезда автора из Испании после поражения республики до ее возвращения на родину в 1977 году.

Книгу с интересом прочтут широкие круги читателей.

И $\frac{0905000000-153}{079(02)-88}$ 249—88

ББК 66.61 (4Ис)

Ибаррури Долорес

ВОСПОМИНАНИЯ

БОРЬБА И ЖИЗНЬ

В двух книгах

Книга 2

МНЕ НЕ ХВАТАЛО ИСПАНИИ

Общая редакция перевода *В. Перцова*

Перевод с испанского *В. Ткаченко*

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*

Редактор *А. И. Горшкова*

Младший редактор *В. А. Зотова*

Художник *В. А. Иванов*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 7463

Сдано в набор 21.03.88. Подписано в печать 18.10.88. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 30,87. Уч.-изд. л. 16,46. Тираж 100 000 экз. Заказ 3657. Цена 95 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.